

Александр Александрович Бушков
Сталин. Ледяной трон
Серия «Россия, которой не было», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129436
Сталин. Ледяной трон: ОЛМА Медиа Групп; Москва;
ISBN 978-5-373-04010-5

Аннотация

В своей новой книге А. Бушков продолжает исследовать личность Сталина в последние два десятилетия его жизни. Большевистский террор, кадровая чистка в преддверии войны, закулисные интриги в окружении вождя и великая схватка с фашизмом стали предметом его непредвзятого анализа.

Автор не ставит перед собой задачу ни «реабилитировать», ни «восхвалять» Сталина. Он только пытается восстановить реальную историю, понять мотивы и объяснить поступки Сталина без примитивных клише, когда используются лишь черная и белая краска.

Наряду с уникальными материалами и фотографиями, автор впервые за последние 50 лет публикует знаменитый доклад Л. Берии на собрании тбилисского партактива.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
1. Самая первая оттепель	6
2. Голоса былые	12
3. Богдыхан с берегов Амура	19
4. Зовите его демоном	23
5. Ежов и его рукавицы	39
6. Человек с ледорубом, но не альпинист...	52
Глава вторая	58
1. Кони и моторы	58
2. Рамзай в последний раз предупреждает...	62
3. Призрачная «Гроза»	65
4. Нежная невинность по имени Польша	68
5. Добрая старая Англия	77
6. Самая короткая ночь, самый длинный день...	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александр Бушков

Сталин. Ледяной трон

Для большого плавания требуется прежде всего большой корабль.

Что такое навигатор без корабля?

Человек без дела.

И. В. Сталин

Предисловие

Есть в Грузии древняя и красивая легенда о Царе Орлов. Зовут его Орби, и живет он где-то высоко в горах, над закутанными вечным туманом перевалами, на неприступных вершинах, одетых белоснежными вечными снегами, куда никогда не добирались даже привычные к высотам люди. Мало кто его видел, а те, что имели такое несчастье, назад не возвращались – исполинский орел Орби кротостью нрава не отличается, и он настолько велик, что одним ударом когтей пронзает коня вместе с всадником, смахивая их в пропасть с узкой горной тропы.

Говорят еще знающие люди, что там, среди вечных снегов, в загадочной вышине, среди вечной тишины, стоит его ледяной трон – сверкающий под солнцем в ясные дни, нереально прозрачный, из чистейшего льда, не загрязненного пылью низин. В старые времена находились самонадеянные князья, изображавшие ледяной трон Царя Орлов на своих фамильных знаменах. Счастья, удачи, благополучия и покоя никому из них это не принесло, давным-давно исчезла память и о них, и о их гербах.

Грузин Сталин не мог не слышать в детстве этой легенды. Но в юные годы он, конечно же, и подумать не мог, что когда-нибудь сам станет властителем на ледяном троне.

Вот именно. Престолом красного монарха стал тот самый Ледяной Трон из старинных горских легенд. Какая страна, какое время – таков и трон. Тот трон, на который взошел Сталин через два десятка лет после революции, возможно, в чьих-то глазах был красивым, манящим, удобным, но в том-то и жестокая правда жизни, что он был *ледяным*. Он распространял пронзительный холод, смертельный для слабого. Впрочем, и для сильного тоже. И этого никогда не понимали те, кто пытался трон Сталина завладеть. Ледяной блеск, сияние солнца, игра радужных огней на прозрачных гранях завораживали и манили настолько, что претенденты не чувствовали смертного холода, а когда они спохватывались, становилось слишком поздно.

Сам Сталин, у меня нет ни малейших сомнений, с самого начала ощущал исходящий от трона пронзительный холод. И знал, что Ледяной Трон убивает.

Но у него не было ни выхода, ни выбора. С пути, по которому он шел, нельзя была свернуть. И остановиться нельзя было. И повернуть назад.

Как уже не раз говорилось, ошибкой было бы свести все к примитивной «жажде власти». Все гораздо сложнее. Сплошь и рядом человек стремится к абсолютной власти не ради нее самой, не ради золотых орденов с тарелку размером, пышных титулов и согнувшихся в земных поклонах тысячных толп. Нравится это кому-то или нет, но существуют и *другие* мотивы.

Как это было в случае Сталина. Лично для меня не подлежит сомнению, что он, как один из вождей революции, сменившей самым решительным образом систему, строй, уклад жизни, чувствовал нешуточную ответственность за судьбу корабля, на мостике которого оказался. И вдобавок не без оснований полагал, что именно он, а не кто-то другой, сможет наладить дело, проложить курс, достичь цели. В этом и разгадка, в этом причина. А все остальное – не более, чем следствие. Все великие свершения – а они были! – все ужасные преступления – от них никуда не деться! – все они проистекают из того простого факта, что Сталин чувствовал себя ответственным за страну и был уверен, что сможет держать штурвал на правильном курсе.

Многие этой простой истины не осознают до сих пор, но моя книга не для них...

Глава первая Очищение пламенем

1. Самая первая оттепель

К сожалению, когда речь заходит о Сталине, очень и очень многие не дают себе труда подумать, осмыслить собственным разумением и личность вождя, и то чертовски непростое время, когда он жил и работал. Массовое сознание сворачивает на гораздо более простой, но крайне неподходящий путь: механически повторять готовые, примитивные штампы, *брошенные* в широкое обращение XX съездом и лично Хрущевым. Между прочим, по бедности фантазии и общей убогости интеллекта «дорогой Никита Сергеевич» практически не придумал ничего своего – он попросту воспользовался опять-таки готовыми клише, которые запустили не кто иной, как Троцкий с Геббельсом (что будет убедительно доказано чуть позже)...

Вот, например, молчаливо подразумевается, что Сталин в течение своей отнюдь не короткой жизни совершенно не менялся. Не менялись его характер, отношение к людям, взгляды на мир, события, теории. А меж тем это глубоко неправильно.

Так попросту *не бывает*. Любой человек, если только он не законченный дебил, с годами постепенно, понемногу меняет убеждения, характер, взгляды, привычки – потому что взрослеет, усложняется, набирается житейского опыта, потому что в его сознание непрерывно поступает поток свежей информации, потому что с ним происходят разнообразнейшие события, опять-таки вынуждающие человека меняться...

Это ведь азы психологии, не правда ли?

Но в случае со Сталиным об этих азах как-то забывают. В полную силу работают штампы и клише. А потому сплошь и рядом появляются статьи и книги, авторы которых свято верят, будто Сталин еще году в семнадцатом поставил себе задачу «добиться необъятной власти», а вся его дальнейшая жизнь и поступки были, мол, лишь осуществлением этого патологического стремления к трону...

И это глубоко неправильно. Хотя бы потому, что совершенно не учитывается *время*. К примеру, декабрь семнадцатого, июнь восемнадцатого и, скажем, март девятнадцатого – это три совершенно разных исторических периода, отличающиеся друг от друга, как небо от земли. Во времена, подобные нашей революции и Гражданской войне, ситуация меняется столь же быстро, как картинка в калейдоскопе – и новое уже совершенно не похоже на прежнее, прошлый опыт (всего лишь опыт прошлой недели) уже решительно не годится, впереди полнейшая неизвестность, и нужно срочно импровизировать...

В первом томе я, смею думать, наглядно и убедительно доказал на конкретных примерах, что Сталин всегда, с самого начала, был приверженцем *умеренности*. Что на всяком критическом переломе ситуации или просто при необходимости решить какую-то насущную проблему он был автором самого умеренного решения, самого мягкого.

Но Сталин *менялся*. Жизнь заставляла. Думается мне, можно довольно уверенно проследить ту цепочку событий и фактов, что поневоле прибавляла в его характере подозрительности, твердости, недоверия, жесткости... жестокости, назовем уж вещи своими именами. Многие ключевые эпизоды прослеживаются четко и недвусмысленно...

Начнем с того, что большевики, по моему глубокому убеждению (и при отсутствии к ним всякой симпатии), все же были носителями не в пример большей *доброты*, нежели,

скажем, представители кое-каких братских революционных партии. Постараюсь прояснить свою мысль.

Нелепо утверждать, что большевики не практиковали террора. Ого, и еще как практиковали! Но принципиальное отличие в том, что для большевиков он был *побочным* видом деятельности, если можно так выразиться. Потому что идейную основу большевиков составляло стремление донести до народных масс *теорию*. Вооружить массы этой теорией, чтобы они сознательно сделали выбор в пользу переустройства общества по их, большевистскому, пути.

Меж тем для тех же эсеров или анархистов-максималистов террор был *самоцелью*. Теорией они себя особо не утруждали, бросив все силы на стрельбу и взрывы. Большевистские боевики, сплошь и рядом решавшие мелкие, прикладные задачи, не шли ни в какое сравнение с Боевой Организацией эсеров...

Глубинная суть большевиков – «распропагандировать и убедить». Глубинная суть эсеров и подобных им – «стреляй по всему, что движется». Отрицать это невозможно.

И только впоследствии, когда пришлось импровизировать, когда возникли новые, никакой теорией не предусмотренные ситуации, когда началась не укладывавшаяся в рамки прежних теоретических дискуссий борьба, большевики – и Сталин с ними вместе – *озлились*. В таком повороте событий нет ничего непонятного, необычного. И нового тоже нет. В точности так обстояло во Франции: начиналось малой кровью и цветами, а кончилось разгулом гильотины. В точности так обстояло и с российскими народовольцами, спервоначалу искренне полагававшими, что достаточно свергнуть самодержца и провозгласить все и всяческие свободы, чтобы миллионные народные массы автоматически превратились в исполненных чистой любви «братьев». Об этой невинной вере прямо-таки открытым текстом повествуют подробнейшие мемуары лидеров «Народной воли» (того же Морозова). И лишь потом, когда теория оказалась решительно несовместима с жизнью, как-то незаметно, сами собой всплыли мысли о динамите, кинжалах и револьверной пальбе...

Глупо отрицать, что поначалу взявшие власть большевики отпускали под честное слово своих противников вроде генерала Краснова...

Итак, что же вынуждало Сталина *озлиться*?

Первым толчком, без сомнения, был суд над Романом Малиновским, многолетним агентом охранного отделения. У людей идейных, убежденных (а Сталин таковым, безусловно, являлся) это должно было вызвать нешуточный шок, психологический удар, надлом: не рядовой функционер, а один из старых партийных товарищей, член ЦК, близкий к Ленину, оказался примитивным стукачом.

И вдобавок не единственным из *видных*...

Потом события середины двадцатых годов: смерть Ленина, за которой последовала ожесточенная *грызня* в верхах, борьба за лидерство в партии, за титул вождя и наследника. Для идейного человека это опять-таки шок: когда бывлые сподвижники, вроде бы накрепко спаянные единством убеждений и целей, схватываются насмерть, словно откопавшие золотой клад флибустьеры...

В конце двадцатых – начале тридцатых эта борьба еще более обострилась. Как ни убаюкивай себя воспоминаниями о былом единстве, об общих идеалах, жизнь наглядно демонстрирует: верить нельзя *никому*. Сталин полагал, что Бухарин – его искренний друг, не способный на подлость, а «друг» тем временем с поднятым воротником проскальзывал к противникам Сталина и на равных обсуждал с ними, как бы свергнуть Кобу к чертовой матери. И даже жена Наденька, самый близкий человек, качнулась к противникам...

Что, подобные поганые сюрпризы не сделают человека жестче и подозрительнее? Ну-ну.

А еще позже, когда *хлынула* информация о заговорах в высшем руководстве партии, армии, госаппарата...

Одним словом, изначально Сталин вовсе не был свирепым. Жизнь заставила...

И все же он до некоторого момента еще пытался оставаться умеренным, не жестоким. Давно известно, что в середине тридцатых, уже подвергаясь *прессовке*, Бухарин (вместе с молодой женой!) был послан ЦК в Европу, чтобы приобрести там архив Карла Маркса. С некоторых пор я не могу отделаться от убеждения, что Сталин таким образом *выталкивал* неверного друга «Бухарчика» из страны. Что это был недвусмысленный намек: ну что ты тянешь, придурок! Жена при тебе, ты на свободе! Не вздумай возвращаться!

Но если это и был намек, Бухарин его не понял...

Еще в тридцать шестом году, когда уже давным-давно бушевали открытые схватки с партийной оппозицией, когда к Сталину стеклось достаточно информации о заговорах, он, тем не менее, старательно готовил *оттепель*.

Да, именно так. Оттепель. Первую. Принято считать с легкой руки Эренбурга, что оттепель впервые наступила после смерти Сталина. Простите, вздор. Самая первая оттепель – это тридцать шестой год, сталинская Конституция, сталинский проект всеобщих, равных и тайных выборов.

Напомню, как обстояли дела. Сначала был принят целый комплекс мер по восстановлению законности и искоренению перегибов последних лет. Не кто иной, как Андрей Януарьевич Вышинский, новый прокурор СССР, совершенно несправедливо признанный «палачом», эту кампанию начал. Сначала были пересмотрены дела многих социально чуждых элементов, высланных из Ленинграда после убийства Кирова, – и немало людей реабилитировано.

Потом Вышинский пробил в Политбюро (несомненно, с подачи Сталина) так называемое постановление о снятии судимости с колхозников, репрессированных по печально известному закону «о трех колосках». В течение семи месяцев почти *восемьсот тысяч* человек в одночасье лишились судимости и были восстановлены в правах. Вслед за тем из разряда «лишенцев» вывели казачество.

Сегодня нам трудно представить, что означало тогда для человека находиться в категории «лишенца». «Лишенец» – это не просто индивидуум, лишенный права голосовать на выборах. Это – бедолага третьего, четвертого сорта: и сам бесправен, и дети бесправны, не то что в институт поступить, а и приличную работу получить невозможно...

И вот их реабилитировали – сотни тысяч людей. Отныне они становились полноправными гражданами. Это что – не оттепель? Но Вышинский не останавливался. Летом 1936-го Политбюро утвердило проект его постановления «О порядке производства арестов». Теперь по всем без исключения делам сотрудники НКВД могли производить аресты исключительно с согласия прокурора. А на арест того или иного специалиста требовалась еще и санкция соответствующего наркома. По сравнению с прежней феноменальной легкостью, с какой «органы» гребли практически любого, на кого упал их зоркий взгляд, это был гигантский шаг вперед.

Вообще Вышинский – еще одна самым бесцеремонным образом ошельмованная фигура. Разбуди ночью любого и напхни эту фамилию – и почти каждый, не задумываясь, воскликнет:

– Ну как же, помню! Тот, что говорил, будто признание – царица доказательств!

Так вот, ничего подобного. Не угодно ли прочесть *подлинные* слова Вышинского, найденные Е. Прудниковой?

«В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя винов-

ным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, „царицей доказательств“... Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики».

Как видим, Вышинский писал и говорил совершенно противоположное тому, что ему стали приписывать! Между прочим, в точности так обстояло дело и со «всеизвестным» высказыванием Ленина о том, что якобы «каждая кухарка способна управлять государством». На деле же Ленин попросту призывал создать такие условия воспитания и образования, при которых каждая кухарка сможет квалифицированно принимать участие в делах государственного управления! Существенная разница, не правда ли?!

Итак, сотни тысяч людей в 1936 г. стали полноправными гражданами, избавленными от прежних ограничений. А Сталин шел дальше. Возможно, кому-то это покажется диким, невероятным – но в том же году он подготовил проект выборов, по которому в каждом избирательном бюллетене значились бы *несколько* кандидатов, выдвигаемых не только партийными ячейками, но и общественными организациями, собраниями беспартийных!

Образец такого бюллетеня – в Приложении. Он обнаружен в архивах доктором исторических наук Ю. Н. Жуковым пару лет назад – и до сих пор не высказано внятных сомнений в подлинности документа. Три кандидата – из них райкомом выдвинут только один. Голосование – тайное, избирателю предоставляется полная возможность вычеркнуть тех, кто ему негоден.

Если это не демократические выборы, то объясните мне, что же тогда демократией считать?!

Состоявшийся в феврале 1937-го Пленум ЦК ВКП(б) прямо нацеливал партийную верхушку на *новые* времена. А. А. Жданов в своем обширном докладе высказался совершенно недвусмысленно:

«Новая избирательная система... даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в работе наших советских организаций. А эти недостатки, как вы знаете, очень существенны. Наши партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе...»

И далее он говорил, что выборы эти будут серьезной, нешуточной проверкой советских работников, потому что тайное голосование дает широкие возможности отвести нежелательных и неугодных массам кандидатов; что партийные органы обязаны отличать подобную критику от враждебной деятельности, что к беспартийным кандидатам следует относиться со всей поддержкой и вниманием, потому что их, деликатно говоря, в несколько раз больше, чем партийцев.

В докладе Жданова во всеуслышание были озвучены термины «внутрипартийный демократизм», «демократический централизм», «демократические выборы». И были выдвинуты требования: запретить «выдвигать» кандидатов без выборов, запретить на партийных собраниях голосовать «списком», обеспечить «неограниченное право отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченное право критики этих кандидатур». Последняя фраза целиком относилась к выборам сугубо партийных органов, где давным-давно не было ни тени демократизма. Но, как мы видим, и всеобщие выборы в советские органы не забыты. Сталин и его люди *требуют* демократии!

И как же на доклад Жданова реагируют партийные вельможи, собравшиеся на пленуме, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий?

А они пропускают все это мимо ушей! Потому что подобные новшества отнюдь не по вкусу той самой «старой ленинской гвардии», которая еще не уничтожена Сталиным, а как раз и восседает на пленуме во всем величии и блеске... Потому что хваленая «ленинская

гвардия» – скопище мелких сатрапчиков, категорически не приемлющих и подобный разгул демократии, и вообще необходимость соблюдать какие бы то ни было законы. Они привыкли жить в своих вотчинах мелкими царьками, единолично распоряжаться жизнью и смертью... Двадцать лет глава советской юстиции товарищ Крыленко, палач, расстрельщик, буквально в истерике бьется, стоит ему услышать о каких-то там писанных законах. Остальные – не лучше...

Прения по докладу Жданова были практически сорваны. Несмотря на прямые призывы Сталина серьезно и подробно обсудить реформы, старая гвардия с параноидальным упорством сворачивает на более приятные и понятные темы: террор, террор, террор! Какие, к чертовой матери, реформы?! Есть более насущные задачи: бей затаившегося врага, жги, лови, выявляй! Наркомы, первые секретари – все талдычат о том же: как они азартно и масштабно выявляют врагов народа, как намерены поднять эту кампанию до космических высот...

Сталин теряет терпение. При появлении на трибуне очередного оратора, не дожидаясь, когда тот откроет рот, иронически бросает:

– Всех врагов выявили или еще остались?

Оратор (первый секретарь Свердловского обкома Кабаков, еще одна будущая «безвинная жертва сталинского террора») пропускает иронию мимо ушей и привычно *трещит* о том, что избирательная активность масс, чтоб вы знали, как раз «сплошь и рядом используется враждебными элементами для контрреволюционной работы».

Они *неизлечимы!* Они просто не умеют иначе! Им не нужны ни реформы, ни тайное голосование, ни несколько кандидатов в бюллетене. Они с пеной у рта отстаивают прежнюю систему, где нет никакой демократии, а есть лишь «боярская волюшка»...

На трибуне – Молотов. Он говорит дельные, толковые вещи: нужно выявлять действительных врагов и вредителей (а они, как мы убедились, существуют реально! – А. Б.), а не поливать грязью всех без исключения «капитанов производства»; нужно научиться, наконец, отличать виновных от невиновных, нужно реформировать раздутый бюрократический аппарат; нужно оценивать людей по их деловым качествам и не ставить в строку прошлые ошибки...

А *бояре* – все о том же: искать и ловить врагов со всем пылом! Искоренять глубже, сажать больше!

Для разнообразия они увлеченно и громогласно начинают *топить* друг друга: Кудрявцев – Постышева, Андреев – Шеболдаева, Полонский – Шверника, Хрущев – Яковлева. Молотов, не выдержав, открытым текстом говорит:

– В ряде случаев, слушая выступающих ораторов, можно было прийти к выводу, что наши резолюции и наши доклады прошли мимо ушей выступающих...

В яблочко! Не просто прошли – просвистели... Большинство собравшихся в зале не умеют ни работать, ни реформировать. Зато они прекрасно умеют ловить и выявлять врагов, они обожают это занятие и жизни без него не мыслят...

Короче говоря, не «тиран Сталин», а именно «старая партийная гвардия», правившая бал на февральском пленуме, похоронила все попытки демократической оттепели. О бюллетенях с несколькими кандидатами речь уже не шла: планы реформ были немилосердно кастрированы и свелись исключительно к тому, что кандидатов на выборах будут выдвигать «совместно» коммунисты с беспартийными. И в каждом бюллетене отныне будет по одному единственному кандидату – ради отпора происка. А в придачу – очередное многословное словоблудие о необходимости выявлять массы засевших врагов...

Конец недолгой оттепели. Сталин так и не *продавил* свой блок реформ.

Правда, на пленуме он сказал примечательные слова:

– Партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. Для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена и ее органы не дадут вам подменить их. И это очень хорошо. Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами: не подменять их, не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо них.

Тогда партийная верхушка, несомненно, восприняла это как *проходные*, дежурные декларации, нечто вроде обязательных заклинаний. И совершенно зря. Впоследствии мы еще не раз вернемся к этим сталинским словам. Потому что это была продуманная и жесткая *программа*, начавшая претворяться в жизнь уже довольно скоро...

2. Голоса былые

А в это время уже во всю шли аресты...

Давно и отнюдь не мною, таким умным, подмечено: Россия – единственная страна, где показаниям подследственных не верят вовсе. На XX съезде Хрущев высочайше повелел считать все обвинения «ложными», все показания «выбитыми», все признания «вынужденными» и не имеющими ничего общего с реальностью. Отныне полагалось верить, что «ленинская гвардия», во-первых, вовсе не имела своего мнения, воли, стремлений и желаний, слепо повинаясь указаниям Сталина на манер дрессированной морской свинки; во-вторых, они никогда в жизни не предпринимали никаких *действий* против руководства страны и Сталина, в частности, против сложившегося порядка управления...

Позвольте не поверить. В первую очередь оттого, что речь, как уже неоднократно подчеркивалось и повторялось, идет не о мелких, примитивных людишках, а о *личностях* – ярких, крупных, самобытных, своевольных, привыкших казнить и миловать, самовластно повелевать миллионами людей. *Такие* люди просто-напросто не стали бы изображать дрессированных собачек перед Сталиным – которого считали всего-навсего «первым среди равных». Здесь в полной мере действовала та же логика, что в былые времена двигала средневековыми баронами: в замке у себя каждый вельможа – король, а если его величество вздумает очень уж своевольничать, его и придумать не грех...

По какому-то неисповедимому выверту ума и логики помянутых баронов-заговорщиков мы вовсе не считаем безвинными жертвами, а вот *красным* вельможам отчего-то отказываем в уме, решимости и воле...

В этом мире нет ничего нового. Перед нами – классический, прискучивший уже Европе из-за своей обыденности очередной заговор титулованной знати против энергичного короля...

Они не были безвинными. Они *действовали!*

Этот вывод напрашивается сам собой, стоит нам сделать одно-единственное допущение: признать имеющиеся в следственных делах показания (или какую-то их часть, по крайней мере) не «выбитой ложью» не «говором следователей», а отражением реальных заговоров...

В феврале 1936 г. начальник секретно-политического отдела НКВД Молчанов докладывал Ягоде: «Новые материалы следствия обнаруживают тенденцию троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами». Это предназначалось не для нацеленной на широкие массы пропаганды, а под грифом «совершенно секретно» ложилось на стол считанным людям. Правда, при этом и Ягода, и Молчанов по уши бултыхались в *другом* заговоре, чисто энкаведешном, но это уже детали...

Противники Сталина действовали! И это были не пригостишки – достаточно упомянуть, что *сеть* троцкистов в стране *ставил* не кто иной, как старый большевик Иван Никитич Смирнов, ас и волчара тайной войны еще во времена Гражданской, человек, успешно готовивший и претворявший в жизнь многочисленные восстания в колчаковском тылу, создавший на занятой белогвардейцами территории обширнейшую и надежную разведсеть. *Теперь* он с прежним профессионализмом и мастерством создавал антисталинское подполье. В конце концов, был арестован и осужден.

Соблазнительно было бы объявить и его показания «выбитыми». Чему мешают два серьезнейших обстоятельства. Во-первых, из сохранившегося за рубежом архива Троцкого недвусмысленно явствует, что Смирнов все же был душой троцкистского подполья и положил немало трудов на это предприятие. А во-вторых, не кто иной, как супруга Смирнова – Сафонова уже *после* XX съезда написала Хрущеву обширное письмо, в котором призна-

валась: значительная часть того, в чем обвинялись ее муж и его соратники, не выдумана следователями, а действительно имела место. И, наконец, в 1933 г., когда Смирнов давал в НКВД свои обширные показания, видных оппозиционеров еще и пальцем не трогали...

Ох уж эти показания... Как уже говорилось в первом томе, Сталину о том, что Ягода готовил заговор на пару с Томским, сообщила жена Томского после его самоубийства – согласно оставленному мужем письму. Никто ее не арестовывал, не «выбивал» фальшивок.

Пятаков на допросах признавался, что Троцкий ориентировал своих сторонников в СССР на поражение страны в грядущей войне – поскольку военное поражение создаст в армии и в стране необходимые условия для возвращения Троцкого к власти.

Объясните мне, что здесь необычного?! Это – прямое повторение семнадцатого года, когда Ленин с тем же Троцким готовили военное поражение царизма для того, чтобы прийти к власти. Только и всего...

Ничего необычного нет и в показаниях жены маршала Егорова на Тухачевского. Не угодно ли?

«Тухачевский – аристократ голубой крови, всегда весел, всегда в кругу дам, он объединял военную группу, шел, не сгибаясь, прямо к цели, не скрывая своей неприязни к руководству. Вся эта публика непризнанных талантов тянулась кверху, не разбирая путей и средств, все было пущено в ход – и лесть, и двуличие, и ничем не прикрытое подхалимство, но их честолюбивые замашки кем-то были распознаны, их не упекали, сдерживали, отбрасывали назад, они негодовали, и вот эта-то озлобленность просачивалась здесь, в салонах, в кругу своих. Все это было видно невооруженным глазом...»

А здесь что необычного? Обратите внимание: речь идет вовсе не о том, что Тухачевский с компанией «продавали секреты абверу». Перед нами – точный, психологически достоверный портрет кучки карьеристов, недовольных своим положением и ради собственного благополучия готовых пойти на путч. Впервые в истории человечества, да?

Житие Тухачевского мы подробнее рассмотрим позже. А пока – рассказ Егоровой уже о собственном муже: «...двуличие, двойственная жизнь, которую вели Егоров и лица, наиболее близкие к нему. Внешне они показывали себя как командиры Красной Армии, на деле же они были махровые белогвардейцы. Они шли с Красной Армией до поры до времени, но душа их была по ту сторону окопов, в стане врагов... Я спрашивала Александра Ильича, почему он при всей его показной близости к Сталину и пребывании в коммунистической партии ведет себя как антисоветский человек. Егоров сказал тогда, что он и его друзья остаются офицерами, значит, людьми, которые с Советской властью примириться не могут...»

Вот тут бы и вспылать яростью благородной, вскипающей, как волна, на следователей-костоломов, вынудивших бедную женщину подписать бредовые вымыслы. Одно мешает: воспоминания о событиях, за полторы сотни лет до того имевших место на другом конце Европы, во Франции. Жили-были там несколько молодых офицеров, бурно и преданно служивших революции. Произносили на митингах самые что ни на есть революционные речи касаясь равенства, братства и свободы, рубали врагов революции во главе полков и дивизий... а потом как-то так незаметно обернулось, что эти молодые люди извели под корень все и всяческие революционные порядки, и один из них, по имени Наполеон Бонапарт, стал императором, а прочие – маршалами, герцогами и князьями. Вот так-то...

Любвеобильная богемная звездочка, знаменитая Лиля Брик, одно время бывшая супружницей знаменитого Примакова, оставила примечательные воспоминания...

«Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде. И все это время я, чем дальше, тем больше, замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели допоздна. Может быть, они действительно хотели свалить тирана? Ужасно то, что я одно время верила, что заговор действительно был, что была какая-то высокая интрига

и Виталий к этому причастен. Ведь я постоянно слышала: „Этот безграмотный Ворошилов“ или „этот дурак Буденный“ ничего не понимает. До меня доходили разговоры о Сталине и Кирове, о том, насколько Киров выше, и я подумала, вдруг и вправду что-то затевается, но в разговор не вмешалась».

Ну, о «безграмотном» Ворошилове – чуточку погода. А пока...

Воспоминания Лили Брик удивительным образом перекликаются с одним любопытнейшим эпизодом, происходившим на суде над Тухачевским и его соратниками. Председатель суда Ульрих задал означенному Примакову такой вопрос: «На какие силы вы рассчитывали? Ведь за вами танковая бригада не пошла. Вы завербовали только командира бригады?»

Примаков промолчал...

Вопрос любопытнейший! Все его содержание, все его построение, формулировка свидетельствуют о том, что Примаковым было предпринято некое *действие* – правда, закончившееся неудачно. Ведь если говорится: за вами танковая бригада не пошла, то объяснение у этой фразы одно и двойных толкований не допускает. Речь может идти исключительно о том, что Примаков все же *пытался* поднять на какие-то акции танковую бригаду, но танкисты его не поддержали. Один-единственный человек, командир бригады, оказался как-то замешан. Другого толкования тут попросту нет...

Между прочим, еще за год до этого агент НКВД Зайончковская, дочь бывшего царского генерала, сообщала по начальству, что, по добытым ею сведениям начальник мотомеханизированных частей РККА Халепский создает в подчиненных ему войсках «группировку линии Тухачевского»...

Инициаторы «дворцового переворота», намеревавшиеся занять Кремль и арестовать Сталина, видный партиец Енукидзе и комендант Кремля Петерсон сразу же после своего ареста дали совершенно одинаковые показания следователям – Енукидзе в Харькове, а Петерсон – в Киеве. Причем они выкладывали секретнейшую информацию о расположении помещений в Кремле, существующей там системе охраны! Подобная информация и тогда, и теперь является одной из строжайше охраняемых государственных тайн. Поэтому никак нельзя допустить, что киевский и харьковский следователи «обменивались» показаниями: речь шла о секретах, каких простым следователям знать не полагалось вовсе, они вообще не должны были выйти за пределы Кремля!

Уже неоднократно упоминавшийся Буланов, один из близких к Ягоде людей, на допросе рассказал о шефе следующее:

«Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга „Моя борьба“ действительно стоящая... Он подчеркивал, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие люди... Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Он, председатель Совнаркома, при таком секретаре, типа Геббельса, и при совершенно послушном ему ЦК будет управлять так, как захочет...»

Снова ничего необычного. Никаких признаков болезненной фантазии «следователей-костоломов». Циничные рассуждения очередного бонапартика, намеренного устроить переворот не оттого, что ему за это посулила мешок денег иностранная разведка, а для того, чтобы стать *реальным* хозяином и пожить всласть без оглядки на коммунистические догмы...

Что симптоматично – первый допрос Ягоды касался вовсе не заговора, а деятельности директора кооператива НКВД Лурье, который, как выяснилось, во время частых заграничных командировок вывозил из СССР и продавал кому-то немалое количество бриллиантов. Я, заматерелый циник, полагаю, что он старался для Ягоды. Люди романтические вправе думать иначе...

На следствии Бухарин подробно рассказал, что по инициативе Троцкого «подпольщики» разработали тот самый, уже упоминавшийся план поражения СССР в войне. Троц-

кий предлагал после поражения отдать Германии Украину, Японии – Дальний Восток, а вот потом, «укрепившись»... вызвать в Германии революцию и «вернуть все с прибытком».

Повторяю снова и снова: это всего-навсего *повторение* Брестского мира, задуманное теми же людьми!

А впрочем, хитроумный Бухарин рассчитывал одним выстрелом убить целую кучу зайцев. Немцев он с самого начала намеревался *кинуть*: «Мы рассчитывали, что немцев надуем, и это требование (о передаче Украины. – А. Б.) не выполним». Кроме того, он собирался после поражения предать суду и расстрелять кучу военных, чтобы «решить проблему бонапартизма».

Ох, не так уж и прост был Николай Иванович... Несомненно, он и его группа всерьез опасались своих сообщников-военных, справедливо подозревая, что в случае успеха переворота располагающие реальной силой товарищи генералы, вроде Тухачевского и Примакова, могут задать резонный вопрос: а на кой им черт теперь эта кучка штатских болтунов?! А посему генералов следовало как раз и выставить главными виновниками замышлявшегося поражения и быстренько прислонить к стенке... По собственному, уже упоминавшемуся выражению Коли Балаболкина: «В революции первым тот побеждает, кто другому череп проломит».

(Пикантности ради, чтобы показать всю фантазмагоричность тогдашней жизни, стоит упомянуть, что в 1930 г. была раскрыта крестьянская организация «Правый оппортунизм», которая вела агитацию от имени... Лжебухарина! Ну разумеется, в смутные времена никак не обойтись без самозванцев, это не только отечественная тенденция...)

Сплошь и рядом при аресте всплывали *старые* грешки. После ареста Павла Дыбенко его обвиняли еще и в том, что он, будучи завербован Охранным отделением в 1915 г., выдавал жандармам большевиков. Разумеется, это могло оказаться и выдумкой следователей, но все же не стоит с порога отметить **такой** вариант, объявляя его заведомой чушью. После всего, что нам уже известно об агентуре жандармерии в рядах всех и всяческих революционных течений, это было бы, по меньшей мере, неосмотрительно...

Особенно если вспомнить, какие грешки числились, например, на совести высокопоставленного военного генерала Тодорского. В 1918 году, командуя 5-м Сибирским корпусом, он сдался в плен немцам и был ими назначен начальником гарнизона Кременца. В качестве такового издавал грозные приказы, в которых угрожал расстрелом за небрежное выполнение немецких оккупационных указов. Один из «реабилитаторов», не моргнув глазом, пишет, что впоследствии Тодорский этих приказов «стыдился». Краснел, надо полагать, как гимназистка. В самом деле, пустячок – всего-то пойти на службу к оккупантам и служить им в качестве чего-то вроде полицейя... Милые шалости!

Разумеется, эти темные пятна из биографии Тодорского еще не означают, что он готов был впоследствии автоматически примкнуть к любому заговору против Сталина. Но кое о чем они все же говорят – в первую очередь о том, что взрослый человек, офицер был достаточно неустойчив, чтобы спокойно пойти на полицейскую службу к недавнему противнику. В то время как, напомню, *другие* организовывали отпор этим самым тевтонским оккупантам и вели против них партизанскую (пока что) войну. Есть кое-какие основания называть Тодорского классическим *попутчиком*: по причине жизненных обстоятельств такие могут и служить какое-то время определенной силе... но где гарантия, что при перемене ситуации они вновь не проявят те же самые душевные *шатания*?

Вот еще одна интересная биография. Александр Георгиевич Лигнау, бывший генерал-майор царской армии. В 1918 г. служил заместителем военного министра в марионеточном правительстве гетмана Скоропадского на Украине. С июля 1919-го по январь 1920 г. – у Колчака, начальником снабжения 1-й Сибирской армии. В обоих местах оказался не случайно, а в силу убеждений, как сам показывал: «После Октябрьского переворота, считая

большевистский режим для себя неприемлемым, я демобилизовал дивизию и, оставаясь верным своим монархическим убеждениям, перешел в правительство гетмана Скоропадского на должность помощника военного министра, т. к. на Украине в то время монархические тенденции выявились наиболее ярко. После падения Скоропадского я вел работу у Колчака, видя в его стремлениях будущее осуществление монархического принципа».

Каким-то чудом обернулось так, что Лигнау после разгрома Колчака *всплыл* в Красной Армии, в качестве преподавателя военно-учебных заведений. Механизм этой метаморфозы убежденного монархиста мне решительно непонятен, а дополнительной информации отыскать не удалось. Зато известно, что в 1921 г. наш герой списался со своим бывшим сослуживцем, который стал генералом в армии независимой Латвии, с просьбой оказать протекцию и помочь в эту армию поступить (совершенно непонятно, как это сочеталось бы с теми самыми монархическими убеждениями).

Латышский генерал, в общем, был не против, но в Латвию Лигнау не перебрался по чисто бытовым причинам: жена не захотела с ним туда ехать. Скрепя сердце, остался в СССР и продолжал преподавать. В 1931 г. был впервые арестован за соучастие в подпольной офицерской организации, отсидел несколько лет, вернулся на военно-преподавательскую работу, в 1937 г. его подмели окончательно...

Допустим, он и в самом деле не был ничьим шпионом, как твердил на следствии. Но все же, положи руку на сердце: вам не кажется, что человек с *такой* вот биографией попросту *ненадежен*? И в то непростое время нельзя было позволить себе роскошь держать в рядах РККА столь мутного субъекта? Поскольку от ненадежных и мутных следовало решительно избавляться – пусть даже обвинениями в шпионаже, несколько не соответствующими истине...

Это еще один аспект проблемы, который мы упускаем из виду; в преддверии большой войны шла *чистка*. Избавлялись от зыбких, подозрительных, ненадежных. Избавлялись методами, которые нам *сегодня* справедливо кажутся неприемлемыми, несправедливыми и чрезмерно жестокими, но у каждого времени свои критерии и методы...

Вот, к примеру, насквозь культурная и демократическая Франция. Во времена Первой мировой войны там, зачищая Париж, без суда и следствия арестовали несколько сот уголовников – всех, кто по делам оперативного учета проходил как злостный рецидивист. Отвезли в один из фортов, согнали в ров и выставили пулеметы... В *сегодняшней* Франции невозможно даже бледная тень подобной чистки, но тогда было другое время, требовавшее других подходов и решений. И подобных примеров множество – устанешь перечислять.

Повторяю, «выбиванием» сплошь и рядом ничего не объяснить. Ягода, как уже говорилось, признал свое участие в подготовке заговора и совершенные по его приказу политические убийства, но обвинения в работе на иностранные разведки категорически отметал. Неужели не хватило мастерства у пресловутых «костоломов»? Плохо верится...

Та же картина – с генералом Свечиным. Арестованный в начале 1931 г. по так называемому «делу генштабистов», Свечин признал себя виновным, «участником офицерской антисоветской организации». И давал такие показания: «Основная цель этой организации – объединение и сплочение посредством пропаганды бывшего офицерства, которое могло бы в критические моменты послужить своей Родине... В нашей организации я играл только роль одного из идеологов и никакой практической работы не вел, за исключением агитационной работы... В моей научной, литературной деятельности я проводил свои политические взгляды, находившиеся в части оппозиции и противоречившие установкам компартии и Коммунистического Интернационала...»

Между прочим, реалистично и вполне жизненно. Правда, любой, находящийся еще под впечатлением XX съезда и перестроечных обличений Сталина, может тут же воскликнуть: «Ну так его же наверняка били!»

В 1931 г. вообще-то еще не били... Ладно. Допустим, били. Но как тогда прикажете объяснить тот факт, что Свечин, в 1937 г. обвинявшийся «в участии в офицерско-монархической организации и военно-фашистском заговоре», *на сей раз* не признал *ничего* из предъявленных обвинений?! Как этакий пассаж прикажете понимать? В тридцать первом признал все, в тридцать седьмом – ничего. Плохо били? Хуже, чем шесть лет назад? Или пора все же окончательно отбросить эту замшелую выдумку, будто все признания проистекали исключительно от битья? Пожалуй.

А что же представляла собой упоминавшаяся «организация генштабистов», по делу которой Свечина арестовали в первый раз? Вовсе не измышление следователей. Несколько лет устраивались конспиративные вечера, куда товарищи офицеры РККА (они же все поголовно офицеры былой императорской армии) сходились сугубо в штатском, с Георгиями на груди.

Хорошо, предположим, там не плелось никаких заговоров, там никто не обсуждал какие бы то ни было силовые акции... но все равно, выглядят ли полностью надежными с точки зрения Советской власти участники подобных чаепитий? И надежны ли они на деле? Есть нешуточные подозрения, что в случае каких-либо военных неурядиц, политических сложностей они-таки могут *взбрыкнуть* и повести себя совершенно не так, как вроде бы подобает красным командирам...

Вот вам и *очищение!* Сплошь и рядом сопровождавшееся предъявлением насквозь фальшивых обвинений – потому что *настоящих* причин никак нельзя было назвать вслух... «Друг наполовину – всегда наполовину враг» – как справедливо выражался герой одной талантливой книги. 1937 год – это еще и избавление от «друзей наполовину», от попутчиков, колеблющихся, ненадежных...

Крайне интересны слова, оставшиеся в показаниях Зюзь-Яковенко: «После ареста Гарькавого Гамарник и Левичев ругали Гарькавого за то, что он ВСЕХ ВЫДАЕТ»...

Я не зря выделил последние слова крупным шрифтом. Очень уж примечательный оборот речи: не «клеветает» Гарькавый, не «оговаривает», не «врет», а *выдает!* Выдать можно только то, что существует в реальности... Нет?

Еще к вопросу о «выбивании показаний». Доставленный во внутреннюю тюрьму НКВД 25 мая, уже *назавтра* Тухачевский признал наличие в РККА заговора и то, что во главе стоит именно он. На первом же допросе! И тут же, как говорится, не отходя от кассы, Тухачевский аккуратнейшим, каллиграфическим почерком дал показания на ста сорока трех страницах... А заодно написал так называемый «план поражения», согласно которому он и его сообщники намеревались действовать в случае нападения Германии, чтобы устроить тот самый замышлявшийся Троцкий военный крах – «Брест-2».

Желающие могут прочитать этот план в «Приложении» – и пораскинуть собственным умом, мог ли его составить не разбиравшийся в военной стратегии следователь НКВД...

Давно уже отдельные то ли циники, то ли обладающие логическим мышлением исследователи упорно твердят, что причина столь быстрых признаний совершенно в другом. Что подследственные так быстро *кололись* не в результате зверских пыток, применение которых к тому же сплошь и рядом сомнительно, а по причине гораздо более прозаической: перед ними просто-напросто любезно выложили кучу подробнейших показаний их сообщников, после чего запыраться стало глупо и смешно. Вот и пришлось выворачиваться до доньшка...

Кстати, именно так произошло в свое время в Японии с «великим разведчиком» Рихардом Зорге. Коего абсолютно не пытали, а все применение физической силы ограничилось, очень возможно, парочкой затрещин. Поначалу Зорге пытался вилять и юлить – мол, я не я, и рация не моя. Однако хитрые японцы с непроницаемыми восточными лицами не за палачом послали, а предъявили Зорге подробные, обстоятельные, обширные показания двух его ближайших сотрудников, к тому времени выложивших абсолютно все, что знали (а знали

они немало). Прочитав все это, Зорге понял, что влип по полной – и заговорил без всякого битья...

Многозначительное совпадение... Особенно если добавить, что в конце двадцатых – начале тридцатых куда-то бесследно пропали три тысячи досье германской военной разведки, копившиеся со времен Первой мировой. Бывший глава означенной разведслужбы знаменитый Вальтер Николаи хранил свои бумажные сокровища в имении близкого друга в Восточной Пруссии. А когда решил надежности ради перевезти это богатство в Берлин, помянутые три тысячи досье (а в каждом, определенно, не одна сотня страниц!) как раз и испарились по дороге...

Считается, что украл их некий профессор Боллюс для бельгийской разведки. Однако историк А. Б. Мартиросян, описавший эту историю, справедливо замечает, что размах тут присутствует отнюдь не бельгийский...

Другая история, вроде бы не связанная с пропажей архивов. В апреле 1941 г. сотрудники Особого отдела советской военно-морской базы на острове Ханко обнаружили, что к финской разведке давно уже уходят секретные сведения о данной базе, и не только о ней, причем по характеру передаваемой информации можно было сделать вывод, что враг засел где-то рядом...

Стали копать. И довольно быстро выяснили, что скромный сотрудник финчасти сектора береговой обороны по фамилии Биркачев давненько уже проявляет излишний интерес к секретным документам, касающимся вовсе не бухгалтерских дебетов-кредитов, а как раз сведений о личном составе базы и оборонительных сооружениях. Потом означенный Биркачев уехал в отпуск в Москву, где посетил нескольких своих знакомых, вместе с которыми был в плену у немцев еще в Первую мировую. А вернувшись на базу, стал собирать информацию вовсе уж неосмотрительно, даже нахально...

Ну, повязали. И выяснилось, что финансист был завербован немцами тогда же, в Первую мировую, в лагере военнопленных. Завербован, как водится у всякой приличной разведки, впрок.

А через двадцать лет его нашли заинтересованные лица (в разведке, надобно знать, ни одно обязательство о сотрудничестве не пропадает и за двадцать лет) и предложили выполнять то, что обещал когда-то...

Кто-нибудь полагает, что он был один такой?!

Если те три тысячи папок все же попали в руки не к бельгийской разведке (довольно некошерная фирма, знаете ли, не из могучих, уж безусловно), а как раз к советской, то там наверняка нашлось немало интересного про «старых большевиков» и «красных генералов», из которых разнообразнейшие шашни как с немцами, так и с прочими зарубежниками, крутил каждый второй, не считая каждого первого, то ключ, быть может, еще и в этом. Кое-кому из арестованных в тридцать седьмом могли, не утруждаясь пошлым битьем, подсунуть под нос столь убойные *материалы*, что запираяться после этого было попросту нелепо.

Публика, знаете ли, была специфическая, колоритная публика. Чего стоит один Дыбенко, командарм. Тот самый, что, уже пребывая в данном немаленьком чине, *клянчил* у американских военных представителей, с которыми имел дела по службе, пособие для своей обитающей в Америке сестры.

Так что отвлечемся ненадолго от пересудов о том, били ли в НКВД по благородной физиономии того или иного «безвинно пострадавшего деятеля», а присмотримся попристальнее к ним самим. А собственно, что они собой представляли как в деловом, так и в моральном, в чисто человеческом плане? Чего они стоили как люди и специалисты?

Только нос сперва зажмите, душевно рекомендую...

3. Богдыхан с берегов Амура

Василий Константинович Блюхер, Маршал Советского Союза, обладатель кучи орденов, командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. Выражаясь проще – наместник Москвы на Амуре, генерал-губернатор, ежели по царским меркам, а то и выше. Человек, в чьи обязанности входило создать на Дальнем Востоке неприступный бастион – потому что по ту сторону границы не мирные кочевники со своими овечками шастали и не тихонькие китайцы женьшень искали по таежным дебрям. По ту сторону границы давненько уж расположилась японская Квантунская армия, захватившая часть Китая и особо не скрывавшая, что намерена прогуляться, если очень не повезет, хотя бы до Байкала, ну, а при благоприятном раскладе – то и до Урала, чтобы уж не мелочиться...

Любому ясно, что на данном посту от Блюхера требуется проявить максимум распорядительности, военного таланта и прилежания.

Ага, дождетесь! Не таков был наш герой, дальневосточный царек. Хер, понимаете ли, блю...

Начнем с того, что Дальний Восток, как выяснилось к ошеломлению Москвы, к обороне был не готов совершенно. Товарищ Блюхер, регулярно уходя в неслабые запои – ну, месячишко там, два, но не более, за долгие годы совершенно не озаботился проложить вдоль границы сносную дорогу, по которой в случае надобности могли бы передвигаться войска и техника. Дорога была одна-единственная – железная. Которую японцы при военной необходимости могли без малейших усилий перерезать местами в двадцати. (Впрочем, достаточно было самурайской диверсионной группе *рвануть* один-единственный мост или туннель, чтобы парализованной оказалась *вся* железка.) А *других* дорог не было. Случись что – и войска заперты в военных городках, маневрировать не то что танками, а пехотой силами свыше взвода, решительно невозможно.

Только срочно прибывший «сталинский сатрап» генерал Апанасенко пожарными мерами выправил положение. Подробно эту историю, опираясь на свидетельства непосредственных очевидцев, описал В. Суворов в «Очищении», так что не буду повторяться...

Приведу лучше не менее любопытные воспоминания бывшего командира полка и дивизии на Дальнем Востоке Н. М. Чистякова. В 1937 г. он, будучи майором, был назначен командиром 105-й стрелковой дивизии ОКДВА. И вот что он застал, прибыв к новому месту службы...

«Поехал я в штаб 105-й дивизии принимать дела. Деревня, где расположился штаб, стояла на голом месте у реки... размещены полки были плохо. Некоторые подразделения не имели даже землянок, бойцы и командиры жили в „лисьих норах“...»

Каково?! Дивизия – в чистом поле. Не только бойцы, но и командиры обосновались в кое-как вырытых ямках. *Землянка* – недостижимая роскошь.

И это не единственная дивизия, вынужденная обитать в столь скотских условиях. В других обстояло не лучше. Жилья нет, продуктов нет, полноценного медицинского обслуживания нет. Не вылезавший из запоев Блюхер неспособен организовать что бы то ни было. Выставляя «крайними» командиров дивизий, безусловно, не стоит. Своя доля вины на них лежит, но испокон веков в подобных случаях главная тяжесть ответственности – на главнокомандующем, который просто *обязан* знать, что его бойцы и командиры обитают в норах, как суслики...

А ведь Блюхер был прекрасно осведомлен о том, как обстоят дела на *другой* стороне границы! В своем выступлении на XVII съезде партии (1934 г.) он подробно рассказывал, что на своей стороне японцы за два года проложили около тысячи километров железнодорожных путей, 2200 километров грунтовых дорог – и все они либо идут параллельно границе, либо

подходят к пограничным пунктам в тех местах, что наиболее удобны для стратегического развертывания войск при наступлении. И про 50 японских аэродромов поминал. Из чего делал совершенно правильный вывод, что все это предназначено не для обороны от СССР, а для агрессии.

Что же в противовес этому делал *сам* Блюхер?

А – ни черта! Грунтовых дорог у него не было вообще, бойцы по-сусличьи обитали в норах. На том же съезде, перечислив все сделанное японцами, товарищ маршал предаётся ужасающему словоблудию в лучших партийных традициях: «Граница на замке, армия начеку, личный состав ОКДВА осознает меру ответственности, колхозное крестьянство воодушевлено, партийное руководство на высоте, и все, естественно, преданы товарищу Сталину». Можете сами проверить по стенограмме съезда. Одно высокопарное словоблудие. А в заключение маршал провозгласил: если все же грянут «боевые события на Дальнем Востоке», то его войска «ответят таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма».

Аплодисменты были бурными и продолжительными, в стенограмме отмечены и крики «Ура!»

Вот только через четыре года японцы все же схлестнулись с Красной Армией возле озера Хасан (1938 г.) – и никакие устои капитализма не только не рухнули, но и не затрещали. Зато в одночасье затрещала по всем швам профессиональная репутация маршала Блюхера, и остались от нее одни лохмотья...

Не буду голословным. Обильно и подробно процитирую документы того времени.

Из приказа Ворошилова по итогам боевых действий:

«Виновниками в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней Дальневосточного краснознаменного фронта и, в первую очередь, командующий Дальневосточным краснознаменным фронтом маршал Блюхер... тов. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучии его состояния... утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны... под флагом особой бдительности он оставил, вопреки указаниям Главного военного совета и наркома, незамещенными сотни должностей начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников неспособными к выполнению своих задач...»

«Безграмотным» был Ворошилов или нет, но его приказ полностью соответствовал реальному положению дел. Многочисленные участники боев на озере Хасан дружно вспоминали потом, что никакой боевой подготовки, в сущности, не велось. Воинскими частями во время боев попросту не умели мало-мальски толково управлять, подразделения действовали без всякой координации, сплошь и рядом стреляли по *своим* танкам, рациями пользоваться не умели, возложив все надежды на связь по проводам, да и переговоры вели без кодировки, открытым текстом. Дошло до того, что бойцы попросту не могли воспользоваться ручными гранатами, поскольку *не умели* их бросать, им никто так и не показал, как выдергивать чеку... Ничего удивительного, что японские потери по убитым были меньше на треть, а по раненым – вообще *втрое!*

Вот мнение о Блюхере настоящего военного профессионала, маршала Корнева, когда-то служившего под началом амурского богдыханчика: «Блюхер был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от Гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны Ворошилов, Буденный и некоторые другие бывшие конармейцы, жившие несовременными, прошлыми взглядами. Представить себе, что Блю-

хер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно... во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил. А кроме того, последнее время он вообще был в тяжелом моральном состоянии, сильно пил, опустил...»

Гораздо лучше у Блюхера получилась роль судьи. Именно он был в составе трибунала, в июне 1937 г. приговорившего к смертной казни Тухачевского, Уборевича и прочих «великих стратегов». Иные исследователи с нежной, как цветок, душой до сих пор нет-нет, да и напишут, что Блюхер-де судил и казнил, терзаемый нешуточными душевными муками, даже слезу украдкой смахивал...

Верится во все это плохо. Совершенно не верится. Известный нам «облико морале» Блюхера – алкоголика, бездельника, очковтирателя, развращенного властью провинциального сатрапчика, как-то плохо сочетается с благородными трепетаниями чистой души... Что ему Тухачевский, с которым Блюхер никогда и не приятельствовал? А что до Уборевича, то его-то Блюхер как раз имел серьезные основания не любить. Потому что именно Уборевич, так уж расклад выпал, отобрал у Блюхера лавры освободителя Владивостока, славу триумфального завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке, о котором потом пели:

– ...и на Тихом океане свой закончили поход!

Вышло так, что Блюхер в двадцать втором году втянулся в долгую и унылую склоку с другими высокопоставленными командирами красных. Сняв Блюхера, Москва заменила его Уборевичем (опять-таки, вопреки национал-патриотическим бредням, никаким не евреем, а чистокровным белорусом по фамилии Уборевич-Губаревич). Он и вступил в оставленный белыми и японцами Владивосток, он и получил в советской пропаганде всю славу триумфатора.

Люди вроде Блюхера таких вещей не забывают, так что есть основания подозревать: уж Уборевича-то амурский царек отправлял на расстрел без потаенных слезинок, росинками трепетавших на краю шитой золотом маршальской петлицы...

А там *подобрали* и самого Блюхера. До суда и приговора он не дожил, скоропостижно скончался в камере. Наверняка от нещадного мордобития – это как раз тот случай, когда прямо таки невозможно отрицать, что арестованного лупили, как сидорову козу.

Правда, и вокруг смерти Блюхера наворочено немало лжи. Есть «достоверные показания», что его безжалостно колошматили резиновым дубьем Берия на пару с кем-то из братьев Кобуловых. Однако ни одного из Кобуловых во время следствия по делу Блюхера в Москве не было вообще. Старший, Богдан, служил замнаркома внутренних дел в Грузии, младший, Амаяк, – в такой же должности, только на Украине. А это уже заставляет заподозрить, что и об участии Берии присочинили в угоду Хрущеву. В конце-то концов, хватало сержантов...

Перед смертью Блюхер успел все же признаться, что был связан с правыми и участвовал в подготовке военного переворота (но, обратите внимание, о шпионаже в пользу какой бы то ни было иностранной державы речи не шло!)

Как легко догадаться, после XX съезда эти признания автоматически были объявлены выбитыми, а маршал Блюхер – невинным страдальцем. Вот только существует убойнейшее свидетельство в пользу версии следствия...

«Группа изменников находилась в штабе Дальневосточной армии и включала таких близких Блюхеру людей, как Ян Покус, Гулин, Васнецов, Кропачев и др. Они пытались вовлечь Блюхера в политически опасные разговоры. Блюхер без нашего разрешения показывал им признания арестованных заговорщиков. После своего ареста Гулин говорил мне, что после отзыва Покуса в Москву Блюхер, выпивая вместе с ним, Гулиным, ругал НКВД за проводимые аресты, а также ругал Ворошилова, Лазаря Кагановича и др. Блюхер признался Гулину, что до устранения Рыкова он был связан с ним и часто получал от того письма, что „правые хотят видеть его, Блюхера, во главе Красной Армии“. Я считаю, что это

довольно показательный факт для выяснения истинных чувств Блюхера... Вообще, Блюхер очень любит власть.

Его не удовлетворяет уже та роль, которую он играет на Дальнем Востоке, он хочет большего. Он считает себя выше Ворошилова. Политически сомнительно, что он удовлетворен общей ситуацией, хотя весьма осторожен. В армии он более популярен, чем Ворошилов. Блюхеру не нравятся военные комиссары и военные советы, которые ограничивают его право отдавать приказы».

Уж эти свидетельства, судари мои, ни одна живая душа не сможет объявить «выбитыми»! Потому что их автор не подвергался допросам в «застенках НКВД» ни часа, ни минуты. Он к тому времени пребывал уже вне пределов досягаемости НКВД и свои показания не советским следователям хрипел сквозь выбитые зубы, а под чашечку кофе и хорошую сигаретку диктовал японской стенографистке...

Я цитировал свидетельства Генриха Самойловича Люшкова, бывшего начальника УНКВД Дальневосточного края – того самого, что в июне тридцать восьмого бежал в Маньчжурию, к японцам. Потом он долго работал на разведку Страны Восходящего Солнца, а в сорок пятом то ли был японцами шлепнут, то ли все же ухитрился сбежать и раствориться в безвестности...

Вот такие дела. Показания Люшкова были захвачены в сорок пятом в Маньчжурии советскими спецами вместе с прочими богатейшими архивами Квантунской армии – японцы не успели ни переправить секретные бумаги на свой остров, ни уничтожить.

Как вам показания? Так был военный заговор или нет?! В любом случае Блюхер был ярким представителем того слоя, той «касты проклятой», по выражению Сталина, от которой следовало избавиться независимо от степени виновности каждого. Зажравшиеся и распустившиеся до предела царьки амурские и сибирские, киевские, татарские и крымские, они уже давным-давно не умели и не могли нормально работать – зато амбициями были переполнены по самую маковку. И, несомненно, послужили бы первоклассным горючим материалом в случае каких бы то ни было внутривластных трений, обострения обстановки, смуты. Все они поголовно были недовольны то своим положением, то присмотром за ними комиссаров, то и попросту полагали чванливо, что сумеют держаться за штурвал не хуже Сталина.

Примерно так же обстояло дело лет четыреста назад у Ивана Грозного со своими боярами и у Людовика Тринадцатого со своими буйными графами и герцогами. Ситуация просто-напросто в который раз привела к той точке, где компромисс между королем (как бы он ни звался) и его зажравшимися баронами (как бы они ни звались) был уже попросту невозможен. И пролилась кровь. Алая...

4. Зовите его демоном

Происхождение будущего красного маршала Михаила Николаевича Тухачевского не лишено некоторой грустной курьезности.

Его мать – из самого что ни на есть простого крестьянского рода. Зато по отцу происхождение таково, что у людей романтических дух захватывает... Согласно официально признанной родословной, род Тухачевских происходит от некоего «князя Индриса», который «вышел» из Священной Римской империи и поступил на службу к великому князю киевскому Мстиславу Владимировичу в 1251 г. Означенный Индрис, согласно фамильным преданиям, пребывал в родстве с графами Фландрии, а также королевскими домами Франции и Англии – Капетингами и Плантагенетами. Юный Миша таковой родословной весьма гордился...

Вообще-то «граф Индрис», хотя и официально признанный геральдической коллегией Российской империи, остается фигурой насквозь легендарной, проще говоря – баснословной. Но тут уж нет вины ни самого Михаила, ни его предков: дворянские родословные (и не только в России – в любой стране!) прямо-таки пестрят подобными сказочными предками, чью реальность, конечно же, заинтересованные лица всегда отстаивали с пеной у рта – приятно и престижно происходить от таких персонажей, пусть даже в их реальности есть нешуточные сомнения.

«Граф Индрис» нас более интересовать не должен. Наша задача – вдумчиво и подробно проследить жизненный путь Михаила Тухачевского. А предприятие это увлекательное и обещает массу любопытных открытий...

Офицером он, по воспоминаниям родных, мечтал стать с детства. Близкие прозвали его Бонапартом, к чему были все основания: имелось определенное внешнее сходство, о чем Мишель прекрасно знал и, по воспоминаниям друзей, «снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица».

В этой связи полезно будет вспомнить предшественников...

По воспоминаниям священника Мысловского, навещавшего в Петропавловской крепости арестованных декабристов, на Наполеона крайне походил и Пестель: «Сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех сумасбродств и самых преступлений». И то же самое, кстати, имело место в случае С. Муравьева-Апостола: «...имел к тому же необычайное сходство с Наполеоном, что, наверное, немало разыгрывало его воображение».

Нам известно достаточно, чтобы утверждать со всей определенностью: сходство с Наполеоном «разыгрывало воображение» и кадета Тухачевского...

Проучившись год в 1-м Московском императрицы Екатерины II кадетском корпусе, наш герой поступил в Александровское военное училище в Москве – не самое престижное, но и не самое захудалое.

Два года его учебы там описаны довольно подробно. Начальство дисциплинированного службиста отличало, вскоре назначив фельдфебелем роты. А вот соученики относились без всякой симпатии, не говоря уж о дружеских чувствах...

Юного фельдфебеля не любили и боялись. По воспоминаниям юнкера другого училища (а значит, беспристрастного свидетеля, не имевшего личных счетов с Тухачевским), наш службист с подчиненным ему младшим курсом «обращался совершенно деспотически, он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой».

Карьера фельдфебеля – сплошная полоса инцидентов, скандалов, к тому же с самыми трагическими последствиями. По инициативе Тухачевского за жалобы на его излишнюю

придирчивость переведен в другое училище юнкер Немчинов и вовсе отчислен юнкер Маслов. *С ними* обошлось. А вот три других юнкера – Красовский, Яновский и Авдеев – трудами Тухачевского переведенные в самый низший разряд по поведению, покончили с собой...

Одним словом, в училище царила натуральнейшая дедовщина, которую отчего то упорно полагают принадлежностью исключительно армейского советского времени. Ничего подобного – достаточно почитать воспоминания, в том числе и воспитанников элитнейших военных училищ Российской империи. И спичками длину огромного зала измеряли по приказу «дедушки», и ночью в туалет «дедушку» на себе возили...

Самоубийства эти едва не вызвали строжайшее служебное расследование, но училищное начальство замяло скандал в точности так, как впоследствии скрывали «неуставные отношения» в армии уже советской. Бездушный держиморда-фельдфебель, как это частенько случается, начальство вполне устраивал, и отцы-командиры его старательно покрывали...

Выпущенный из училища и имевший право, как отличник, выбрать себе полк, подпоручик Тухачевский предпочел лейб-гвардии Семеновский. С ним и ушел на Первую мировую младшим офицером 7-й роты 2-го батальона.

Воевал, надо отдать ему должное, храбро. Правда, как раз к его шестимесячному пребыванию на позициях Первой мировой относится некое, деликатно выразимся, недоразумение – одно из тех, что впоследствии будут копиться и копиться... После революции бравадный семеновец Тухачевский многим рассказывал, что за эти полгода был удостоен *шести* боевых орденов. Вот только сохранившиеся в целости архивы Семеновского полка свидетельствуют только о *двух* – Анна четвертой степени, знаменитая «клюква», и Владимир четвертой степени с мечами. Последний орден, кстати, Тухачевского *огорчил* – он-то мечтал о Георгии...

Итак, Тухачевский воевал на Первой мировой всего шесть месяцев – в *первый* ее период, когда еще не были выбиты старые кадровые армии, когда война велась по правилам и ухваткам девятнадцатого века, когда у воюющих сторон еще не было ни танков, ни газов, а прочая военная техника, от аэропланов до раций, от ручных пулеметов до броневедомостей еще не развернулась во всем своем *масштабе*. Это необходимо учитывать, когда мы будем сталкиваться с мнением о Тухачевском как о вояке с «огромным» опытом Первой мировой. Весь его опыт, повторяю, относится к начальному периоду войны. Потом она стала *другой*, все изменилось – вооружение; тактика, методы боя. В *этой* войне Тухачевский уже не мог участвовать по весьма прозаической причине – в феврале пятнадцатого он угодил в германский плен.

Это событие опять-таки, как выражался дед Щукарь, «покрыто мраком неизвестности». Ночью немцы окружили позиции 7-й роты и уничтожили ее почти полностью. Ротный командир капитан Веселаго (старый вояка, участвовавший добровольцем еще в русско-японской), дрался ожесточенно и был убит. Позже, когда русские вновь отбили захваченные германцами окопы, на теле капитана насчитали не менее двадцати штыковых и огнестрельных ран – и опознали его только по Георгиевскому кресту... Тухачевский же угодил в плен целехоньким. Как деликатно упоминают иные его биографы, «не использовав всех возможностей к сопротивлению». Что за этой формулировкой кроется, Бог весть...

О пребывании и высказываниях Тухачевского в плену мы знаем довольно много – благодаря его товарищу по заключению, французскому офицеру Ферваку, впоследствии выпустившему книгу воспоминаний.

Интереснейшее чтение!

Тухачевский о русской монархии: «Наш император – недалекий человек... И многим офицерам надоел нынешний режим... однако и конституционный режим на западный манер был бы концом России. России нужна твердая, сильная власть».

Тухачевский о будущем России: «Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам более всего подходит одеяние диктатуры».

Тухачевский о марксизме (он приятельствовал в юности со старым большевиком Кулябко и кое-какое представление о «единственно верном учении» имел): «Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать все: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру... При помощи марксистских формул ведь можно поднять весь мир!.. С красным знаменем, а не с крестом, мы пойдем в Византию! Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом мы встряхнем весь мир!»

Очень уж соблазнительно для почитателей Тухачевского объявить все эти цитаты выдумкой Фервака: как-никак, тот впоследствии служил во французской контрразведке и любви к Советам не питал. Но в том-то и пикантность, что эти прилежно записанные французом излияния Тухачевского как две капли воды похожи на его будущие приказы во время польской кампании. Тот же лексикон, те же мысли и идеи: «Через труп белой Польши – к мировому пожару!» Совпадения слишком многозначительны, чтобы считать мемуары Фервака выдумкой...

Французских офицеров излияния русского товарища по несчастью как-то не впечатлили. Они даже насмешливо переделали его фамилию в Тушатусский – от французского «туш-а-ту», «демонстрировать поверхностные знания». Следует признать, что галлы своего солагерника крупно недооценили...

С пятой попытки Тухачевскому все же удалось бежать из плена и добраться до Швейцарии. Здесь снова начинаются откровенные *непонятки*. В Швейцарии Тухачевский отчего-то прохладился чуть ли не месяц – швейцарскую границу он перешел 18 сентября 1917 г., а к русскому военному агенту в Париже графу Игнатьеву прибыл только 12 октября. Хотя этот путь – из Швейцарии в Париж – должен был занять максимум неделю: между обеими странами существовало регулярное железнодорожное сообщение, поезда ходили исправно, вояж предстоял самый что ни на есть обыденный...

Загадка этого месяца, проведенного в Швейцарии в полном бездействии, так никогда и не получила сколько-нибудь внятного объяснения. Сплошные непонятности. Если Мишель так рвался на родину, что предпринял пять побегов, то как же объяснить подобное сидение? К тому же Тухачевский отчего-то не обратился к военному агенту России в *Швейцарии* генерал-майору Голованю – а лишь месяц спустя объявился в Париже...

Предельно темная история, одним словом. Настолько, что А. Мартиросян, к примеру, упорно считает, что именно тогда-то у Тухачевского и завязались *шашни* как с германской разведкой, так и с обосновавшимися в Швейцарии большевиками, коих там было предостаточно.

Доказательств этой версии нет. Однако последующие события прекрасно известны: Тухачевский добирается до Москвы и делает феерическую даже по тем фантазийным временам карьеру: в начале марта он попадает в столицу, а уже 5 апреля принят в большевистскую партию! Тут же получает немаленькую должность: военком Московского района Западной завесы («завесами» тогда именовались прообразы будущих фронтов. – А. Б.) Там он не то что воюет, а *комиссарит*. Именно так. В качестве комиссара присматривает за военным руководителем района, бывшим генералом Байовым. А еще через *месяц* назначается командующим одной из *армий*, действующих против восставших чехословаков. Как вам взлет?! Как вам скоропалительная карьера рядового поручика? Даже для тех времен чересчур уж фантастично...

Можно говорить со всей уверенностью, что никаких таких большевистских *убеждений* у Тухачевского быть не могло: откуда им взяться, черт побери? Гораздо более вероятно и

жизненно другое предположение: имитатор Бонапарта, холодный карьерист, безжалостный терминатор еще в юнкерские времена, он прекрасно знал историю Французской революции. И на примере своего кумира мог понять без особого труда, какие шансы открываются в подобное смутное время перед человеком энергичным, честолюбивым и беззастенчивым в средствах.

Все, что мы знаем о его жизни, убеждениях и высказываниях в тот период, работает исключительно на *эту* версию: поклонник Наполеона, Ницше и Гамсуна с их культом сверхчеловека, усмотрел в неразберихе и всеобщей ломке свой шанс – и, не колеблясь, прыгнул в седло. Не веря ни в Бога, ни в черта.

Впрочем, насчет черта – не будем торопиться... В *черта* Тухачевский как раз верил... Тот же Фервак вспоминал, как однажды застал Тухачевского трудолюбиво мастеровившим какого-то «страшного идола». Тухачевский объяснил, что это у него – Перун, бог войны и смерти. И закатил целую речь о том, что христианство, по его мнению, славянам решительно не подходит, но и марксизм в качестве новой религии не годится. А посему следует возвратиться к язычеству...

Эпатаж, средство скоротать скуку? Как знать... Позже, уже в Советской России бывшие семеновцы вспоминали, что Тухачевский привез из плена каких-то «маленьких деревянных идольчиков» и частенько произносил перед ними какие-то «молебствия». А вскоре подал в Совнарком докладную записку о том, чтобы окончательно искоренить христианство и объявить язычество официальной религией РСФСР. Шутил, якобы. Вот только шуточки эти чересчур многочисленны и бьют в одну цель: еще в детстве Тухачевский и его братья называли трех домашних котов «Отец», «Сын» и «Дух Святой» и изводили французженку-гувернантку воплями вроде: «Куда запропастился этот чертов Дух Святой»? А будучи командующим Западным фронтом, Тухачевский (снова шуточки ради?) назвал свою собаку Христосик.

Вообще-то у верующих людей такие «шутки» носят совсем другое название...

Именно тогда Сталин и назвал Тухачевского «демоном Гражданской войны». Учитывая семинарское образование Сталина, над этим стоит задуматься...

Несколько мнений о Тухачевском, в основном людей, знавших его не понаслышке, а общавшихся лично.

Известный русский философ И. Ильин: «Тухачевский – очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится».

Князь Ф. Касаткин-Ростовский, сам с Тухачевским не знакомый, но общавшийся с его однополчанами: «Человек бесконечно самовлюбленный, не считающийся ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя... типичный авантюрист».

Это – середина двадцатых, пишут эмигранты. А вот что говорил один из «красных военспецов», служивший с Тухачевским на Западном фронте: «Умный, энергичный, твердый, но подлый до последней степени – ничего святого, кроме своей непосредственной выгоды; какими средствами достигается – безразлично».

Осень 1914 г. Отец одного из сослуживцев будущего маршала, посетивший фронт: «Ни во что не верит, нет ему ничего дорогого из того, что нам дорого; ум есть, отвага, но и ум, и отвага могут быть нынче направлены на одно, завтра же – на другое, если нет под ними оснований достаточно твердых; какой-то он... гладиатор! Вот именно, да, гладиаторы, при цезарях, в языческом Риме могли быть такие. Ему бы арену да солнце и публику, побольше ее опьяняющих рукоплесканий. Тогда есть резон побеждать или гибнуть со славой. А ради чего побеждать или гибнуть за что – это дело десятое».

Через четырнадцать лет, в 1928 г., чуть ли не то же самое напишет полковник рейхсвера фон Миттельбергер: «Это один из выдающихся талантов Красной Армии, однако известно,

что он является коммунистом исключительно по соображениям карьеры. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь (в руководстве СССР. – А. Б.) отдают себе отчет в том, что у него хватит мужества, способности и решимости рискнуть и разорвать с коммунизмом, если в перспективе последующих событий ему это кажется целесообразным».

Полковник рейхсвера Мильчински (1931 г.): «Чрезвычайно тщеславный и высокомерный позер, человек, на которого ни в коем случае нельзя было положиться».

Генерал Власов (тот самый): «Он хотя и имел большое влияние в армии, но не пользовался ни всеобщим доверием, ни любовью; одни командиры ему завидовали, другие его боялись, и все вместе его не любили, как заносчивого царского гвардейца, смотревшего на всех свысока».

В 1918 г. бывший сослуживец Тухачевского и по Семеновскому полку, и по Красной Армии Б. Энгельгардт перешел к белым и передавал Деникину следующие высказывания Тухачевского: «Мы убежденные монархисты, но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что, раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся».

Достаточно, я думаю. Кое-какое представление о нашем *гладиаторе* читатель уже получил. Самые разные люди – штатские белоэмигранты, офицеры белые и красные, предатель Власов, француз Фервак и офицеры рейхсвера – все рисуют фигуру, мягко выражаясь, страшенькую. Воспоминания Энгельгардта вроде бы противоречат общей картине, но, если подумать, не особенно. В конце концов те «монархические убеждения», которые Тухачевский декларировал перед старым сослуживцем, свободно могли означать не верность Романовым, а потаенное стремление повторить карьеру Бонапарта *полностью*... Циничнее выражаясь – себя, любимого, двинуть в красные цари. Вполне естественный поступок для человека с подобными взглядами и психологией...

Перейдем теперь к карьере Тухачевского на Гражданской войне. При ближайшем рассмотрении очень быстро рассыпается миф о «молодом таланте», «великом стратеге». Так, Тухачевский *числится* «победителем Колчака». Именно что числится. Во-первых, колчаковские тылы буквально развалились под ударами многотысячных партизанских армий (воевавших отнюдь не за красных, а просто *против* адмирала). Во-вторых, в тех же тылах старательно и мастерски подготовил многочисленные восстания и мятежи упоминавшийся уже Смирнов, ас нелегальной работы. В-третьих, что наиболее существенно, у Колчака на командных должностях была катастрофическая нехватка генералов и старших офицеров с боевым опытом – полками, было дело, командовали недавние поручики. А в наступавших на Колчака красных армиях несла службу целая плеяда высококлассных специалистов бывшей императорской армии: генералы Самойло, Лебедев и Бонч-Бруевич, полковники Каменев и Вацетис. Именно они и разрабатывали стратегические планы – при том, что начальником штаба Колчака оказался генерал военного времени Лебедев, Февральскую революцию встретивший всего лишь капитаном...

Так что разбил Колчака не Тухачевский. Тухачевский, главным образом, издавал многословные, исполненные самой что ни на есть правильной идеологии приказы да посылал Ленину пафосные телеграммы... Даже Троцкий, последовательный покровитель Тухачевского, в 1937 г. признал: «Ему не хватало способности оценить военную обстановку со всех сторон. В его стратегии всегда был явственный элемент авантюризма».

Тогда же, на колчаковском фронте, Тухачевский был и крепко бит. Он настаивал на одном варианте наступления. Командующий Восточным фронтом, бывший царский гене-

рал Ольдерроге, предлагал другой. Тухачевский скрепя сердце его план принял, но выполнял, видимо, спустя рукава – потому что Сибирский казачий корпус довольно быстро разбил наступающие красные части и погнал их назад к реке Тобол. Спас положение умелым маневрированием войск как раз Ольдерроге. За что Тухачевский его отблагодарил душевно: в 1935 г., когда тот был уже арестован, Гладиатор разразился разгромной статьей в «Красной звезде»: «Трудно понять, где выискивал Троцкий таких людей. Человек никому не известный, в лучшем случае бездарный, Ольдерроге сделал все от него зависящее, чтобы наше неотступное преследование Колчака сорвалось». И политический донос сделал красный маршал, и от бывшего покровителя Троцкого отмежевался...

Чуть погодя Тухачевский, командуя Западным фронтом, позорнейшим образом провалил наступление на Варшаву и был поляками бит. Несколько лет назад были под одной обложкой изданы воспоминания двух «дуэлянтов» – Тухачевского и Пилсудского. Чтение занимательнейшее...

По объяснениям Тухачевского, он проиграл кампанию оттого, что зловерные поляки... начали наступление первыми. Так и написано. Если бы поляки дали Тухачевскому время подготовиться и ударить первым, он бы их непременно разбил. Но поляки, по врожденному своему коварству, такой возможности не дали. Играли неправильно...

Тухачевский: «Уже 5 недель продолжалось наше безостановочное наступление, 5 недель мы стремились найти живую силу врага, для того, чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. 5 недель белополяки неизменно уклонялись от решительного наступления, в силу расстройств своей армии, и лишь только вышли на Вислу, подкрепленные новыми формированиями, рискнули на это дело. Заранее мы не знали, где встретим главное сопротивление противника – на Висле или за Вислой. Но мы знали одно, что где-нибудь мы его главные силы непременно найдем и разгромим...»

Такие вот откровения. Дело даже не в том, что поляки все же разгромили Тухачевского, а не он их. Обратите внимание: командующий фронтом Тухачевский *пять недель* маневрирует вверенными ему войсками, представления не имея, где находятся главные силы противника! Он что, не в силах наладить нормальную войсковую разведку? Похоже, так и обстоит. Хотя Польша – страна небольшая, и за пять недель конные разведчики могли бы раз десять пересечь ее вдоль-поперек...

«Полякам повезло», сокрушается Тухачевский, потому что командующий 4-й красной армией «потерял связь со штабом фронта». Но несколькими абзацами ранее он сам объясняет, что полякам вовсе не «повезло» – «они немногочисленными отрядами внезапным ударом нарушили связь»...

Польская 5-я армия «совершенно безнаказанно» теснит красных, хотя на фланге у нее и в тылу находятся четыре стрелковых и две кавалерийских дивизии Западного фронта. Но они... стоят, не получая приказов от командующего, как признавался сам Тухачевский. Отчего он так и не отдал приказа атаковать, будущий маршал никогда не смог объяснить внятно...

Должно быть, не хватило времени на этикие пустяки – Тухачевский тогда издавал пафосные приказы насчет мирового пожара и грядущего краха Европы под клинками его конников...

«Если бы мы только вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы свершившимся фактом».

Эти писания Тухачевского – чистой воды бред. «Рабочий класс», как и «трудовое крестьянство», в это время как раз и вливались массами в ряды «буржуазной шляхетской армии». Что тогда же отметил в «Правде» проницательный Сталин, в отличие от Тухачевского, сразу понявший, что советско-польская война приняла не классовый, а национальный характер...

Ну, а потом поляки *нажали*, и разбитые дивизии Тухачевского покатались назад. Сам командующий фронтом сидел в безопасном удалении от своих войск, в глубоком тылу, армиями руководил исключительно по телеграфу, и, едва польская кавалерия нарушила проводную связь, всякое управление войсками было потеряно...

Правда, в утешение себе Тухачевский, неведомо с какого перепугу, назвал бездарно проигранную им кампанию «блестящей операцией». И свалил вину за провал на Сталина с Егоровым – якобы его блестящее наступление провалилось исключительно оттого, что две вышеупомянутых военных бездарности не перебросили вовремя от Львова свою конницу. Правда, при любом раскладе кавалерия Буденного ни за что не успела бы под Варшаву, лишь загнала бы коней. А сам Тухачевский не озаботился в свое время подготовить резервы...

Зато он прекрасно умел сваливать свои промахи на других. Что в данном случае помогло мало. *Настоящие* военные специалисты уже тогда прекрасно понимали, кто провалил польский поход. Один из них, не стесняясь в выражениях, во время одной из дискуссий 1930 г. крикнул Тухачевскому:

– Вас за двадцатый год вешать надо!

И все же за Тухачевским числится одна успешно выигранная кампания. Правда, проведенная не против белых генералов и не против внешнего супостата. Гладиатор самым блестящим образом подавил тамбовский мятеж, так называемую «антоновщину». Вот в боях против кое-как вооруженных крестьян он и впрямь показал себя героем: на пару с Антоновым-Овсеенко (еще одной «безвинной жертвой сталинизма») расстреливал заложников, целыми деревнями загонял в концлагеря, боевыми отравляющими газами душил засевших в лесах...

Именно в этой карательной операции браво воевал в красных рядах еще один будущий маршал – Георгий Жуков.

С той же бестрепетностью и мастерством Тухачевский чуть позже залил кровью соотечественников мятежный Кронштадт. Такие операции ему всегда удавались без сучка, без задоринки.

Одним словом, после Гражданской наш сомнительный герой уже блистал в ореоле незаслуженной славы. И его ожидал еще один нешуточный карьерный взлет.

Бывшего командира взвода с двухклассным военным образованием вдруг назначают в 1921 г. начальником Академии Генерального штаба РККА! Сместив ради этого бывшего генерала Снесарева, автора множества серьезных книг по стратегии и тактике. И Гладиатор восседал в этом престижнейшем кресле целых девять лет. О его «успехах» на столь славном поприще догадаться легко – успехов как-то не случилось... Зато уральский город Миасс с 1923 по 1926 гг. именовался Тухачевск...

В 1925 г. Тухачевский едва не *вправил* Советскую Россию в новую войну с Польшей. Витийствовал с высоких трибун, уверяя: Красная Армия окрепла настолько, что способна «повалить» капиталистические страны, а посему следует нанести по Польше немедленный удар, для чего Советская Белоруссия должна незамедлительно объявить войну Варшаве, а уж Тухачевский доделает остальное...

Горькая правда в том, что Красная Армия в то время, как честно признавалось в секретном докладе, была практически небоеспособной. Москва Тухачевского кое-как урезонила, и войны (в которой на стороне Польши готовились выступить Румыния, Финляндия при поддержке Англии), удалось избежать...

Примерно в те времена, в 1926 г., ОГПУ как раз и начинает *приглядывать* за Тухачевским. И моментально выясняется немало интересного. Тухачевский вхож в теплую компанию бывших царских гвардейцев, группирующихся вокруг Зайончковского и Какурина. Большинство из этих «краскомов» в свое время активнейшим образом воевали против большевиков (но потом как-то перековались). В начале тридцатых многих из них арестуют.

Именно тогда и всплывут данные о заговорах – точнее, не о конкретных планах, но об *опасных* разговорах и вовсе не советском образе мыслей...

Немало «перековавшихся» тогда посадили. Тухачевский оказался в стороне. И занялся со всем усердием техническим переоснащением Красной Армии – за что его до сих пор восхваляют как «поборника военно-технического прогресса», противопоставляя «безграмотному» Ворошилову.

Ну что же, если мы подробнейшим образом изучим, как Тухачевский внедрял «прогрессивные технические новинки», то очень быстро обнаружим такое, отчего волосы встанут дыбом даже у Фантомаса...

Иные авторы легенды о «великом стратеге» Тухачевском старательно уверяют, что гениальный маршал еще в двадцатых годах с нечеловеческой прозорливостью предвидел грядущее нападение Германии на СССР и исходящую от нее нешуточную опасность.

Вот *реальность*. В 1928 г. Тухачевский с тремя соавторами выпустил предназначенную для высшего руководства (и оттого изданную тиражом лишь в 200 экземпляров) книгу «Будущая война». Откуда же он усматривал угрозу?

Первый вариант: «Нападение на наши западные границы вооруженных сил наших западных соседей, при поддержке материально-техническими средствами со стороны Англии и Франции (и их союзников) и при обеспеченном нейтралитете Германии».

Второй вариант: «Нападение на наши западные границы вооруженных сил западных сопредельных стран, поддержанных частично вооруженными силами Англии, Франции или других крупных империалистических государств».

Третий вариант: «Нападение на наши западные, южные и восточные границы вооруженных сил широкого империалистического блока: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Англии (через территории Турции, Персии и Афганистана), реакционных китайских милитаристов (в первую очередь Чжан Цзолина) и Японии».

Что называется – пальцем в небо! А ведь это были не абстрактные теоретизирования – это считалось серьезным, ответственным прогнозом, на основании которого политическое руководство планировало долгосрочную стратегию! Единственное, что хоть как-то с превеликой натяжкой можно отнести в разряд «прогнозов» – случившиеся через год мелкие бои на советско-китайской границе... И не более того.

История о том, как Тухачевский предлагал создать армаду из сотни тысяч танков, не понимая последствий, подробно описана В. Суворовым, и я не буду на ней останавливаться.

Зато стоит подробно рассмотреть многолетнее *баловство* Тухачевского с разнообразнейшей военной экзотикой...

Для начала немалые денежки были отпущены на совершенно фантастическую установку некоего Баранова, которая, по замыслу автора, с помощью сверхмощных магнитов должна была отклонять в сторону вражеские снаряды. Дурная фантастика кончилась пшиком.

Как и возня с «лучами смерти» будущего академика Иоффе, якобы способными бесшумно и надежно укладывать живую силу врага целыми полками...

Параллельно Тухачевский пригнул знаменитого изобретателя Бекаури. Вообще-то, исторической точности ради необходимо сказать, что *одно* изобретение этого конструктора и впрямь оказалось очень удачным и использовалось Красной армией с успехом – мины, взрывающиеся с большого расстояния по кодовому радиосигналу.

Но в том-то и беда, что *пользу* принесло одно-единственное детище Бекаури. К сожалению, у него в записке имелась еще целая куча фантастических проектов: управляемые по радио бомбардировщики и танки, торпеды и торпедные катера, а также вовсе уж монструозные штуки вроде мотоброневагона «Ураган», который, по замыслу творца, должен был, управляемый на расстоянии, ворваться в расположение врага и ка-ак выпустить огромное

облако отравляющих газов! А «телебронемоторезина» по имени «Смерч» поддержала бы его огнеметами...

Не все из этого перечня – военная фантастика. Другое дело, что *время* для радиоуправляемых самолетов и танков еще не настало. Но на подобные игрушки были истрачены многие миллионы, построено множество опытных образцов – которые с завидным постоянством терпели аварии, выходили из строя. Зато Бекаури был награжден всеми существовавшими тогда орденами и катался, как сыр в масле.

На Западе тоже занимались подобными прожектками – но с превеликой осторожностью и максимальной экономией средств. Бекаури же при покровительстве Тухачевского *доил* казну совершенно невероятным образом. Кончилось все тем, что в тридцать восьмом он был, наконец, арестован, на следствии признался, что занимался очковтирательством, и получил вышку. Авторы «лучей смерти» и «магнитоуловителей снарядов» отделались легким испугом – видимо, оттого, что нанесли казне не в пример меньший ущерб...

А Тухачевский, еще будучи в силе, вновь обращает свой благосклонный взгляд на танки. У него, извольте ли видеть, родилась очередная новаторская и прогрессивная идея: боевые машины «двойного применения».

Излагая популярно: нужно заранее навешивать броню на мирные гражданские трактора, чтобы потом, в случае войны, быстренько их мобилизовать, вооружить пулеметами и послать в бой.

Чтобы кто-нибудь не заподозрил меня в голословной клевете на «великого стратега», процитирую его самого: «Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были специального военного образца (навверняка этакую дурость сморозил бездарный Ворошилов? – А. Б.)... нам нужно стремиться к тому, чтобы специально военные танки составляли бы от общего числа около одной трети, для выполнения специальных задач, борьбы с противотанковой артиллерией и пр. Остальные танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности, большего габарита и пр. А это означает, что такой танк может быть бронированным трактором, точно так же мы имеем бронированные автомобили, поезда».

Мыслитель!!! Одна неувязка: бронеавтомобили и бронепоезда *изначально* приспособлены исключительно для войны. А куда прикажете девать «громadные массы» бронированных тракторов? И в самом деле, отдать пока что колхозникам пахать поля? Так это ж дикий перерасход горючего! Держать «трактора второго эшелона» на военных складах? «Громadные массы»? Бред какой-то.

Техника двойного назначения – это любимый заскок товарища Тухачевского. Тяжелые транспортные самолеты он предлагал в мирное время использовать для перевозки гражданских грузов и почты. А вот что писал по поводу этих прожектов человек насквозь практический, один из руководителей Северного края С. Бергавинов. Отчего-то его ничуть не обрадовало планов громадье, и в 1930 г. он сообщал Ворошилову: «Тов. Тухачевский заманчиво нас дразнит, он прислал нам оставленный им сверхграндиозный план развития гражданской авиации на Севере (в 1931 г. – 151 самолет, в 1932 г. – 934 самолета, в 1933 – 929). Итого 1384 плюс 2 дирижабля. Конечно, такое шибко преувеличенное количество мы и не освоим, да и достать их неоткуда и незачем. Зная, что хотя это и гражданская авиация, но летает она под Вами, мы слезно просим Вас хотя бы один самолет для края в непосредственное наше распоряжение дать».

Иными словами, планы великолепные. Потрясающие планы. Дух захватывает. Но нам бы, не дожидаясь претворения в жизнь этих утопий, хотя бы один-единственный самолетик, слезно просим, товарищ нарком обороны...

Короче говоря, у всех прожектов Тухачевского был единственный *главный* недостаток: они не имели ни малейшего отношения к реальности...

Что принесли Красной Армии эксперименты Тухачевского в области артиллерии?

Только череду провалов и упущений. Тухачевский был категорически против принятия на вооружение знаменитой 76-мм пушки Грабина (которая не только прекрасно показала себя в Великой Отечественной, но и в наши дни до сих пор кое-где еще неплохо постреливает в региональных военных конфликтах). У маршала были другие игрушки – очередные мертворожденные прожекты, отнявшие массу сил, денег и времени...

В этом предприятии заместителю наркома обороны по вооружениям Тухачевскому старательно ассистировал Павлуновский, ведавший закупками вооружения для РККА – неведомо как попавший на эту чисто военную должность профессиональный чекист, бывший начальник охраны Троцкого. Эта сладкая парочка наработала так, что последствия потом давали о себе знать годы спустя...

Сначала они, словно юная гимназистка бравым гусаром, увлеклись «динамореактивными орудиями» изобретателя Курчевского. «Динамореактивное орудие» – это та пушка, что мы сегодня называем безоткатной. Объясню упрощенно. Обычная пушка – стальная труба, закрытая с одной стороны. Когда снаряд вылетает, силой отдачи ствол отбрасывает назад, это и называется «откат». Безоткатная пушка имеет ствол, открытый с обеих сторон. Дальнейшее, думаю, ясно из самого ее названия...

Вообще-то безоткатная пушка – система вполне жизнеспособная и полезная. Но, подчеркну особо, служит для решения исключительно *узких*, ограниченных задач. Поскольку кучность боя у нее гораздо ниже, чем у обычного орудия – как и скорострельность. Безоткатки используются, например, воздушно-десантными частями, а в некоторых случаях – противотанковыми подразделениями. Из-за того, что при выстреле сзади вырывается внушительный сноп раскаленных газов, безоткатка решительно не годится для танков, казематных орудий, зенитных пушек и не сможет выступать в роли дивизионки, движущейся в боевых порядках атакующей пехоты. Короче говоря, у нее в военном деле есть свой, невеликий сектор...

Однако Тухачевский с Павлуновским, сторонники прогресса, возмечтали перевооружить динамореактивными орудиями всю артиллерию Красной Армии, да вдобавок авиации и военно-морского флота! Возражения специалистов, вроде того же Грабина, Тухачевский пропускал мимо ушей.

Получив столь высокое покровительство, Курчевский (однажды уже отмотавший срок за разбазаривание государственных средств) воспрянул и развернулся на полную. Он запустил в работу чертову уйму разнообразнейших проектов – пехотные пушки, орудия, устанавливавшиеся на броневиках, на самолетах, на боевых кораблях и даже торпедных катерах. Эксперименты продолжались *семь* лет, а число образцов исчислялось уже сотнями.

Самое смешное во всей этой истории (если только тут есть хоть что-то смешное) – это «ценные указания» Тухачевского, данные еще в самом начале работ. Тухачевскому все было по нраву, одно не нравилось – та самая струя раскаленных газов, бьющая из ствола сзади. И он на полном серьезе пишет директиву: «Доработать ДРП с тем, чтобы уничтожить демаскирующее действие газовой струи».

По смыслу это ничем не отличается от пожелания сделать так, чтобы танк, скажем, Т-34 ехал совершенно молча, не издавая ни малейшего жужжания. Реактивная струя – неотъемлемая принадлежность безоткатной пушки. Но наш «гений» этого не понимал нисколько...

Подробно описывать эту историю нет смысла. Перейду сразу к результатам.

Результаты оказались насквозь печальными. На испытаниях пальба из монстров Курчевского калечила танкетки и самолеты, гибли люди, разрушались сами орудия. Понемногу

становилось ясно то, что профессионалам вроде Грабина было видно с самого начала: орудие Курчевского, будучи установленным на корабле, при стрельбе разнесет корпус и надстройки, оказавшись на танке сопровождения, реактивной струёй сожжет свою же пехоту, противотанкового ружья из него не вышло, на броневику его использовать невозможно, как и на самолете. К 1941 г. даже те немногочисленные образцы «пушек Курчевского», что каким-то чудом все же попали в войска, были сняты с вооружения...

Но невозможно сейчас подсчитать, сколько труда пропало впустую, сколько было потрачено денег зря, сколько *реальных* образцов оружия ждало своей очереди, пока два «великих стратега» забавлялись пустышками...

Попутно Тухачевский совершенно угробил зенитную артиллерию. Она ему была не нужна. «Великий стратег» дал очередное «историческое указание», согласно которому с авиацией противника должны были бороться... дивизионные пушки! Никак для этого не приспособленные, потому что создавались совсем для другой задачи – для поддержки пехоты, для стрельбы по живой силе, технике и укреплениям противника...

Это был очередной бзик Тухачевского – «универсальное орудие», которое с равным успехом работало бы и против наземных целей, и против воздушных. Подобного так никогда и не появилось ни в одной стране мира. Эксперименты, правда, проводили многие армии – но именно эксперименты, в ограниченных масштабах, не приносящие ущерба обычным родам войск.

Гигантомания Тухачевского и здесь не подвела, проявившись в полной мере. Были изданы строжайшие приказы: обычные зенитные автоматические пушки – не разрабатывать! На то, что в этой области делают немцы, внимания не обращать! Другие страны – не пример! Все силы, все деньги, все рабочее время – на разработку универсального орудия!

В итоге – тот же печальный финал. Универсальное орудие не создано, огромные деньги потрачены впустую, как и труд рабочих с инженерами, противовоздушные средства Красной Армии представлены исключительно счетверенными Максимами на тачанках. Только после расстрела Тухачевского и его гоп-компании в лице Павлуновского и Курчевского в пожарном порядке стали оснащать армию *нормальными* зенитными орудиями.

Ракетное оружие? Увы, тот же бардак...

В 1928 г. по инициативе Тухачевского была создана занимавшаяся реактивными снарядами Газодинамическая лаборатория. Во главе ее стояли «гениальные конструкторы» Клейменов и Лангемак. Лаборатория с годами превращается в огромное предприятие, государство финансирует ее щедрее некуда. Время течет, течет, годы бегут, бегут...

И что же?

А – *ни черта!* Нет, все вроде бы идет, как по маслу – работа кипит, постоянно проводятся полигонные испытания, бесконечно проходят доработку многочисленные «перспективные образцы»... Полная видимость дела. А дела-то и нет! Потому что бесчисленные испытания, доработки и усовершенствования так и не приблизили ни на шаг к результату – хотя бы одному-единственному образцу, который можно, наконец, принять на вооружение. И таким макаром – *девять* долгих лет!

А меж тем агент советской разведки Вилли Леман, тот самый знаменитый «Брайтенбах», уже передал своим кураторам данные о *немецких* успешных испытаниях реактивных снарядов. Однако на работу «птенцов Тухачевского» это нисколько не повлияло. Вновь и вновь идут бесконечные испытания, доводки, усовершенствования. Вот вроде бы замаячил на горизонте перспективный образец... нет, будет сложным в производстве. Второй тоже вроде бы ничего, но нужно усовершенствовать (опять!) стабилизаторы... Третий себя показал и вовсе прекрасно – на Украине. А вот на подмосковных полигонах летает гораздо хуже.

Климат, оказывается, виноват. Нужно менять диаметр сопел. А значит, снова... Догадались? Правильно, усовершенствования, доработки и прочая рационализация...

Девять лет тянется эта комедия! С грехом пополам смогли вооружить ракетами истребители – но толку от этих ракет мало (опять-таки не пришло еще их время), точность попадания мизерная, куча других недостатков. А ракет для сухопутных войск, главного театра военных действий, как не было, так и нет...

Но вот грянул тридцать седьмой. Расстреляли и «великого стратега» Тухачевского, и «гениальных конструкторов» Лангемака с Клейменовым. Что же, идея боевых ракет для Красной Армии окончательно похоронена?

Наоборот!

Этот вопрос берет в свои руки безграмотный, невежественный противник прогресса, лошадиник Ворошилов...

И дело *рвет* вперед невероятными темпами!

У Ворошилова нет «гениальных конструкторов». У него нашлись лишь толковые специалисты. И, тем не менее, в 1939 г. неведомо откуда (точнее говоря, трудами Реактивного НИИ) появляется 132-мм осколочно-фугасный реактивный снаряд «М-13» – он и станет основным снарядом советской реактивной артиллерии в Отечественной войне.

Фантастика какая-то. Нет более ни великих стратегов, ни гениальных конструкторов, ни прочих светочей военно-технического прогресса – один тупой Ворошилов и при нем невидные инженерушки...

Но снаряд *есть!* Готовый к выпуску массовой серией!

В феврале 1939-го заканчиваются испытания смонтированной на автомобиле пусковой установки. По ряду серьезных причин она не годится в производство.

Ворошилов издает очередной безграмотный приказ – и всего через шесть *месяцев* не только разработан, но и принят для полигонных испытаний новый образец. Это и есть «БМ-13», более известный нам как «Катюша».

Но драгоценное время упущено. Немцы, начавшие работы гораздо позже советских конструкторов, к 22 июня 1941 г. уже располагают приличным количеством шестиствольных пусковых установок, которые и грянут по нашим в первое утро Отечественной. До сих пор кое-где в нашей литературе эти установки стыдливо именуют «шестиствольными минометами» – но это именно *пусковые установки*. Те самые, что появились в Красной Армии лишь после того, как прислонили к стенке «великого стратега» и кучу стратегов помельче. О том, как рванула вперед советская военно-техническая мысль после того, как армия освободилась от Тухачевского и его банды, можно написать толстенную книгу, а впрочем, уже появилось несколько пусть не особо толстых, но толковых и показывающих истинное лицо Красного Гладиатора...

А ведь был еще и Уборевич! Гладкая, лошенная гнида, очередной «великий военачальник», который оставил Красную Армию без автоматов.

Эта поганая история в специальной литературе описана подробно, но массовый читатель с ней, увы, не знаком. Ну что ж, постараемся восполнить пробелы...

Еще летом 1930 г. комиссия под высоким предводительством Уборевича рассматривала четыре образца автомата – Токарева под патрон для «нагана», Токарева, Дегтярева и Коровина под маузеровский патрон 9x25.

Ни один из этих образцов не был принят на вооружение. В качестве основания для отказа комиссия Уборевича выдвинула два серьезнейших, по ее мнению, возражения.

Во-первых, представленные образцы имеют чересчур высокий темп стрельбы – 1000 выстрелов в минуту.

Во-вторых, на дистанциях 200–300 метров невозможно вести прицельный огонь.

За одно это заключение Уборевича следовало расстрелять, не дожидаясь «великого террора»...

Сначала – о втором пункте. Автомат под пистолетный патрон изначально не предназначен для прицельной стрельбы на дистанции порядка двухсот метров, не говоря уже о трехстах! Реальная дистанция для эффективного поражения живой цели – 60, максимум 100 метров...

Теперь о темпе стрельбы. Тысяча выстрелов в минуту Уборевича категорически не устраивала, и он приказал добиваться вполонину меньшей – 500 выстрелов. Как у немцев и англичан. Стремиться к идеалу, иначе говоря.

А что у *других*?

Когда советские войска с трехлинейными винтовками наперевес вошли в Финляндию в тридцать девятом году, по ним ударили финские автоматы «Суоми» с темпом стрельбы тысяча выстрелов в минуту! Финны не стали гнаться за германско-английским идеалом. Они поставили перед собой другую, более практическую задачу – насытить армию автоматами. Пусть несовершенными, с более высоким темпом стрельбы.

И советскому командованию пришлось посылать по стране самолеты, по штучке собирать с погранзастав те жалкие сотни автоматов, которые успели произвести, чтобы хоть как-то компенсировать отставание от финнов... Благодарите Уборевича!

Между прочим, японцы тоже не гнались за идеалом. Они всю Вторую мировую провоевали с неплохим автоматом «100», чей темп стрельбы опять-таки примерно равен был тысяче выстрелов в минуту. И неплохо воевали, проиграв по причинам, не имеющим ничего общего с темпом стрельбы автоматов.

Между прочим, основной наш автомат Великой Отечественной, знаменитый ППШ, имел темп стрельбы девятьсот выстрелов в минуту. А ППС к «идеалу» опять-таки не приблизился – темп у него был семьсот...

Вот так-то. Понятно теперь, почему я употребляю в адрес Уборевича не самые пристойные слова?

Потому что ситуация не допускает хваленого плюрализма мнений. Уборевич, сука гладкая, в погоне за идеалом оставил без автоматов Красную Армию вообще и моего отца персонально – и мой отец передергивал затвор винтовки, пока на него *перли* веселые сверхчеловеки с *трещотками*...

Плюрализма тут, повторяю, нема. Поведение Уборевича можно объяснить исключительно с помощью двух версий. Всего только двух. Либо он был невеждой, занимавшим столь высокий военный пост не по праву, либо материалы следственных дел НКВД не лгут, военный заговор действительно существовал, и те, кто был в него вовлечен, подрывали боеспособность Красной Армии так, как там, в тех делах, написано. При *любом* из двух объяснений Уборевича, так или иначе, следовало расстрелять без колебаний и церемоний.

Совершенно неважно, в силу каких побуждений он оставил РККА без автоматов. Главное – он это сделал.

Напоследок – кусочек сухой статистики, совсем крохотный.

Производство автоматов в СССР:

1939 г. – 1700 шт.

1940 г. – 81 118 шт.

Достаточно было перестрелять «великих стратегов» и «гениальных полководцев»...

Да, кстати, о стратегии. Нужно все же вернуться к Тухачевскому. Его, как-никак, там и сям именуют великим стратегом, чье изъятие из обращения нанесло армии прямо-таки непоправимый ущерб.

Беда только, что с примерами слабовато. Точнее говоря, убедительных примеров нет совсем. А те, что есть, рисуют совершенно иной образ.

Тухачевский, действительно, был творцом новой стратегии – тут апологеты правы. Называлась она «классовая стратегия». И заключалась в следующем: Красная Армия – армия нового типа, поскольку она классово однородна. Вооруженные силы «потенциального противника» имеют смешанный классовый состав и потому неоднородны. Красная Армия поэтому обязана первой нанести могучий удар по какой-нибудь капиталистической державе – и, повинаясь классовой солидарности, в ней тут же восстанет рабочий класс и сметет буржуазию. Отсюда следует, что задача Красной Армии – не столько победить военной силой военную силу противника, сколько вызвать восстание революционного пролетариата в его тылу.

Вот это и есть *новая* стратегия Тухачевского, изложенная предельно кратко. Из нее закономерно вытекала и любимая им теория блицкрига. Из нее вытекали и пренебрежение к проблемам обороны, и страсть к легким быстроходным танкам, парашютистам и армадам бомбардировщиков без истребительного прикрытия.

Эта бредь так никогда и не сработала, потому что не имела никакого отношения к реальности, а была сочинена поручиком с начальным военным образованием, обученным зато втыкать куда надо и не надо звонкие лозунги касаясь мировой революции и классовой борьбы.

В двадцатом году в Польше Тухачевский отрабатывал именно этот вариант – войска наносят сокрушительный удар без всяких стратегических резервов...

Между прочим, он и *это* не сам придумал, а всего-навсего *спер* у немецкого военного теоретика Шлиффена. Знаменитый «план Шлиффена» – это как раз один могучий таранный удар без всяких стратегических резервов. Показавший, кстати, в Первой мировой войне полную свою непригодность, поскольку, будучи претворен в жизнь, успеха не достиг, и война затянулась на четыре года.

Но не это самое пикантное. Дело еще и в том, что «план Шлиффена» – не порождение XX века, а взятые почти без изменений прусские методы ведения боя времен... франко-прусской войны! Таким образом, «новая стратегия» Тухачевского – это сочетание прусских методов 1871 г. и звонких большевистских лозунгов. И не более того. Прямо скажем, не Бог весть какое сокровище военно-теоретической мысли...

Тот, кто мне не поверит, волен взять изданный в хрущевские времена двухтомник сочинений Тухачевского и прочитав вдумчиво. Лично мне достаточно одной-единственной цитаты из Тухачевского, из его «классического» труда «Новые вопросы войны», увидевшего свет в 1932 г.:

«В войне империалистов против СССР рабочие капиталистических стран, ведущие борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую, будут создавать свои Красные Армии подобно тому, как это делали польские рабочие в 1920 г. (в каких глюках это ему привиделось?! – А. Б.) и будут вступать в ряды нашей Красной Армии в целях поддержать и обеспечить ее победу как над собственной буржуазией, так и над буржуазией всего мира».

Ну как в воду глядел! Кстати, именно благодаря таким вот бредовым писаниям иные оптимисты у нас в сорок первом на полном серьезе ждали, что «немецкий пролетариат» вот-вот повернет штыки против Гитлера. А кое-кто, судя по сохранившимся донесениям политруков и НКВД, даже стрелять отказывался по «германскому пролетариату в фашистской форме». Долго действующей оказалась отравка...

Полагаю, с «великим стратегом» все ясно? Без недомолвок?

Настоящие, серьезные, талантливые военные теоретики в Красной Армии, конечно же, имелись. Например, автор множества фундаментальных трудов Свечин. Вот только травил его товарищ Тухачевский с необъяснимыми порой злобой и упорством, травил так, швыряясь смертельными политическими обвинениями, что даже теперь холодок по коже проби-

рает. И не успокоился, пока Свечин в 1931 г. не оказался в лагере (откуда его, кстати, через год *вытащил* не кто иной, как Ворошилов). А причина в том, что Свечин открыто и гласно высказывался о «полководческих талантах» Тухачевского так, как они и заслуживали, то есть напрочь отрицал таковые...

И напоследок – еще несколько мелких штрихов к портрету «красного Бонапартика». Так, мозаика...

В 1936 г., критически разбирая итоги больших маневров Московского военного округа, Тухачевский отмечает массу недостатков: управление войсками плохое, взаимодействие наземных сил с авиацией не отработано, плохо работает связь, слабо работают штабы, и так далее, список велик. Один маленький штришок: а куда же смотрит заместитель наркома обороны товарищ... Тухачевский? Уж если у него под боком, в элитном Московском военном округе царит такой бардак, то что же в провинции?

Вспоминает Александр Бармин (*друг*, между прочим, Тухачевского):

«Во время беседы зазвонил телефон. Маршал спокойно взял трубку, но вдруг неожиданно вскочил на ноги и заговорил совсем другим голосом:

– Доброе утро, Климентий Ефремович... Так точно, как вы скажете, Климентий Ефремович... Будет выполнено, Климентий Ефремович...»

Лебезит перед начальством, ладно. Но еще и вскакивать, навтыяжку становиться, хотя начальство и не видит?! Характерец...

А вот отношение Тухачевского к военным тайнам. Работал в свое время в Москве, заведующим кафедрой в одном из институтов, некий Томаш Домбаль, член ЦК компартии Польши, шапочно знакомый с Тухачевским. Вот что сам Тухачевский рассказал (уже на следствии) об одном из разговоров с Домбалем:

«В разговорах с ним я рассказывал об организации дивизии, об основах современного боя, о методах нашей тактической подготовки, а также, говоря об условиях войны между нами и Польшей, указал на то, что мы должны были, в силу запаздывания в развертывании, сосредоточить на границах с Польшей крупные силы, которые я Домбалью и перечислил (! – А. Б.) Помимо того, я рассказывал Домбалью о различиях между кадровыми и территориальными войсками, как в отношении организации, так и в отношении прохождения службы и обучения...»

Когда происходили эти милые посиделки, Тухачевский был начальником штаба РККА.

Почему вообще в следственном деле всплыла эта тема? Дело в том, что Домбалья к тому времени уже арестовали по обвинению в шпионаже – вот Тухачевский и оправдывается: вовсе он не передавал Домбалью шпионских сведений, сидели себе, болтали, благо он Домбалья знал как члена ЦК...

Чего здесь больше – наивности или дурости? Хорошо, предположим, что Домбаль – честнейший человек и никакой не шпион. Но все равно, будь он хоть трижды член трех братских ЦК, какое право имеет начальник штаба РККА так откровенничать с посторонним, штатским, случайным знакомым?! Добрая половина из того, что он Домбалью выболтал, в любом государстве, независимо от времени и образа правления, представляет собой военную и государственную тайну!

Что ж, в завершение – как по-вашему мог *этот* человек все же задумать и возглавить военный заговор, имевший целью вывести его в полновластные диктаторы? Я не навязываю своего мнения, думайте сами...

Напоследок коснусь еще одного устоявшегося мифа: о якобы «залитых кровью» письменных показаниях Тухачевского.

Очередная брехня. Несколько пятен засохшей крови и в самом деле имеются, но не на *собственноручных* показаниях Тухачевского, а на *третьем* экземпляре их машинописной копии, неведомо у кого побывавшем в руках.

Да, я и запомнил! Маршал Тухачевский еще самолично изготовлял скрипки и дрессировал мышей, а потому, ясное дело, никак не мог быть душой военного заговора...

5. Ежов и его рукавицы

Проясни свою позицию предельно четко: я вовсе не утверждаю, что «заговор военных» непременно был. Просто-напросто законы детективного жанра имеют свою твердую специфику (а поскольку я в этом жанре создал пару десятков романов, разошедшихся немалыми тиражами, то позвольте уж скромненько считать себя в некотором роде экспертом).

В общем, когда в библиотеке английского имения обнаруживается бездыханный труп мертвого человека, на котором что-то подозрительно много следов от пуль для простого самоубийства, то прибывший на место инспектор в первый момент, пока не собрал достаточно данных, с ходу начинает подозревать *всех* находившихся в то время в доме. Это даже не закон жанра, а закон природы, если хотите...

Существуют две версии тогдашних событий: что заговор все же был и что его не было. Я придерживаюсь одной из них, первой, вот и все. И в соответствии с этим строю свою книгу...

Впрочем, по моему глубокому убеждению, абсолютно неправильно употреблять слово «заговор» в единственном числе. Заговоров наверняка было несколько. Пока останутся засекреченными следственные дела и оперативные материалы тех времен, мы не можем ничего утверждать точно, но никто еще не отменял ни метода, именуемого «качать на косвенных», ни права исследователя им пользоваться...

Итак, что мы можем получить, качая на косвенных?

Заговоров было *несколько*. Вполне возможно, иные из них пересекались, переплетались, имели *касания*. Любой из заговоров представлял собой не прямолинейное намерение «захватить власть», а сложную интригу, поскольку иные из сообщников имели общие цели лишь до поры, а далее их интересы решительным образом расходились, и они заранее просчитывали, как бы друг друга перехитрить, переиграть, обставить. Сплошь и рядом с заговорами именно так и бывает.

Вот, скажем, Ягода. Из всего, что нам уже известно, следует: товарищу просто-напросто надоело быть пусть и высокопоставленным, но наемным служащим у государства, и он мечтал превратиться в легального *вельможу*. А посему он, даже блокируясь с троцкистами (а как с ними не блокироваться? У них сильное подполье по всей стране, кое-кто до сих пор на серьезных постах, на них можно опереться при захвате власти) просто обязан был заранее просчитать свой вариант развития событий. Грубо говоря, путч он устраивал для себя, любимого, а не для Троцкого. Зачем ему Троцкий, твердо намеренный все же замутировать мировую революцию? Вряд ли Ягоде хотелось бросить к чертовой матери налаженную небедную жизнь и сутки напролет рулить мировой революцией. Ему именно хотелось жить тихо, уютно, и сытно...

Примерно те же мотивы непременно должны были всплыть в размышлениях Тухачевского. Зачем ему таскать каштаны из огня для Троцкого? Максимум, что могло его ожидать при восхождении на кремлевский Ледяной Трон Троцкого – пост наркома обороны. Велика ли карьера – от заместителя до наркома? А посему, мог себе сказать товарищ Тухачевский, с Троцким мы будем сотрудничать до определенного момента – ну, а потом придется Льву Давидовичу отравиться колбасой...

Это *азбука* заговоров и переворотов...

Помимо, так сказать, лабораторно чистых заговорщиков, в стране имелась масса совершенно ненадежного народа – на высоких постах, при власти. Уже в конце столетия Молотов, рассказывая о тридцать седьмом годе, привел вполне логичное и убедительное объяснение действий Сталина: «Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, пока все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется

что-нибудь, они дрогнут, переметнутся... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было».

Внятно, логично, убедительно! Это была не только борьба с реальными заговорами, но еще и *чистка* – от ненадежных, от сомнительных, от зажавшихся и распутившихся провинциальных баронов...

Еще до начала Большого Террора в Политбюро поступил доклад Маленкова – о том, что в стране скопилось огромное количество партаппаратчиков, потерявших тепленькие места в результате проверок, чисток партии, реорганизаций. Они озлоблены и могут послужить горючим материалом в случае любых *сотрясений*.

Вообще в стране приключались самые неприятные сюрпризы. Еще в 1934 г., к примеру, начальник штаба артиллерийского дивизиона Нехаев, неведомо каким путем проникнув в расположение элитной Московской Пролетарской стрелковой дивизии, открытым текстом призвал личный состав разобрать винтовки и выступить под его руководством свергать Советскую власть – как «жидовскую». Слушатели, правда, оказались на высоте – быстренько Нехаева скрутили и отволокли в особый отдел. Но таких Нехаевых на необъятных просторах хватало – и многие не горлопанили, а сидели тихо, дожидаясь *часа*...

Словом, к началу 1937 г. было известно достаточно, чтобы Сталин осознал: над страной поднялась огромная и мрачная тень военного переворота, распространяющая морозный смертный холод. Молотов уверял, что в Кремле знали уже и день, и час. И, как только *грянет*, трудно предсказать, во что это выльется, учитывая наличие огромного количества колеблющихся, ненадежных, обиженных и недовольных...

Уже был арестован Ягода – у которого при обыске, помимо того самого резинового фаллоса, выгребли кучу всяких интересных вещей вроде девятнадцати револьверов, одиннадцати порнографических фильмов, коллекции порнографических снимков (почти четыре тысячи). На освободившийся пост срочно требовался надежнейший товарищ, который сможет быстро и хватко произвести *обезвреживание*.

Товарищ такой нашелся. Будем знакомиться: Николай Иванович Ежов, новоиспеченный Генеральный комиссар государственной безопасности. Допреще того – секретарь ЦК. Профессиональный партаппаратчик с огромным стажем и незаконченным начальным образованием, работник исполнительный, аккуратнейший, толковый – загляденье! Правда, потаенный педераст – отчего молодая супруга Евгения регулярно обнаруживается то в постели Исаака Бабеля, то в гостиничном номере Михаила Шолохова (где их активное общение моментально зафиксировано подслушкой НКВД и добросовестно описано суконным языком в рапорте).

И Ежов засучил рукава и надел свои знаменитые «ежовые рукавицы», изображенные на тогдашних плакатах – шипастые, жуткие, любую гидру так зажмут, что не вывернется...

И начался Большой Террор! Хватали маршалов и наркомов, генералов и секретарей обкомов, всякой твари по семь пар... На допросах они рассказывали массу интересного – и о заговоре, и о многом другом...

Удары сплошь и рядом сыпались вслепую. Били по площадям – потому что уже казалось, что верить нельзя никому, измена может обнаружиться повсюду.

Сталин *осатанел!*

Именно это выражение употребляли впоследствии и Каганович, и Молотов. Сталин осатанел от вскрывавшейся повсюду измены и лжи – время и обстановка были таковы, что понять его можно. «Я видел и знал нескольких разных Сталиных», – скажет потом престарелый Каганович. Вот то-то и оно...

В армии вновь возрождается забытый было институт комиссаров – чтобы присматривали за командирами. Теперь ни один командир, начиная от полка и выше, не может принимать решение *в одиночку*. Если заговора не было – это нововведение выглядит бессмыс-

ленным, нелепым, ненужным. Если военный заговор был – это естественная и необходимая мера, чтобы не вынырнули новые Нехаевы и Тухачевские.

Берут не только военных и партийцев. Берут людей творческих. Подгрести Исаака Бабеля, конармейца и чекиста в прошлом – не за вольнодумство, а за *шаши* с окружением Ежова. Впрочем, это случится чуть погодя...

Берут Михаила Кольцова – опять-таки не за вольнодумство. В материалах дела лежат *сигналы* о том, что во время испанской командировки Кольцов, известный давними симпатиями к Троцкому, вступил в nepозволительные контакты с испанской троцкистской организацией ПОУМ. Сигналы исходят от человека не мелкого и осведомленного – генерального комиссара испанских интербригад Андре Марти. На XX съезде их высочайше повелено будет считать ложью. Как знать...

И вот здесь стоит вернуться к той самой «папке Орлова», о которой шел разговор в первом томе. О материалах, якобы доказывающих работу Сталина на охранное отделение.

Нелишним будет предположить, что эта папка все же существовала в действительности. Вот только материалы были не подлинниками, а искусно сфабрикованными фальшивками. Нельзя исключать, что эту папку и в самом деле намеревались господа заговорщики *предъявить* на высоком партийном пленуме и потребовать отставки, а то и ареста Сталина. Подобные приемчики в мировой истории нередки. Когда германские генералы еще до войны готовили очередные заговоры против Гитлера, они тоже что-то такое фабриковали...

Большой Террор бушевал над страной, как смерч!

Вот только, я вас умоляю, не нужно рассматривать его с тех точек зрения, которые навязали во времена хрущевской «оттепели» недалекие борзописцы: якобы олицетворением зла был один-единственный человек, Сталин, зверь и параноик, что это он, злодей, рассылал из Кремля людоедские приказы, а партия, армия, народ, оцепенев в смертном ужасе, как замороженные удавом кролики, эти приказы скрепя сердце исполняли, в глубине души содрогаясь от омерзения и неприятия...

Все было гораздо сложнее и непригляднее!

Партийная верхушка как раз и состояла из людей, заляпанных кровью по самые уши, давным-давно, еще с семнадцатого, привыкших цедить кровь алую без малейшего внутреннего сопротивления. Они *сами* были людоедами, превосходящими Сталина на пару порядков!

Первую крупную *чистку* в армии, еще в 1931 г., устроил товарищ Гамарник – сотни командиров с малейшим пятнышком в анкете были уволены, арестованы, выброшены.

Еще в 1921 г. будущие «сталинские безвинные жертвы» Артузов и Уншлихт теми же методами *чистили* Балтийский флот от подозрительных, по их мнению, военспецов – снова аресты, высылки, репрессии по спискам, выбивание признаний в шпионаже и пособничестве белогвардейцам...

Еще в 1918 г. по сфабрикованному обвинению Троцкий и его команда арестовали и расстреляли адмирала Щастного – как раз по той методике, что будет применена в 1937-м...

Еще в Гражданскую товарищ Смилга пытался по вымышленным насквозь обвинениям расстрелять легендарного командира Думенко (к слову, Думенко, как мог, защищал Сталин, но – не смог).

Тот же Смилга чуть позже подвел под расстрел знаменитого Миронова, который был не по нраву Троцкому.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Все «безвинные жертвы Сталина» были в крови по уши – и в 1937 г. они с превеликим усердием изничтожали *друг друга!*

Не Сталин, а Роберт Индрикович Эйхе предложил создать органы внесудебной расправы, знаменитые «тройки», состоявшие из первого секретаря, местного прокурора и главы НКВД (города, области, края, республики). Ну, а в том, что год спустя именно такая тройка

прислонила к стене товарища Эйхе, нет, по моему глубокому убеждению, ничего, кроме грустной справедливости...

Партийная верхушка прямо-таки с упоением включилась в *резню!*

Июнь 1937-го, Узбекистан. Первый секретарь ЦК тамошней компартии Икрамов просит Москву немедленно снять с должности председателя Совнаркома республики Файзуллу Ходжаева как врага и контрреволюционера – и приводит столь длинный список обвинений, что после этого Ходжаев и дня не может задержаться на свободе.

И сняли Ходжаева, и арестовали – а парой месяцев позже исключили из партии и арестовали самого Икрамова. Оба они проходили по одному делу, оба были расстреляны в одной партии приговоренных.

Омск. Первый секретарь обкома Булатов радостно рапортует, что в результате его ударной работы сняты и исключены из партии враги народа, маскировавшиеся под ответственных партийных работников. Чуть позже по тем же самым обвинениям повяжут товарища Булатова: коридоры кончаются стенкой...

Первый секретарь ЦК компартии Казахстана Мирзоян просит Москву снять с должности председателя тамошнего ЦИК товарища Кулумбетова. Сняли, арестовали, расстреляли. А через годик пустили по тому же маршруту и Мирзояна.

В Туркмении первый секретарь Анна-Мухамедов снял с работы, исключил из партии и передал НКВД трех высокопоставленных партийных и советских работников, о чем с гордостью отрапортовал. Финал, по-моему, уже угадывается? Верно. И трех месяцев не прошло, как Анна-Мухамедова...

На Украине товарищ Косиор искореняет врагов народа, снимая с должностей, исключая из партии старых друзей. Потом пришел товарищ Постышев и взялся за Косиора, а там другие взялись за Постышева...

В Белоруссии громит партийные и советские кадры товарищ Шарангович с командой, отыскивая повсюду врагов, вредителей и левых уклонистов. Чуть погодя...

Ну, полагаю, достаточно. Везде одна и та же картина: кружат в жутком хороводе «старые большевики», увлеченно, искренне ставя к стенке бывших сподвижников и сами попадая в тот же острозубый механизм.

Подавляющее большинство их нисколько не сомневалось в правильности происходящего – и готово было широко во всем этом участвовать. Сбой происходил исключительно, когда в жернова попадали *сами* верные ленинцы.

Характернейший пример образа мыслей, мотивов и побуждений – подробные, обстоятельные мемуары Евгении Гинзбург, прогремевший некогда «Крутой маршрут». Там все это описано подробно, с той простотой, что хуже воровства. Евгения ничуть не сомневается, что действия Политбюро и НКВД правильны. Она просто-напросто рвется доказать, что сама абсолютно невиновна (не понимая, что попала в «процент»). И если бы ее тогда выпустили, она участвовала бы в Большом Терроре со всем пылом и усердием – совершенно искренне, заметьте, без малейшей примеси шкурных мотивов! Некоторых, кстати, выпускали. И они потом *включались* в процесс. Опять-таки совершенно искренне веря, что в *их* случае партии достало мудрости разобраться, а вот остальные – закоренелые враги. Таков уж был менталитет этой публики, и ничего тут не попишешь...

Это была не молчаливая покорность не рассуждающей массы исходящим с самого верха людоедским директивам, а чуть ли не *всеобщее* соучастие. По разным оценкам, от шестидесяти до семидесяти процентов военных были арестованы в результате доносов и сигналов, исходивших из их же собственной среды. Как и в случае с партийцами, армия была драконом, поражающим собственный хвост...

В научном мире – то же самое. Шафаревич вспоминает, что одного из создателей советской математической школы Лузина травили политическими обвинениями не безграмотные

следователи и бдительные институтские вахтеры, а «самые блестящие советские математики». Ученым кротость духа мало свойственна, по совести-то говоря. Тот еще народец. Чутьку отвлекшись от темы, можно вспомнить, что милейший и гуманнейший академик Сахаров еще в начале шестидесятых заявился к контр-адмиралу Фомину, ответственному за ядерные боеприпасы советского ВМФ, с гениальной, по его мнению, идеей: создать водородную бомбу в 100 мегатонн, заделать ее в торпеду и ка-ак шархнуть по Соединенным Штатам! Академик захлебывался от восторга:

– Все восточное побережье США сразу исчезнет с лица земли со всеми своими городами и миллионами жителей!

И отвисла, по воспоминаниям свидетелей, челюсть у контр-адмирала, и молчал он долго, ошарашенно, а потом *заорал*:

– Да вы, ученые, совсем озверели! Мы, моряки, привыкли бороться с врагом в открытом бою, а не уничтожать мирное население!

Сам Сахаров вспоминал: «Я устыдился и ни с кем более не обсуждал своего проекта...»

Дело не в личности Сахарова, а в *общем* настрое мыслей ученых. Западные высоколбы творцы атомной бомбы тоже, помнится, видели в трагедии Хиросимы лишь «великолепную физику».

Короче говоря, партийцы, военные, ученые, писатели и все прочие, вплоть до знатных кролиководов и комсомольцев, с упоением *жрали* друг друга. Кто искренне верил, что обязан истребить врагов, кто сводил счеты...

Вот только не надо мне чирикать про исконно российский менталитет и нашу звериную натуру, воспитанную вековой отсталостью!

В любой западной стране, цивилизованной, законопослушной, гуманной и сытой существует в той же науке борьба кланов и авторитетов. Правда, проходит она без особых последствий для участников, поскольку дискуссии чисто теоретические и приносят проигравшей стороне лишь моральный ущерб.

А вот теперь проведем умозрительный эксперимент. Пусть отныне мистер Титькинс, уважаемый профессор Кембриджа, твердо знает: если он настроит в Скотланд-Ярд донос на своего вечного врага и оппонента, профессора Оксфорда мистера Попкинса, что Попкинс питает антибританские настроения, с ирландскими экстремистами связан, а под кроватью припас топор, которым вполне может стукнуть по голове королеву во время ее грядущего визита... Если Титькинс твердо знает, что в результате этого доноса вражина Попкинс непременно будет заарестован...

Настучит или нет? Думаете, нет?

Безусловно, кто-то воздержался бы от этакой гнуса. А кто-то и нет...

У нас перед глазами блестящий пример: Третий Рейх. Благонравные интеллектуалы и интеллигенты взапуски друг на друга стучали в гестапо, и политические обвинения шили бестрепетно, и высоко несли знамя «арийской физики», противопоставленной «физике жидовской»...

А если кому-то пример Германии покажется не вполне корректным, давайте вспомним о Соединенных Штатах Америки и незабвенном сенаторе Маккарти с его «комиссиями по расследованию антиамериканской деятельности». Эх, как развернулись тогда иные отдельно взятые мастера культуры! И доносы друг на друга строчили, подписанные и анонимные, и заседали в означенных комиссиях, прорабатывая «ненадежных» и «сомнительных» коллег по ремеслу в добротном стиле сталинских «троек»... Великий комик Чарли Чаплин, кстати, вынужден был бежать из Америки после того, как за него подобная комиссия принялась всерьез: красный мол, агитатор, да еще и педофил!

В США не расстреливали, правда. Но иные «враги народа» все же оказались в тюрьме, а многим сломали жизнь, выбросили из профессии, в нищету окунули, до самоубийства довели... И никакого Сталина поблизости! Старейшая демократия благоухает!

А теперь – о статистике. До сих пор встречаются утверждения об «обезглавленной» армии, прямо-таки обезлюдевшей. Фантастические, дикие, ни с чем не сообразные цифры оглоушивают по мозгам впечатлительного читателя...

Увы, увы... Статистика, несмотря на многочисленные анекдоты, все же наука точная. В 1937 г., при численности офицерского корпуса 144 300 человек, были репрессированы и числились исключенными из состава армии 11 034 человека – около *восьми* процентов! В 1938 г. из 179 000 командиров и генералов репрессированы и не восстановлены в правах 6742 человека – *три* с небольшим процента! А ведь надо учитывать еще, что «репрессалии» частенько не касались политики: иные товарищи командиры были из армии вышвырнуты за растраты, пьянство, те или иные упущения по службе. Вы что, всерьез полагаете, что при Сталине интенданты не хапали казенного имущества, а brave вояки не палили по пьянке из личного оружия где-нибудь на танцульках? Девочек не насиловали? Морды «шпакам» не били? Ого! В старых архивах такие художества помянуты, каких ни в одной армии мира не спустят...

И еще. Маленький нюанс. РККА по сравнению с европейскими армиями была *перезгружена* офицерским составом. Примерно девять процентов от общей численности. В Германии, кстати, – всего четыре процента, во Франции – четыре с половиной, в Британии – шесть. Так что в некоторых случаях шло примитивнейшее сокращение раздутых штатов.

А ведь существовали еще «тройки» по чисто *уголовным* делам! Которые без суда и следствия, по оперативным материалам, рассматривали примерно треть всех уголовных дел. Гребли рецидивистов и «лиц, связанных с преступной средой» (скупщиков краденого, держателей притонов и тому подобный элемент). И, знаете ли, система эта нанесла изрядный удар организованной преступности и порядок навела...

Ну, а для тех, кто полагает, будто 1937 год являл собою сплошное беззаконие – несколько примечательных фактов...

Московский городской суд. Некую Матрену Кулькову соседи обвинили в контрреволюционной агитации, написали, куда следует. Однако судья Рожнов быстро установил, что главная «свидетельница» хотела таким незамысловатым образом захватить Матренину комнатушку. И оправдал Матрену вчистую.

Тот же суд, парой месяцев спустя. Судья Иванов оправдывает неких Синева и Молотова, которых следствие пыталось подвести под 58-ю за то, что не подписались на заем.

А вот уже – тридцать девятый. Инженер Стрельцов, повздорив с руководителями своего ведомства, накатал заяву в Прокуратуру СССР, обвинил аж тринадцать своих начальников во вредительстве, требовал срочно осудить, как врагов народа. И что же, примчались за ними набитые костоломами «воронки»?

Ага! «Воронок» прикатил за самим Стрельцовым. И вкатили болезному два года за ложные доносы. Кому-нибудь его жалко? И ведь нельзя исключать, что после XX съезда означенный инженер не шлялся по реабилитационным комиссиям и не объявлял себя безвинной жертвой бериевщины...

Самые любопытные метаморфозы происходили в те времена даже с заключенными. Кинорежиссер Георгий Данелия вспоминает про своего дядю Сандро: судили этого дядю и отправили на Беломорканал – вот только после отбытия срока не только орденом наградили, а забрали *к себе* уже в другом качестве, и долго потом дядя Сандро трудился в системе ГУЛАГа, до начальника лагеря дорос... Интересно, дядя Сандро – палач или жертва? С маху можно ответить?

Большой Террор (что многими, в том числе и за границей, отмечалось) имел еще и такой пользительный эффект: в СССР были почти начисто вырублены те кадры, что могли впоследствии создать серьезную пятую колонну. Многие остались, конечно, и всплыли потом в облике бургомистров, полицаев и старост, но *основной* контингент потенциальных предателей был ликвидирован.

Франция, к примеру, подобной чистки у себя не провела. Результат? Страна рухнула в одночасье. И отнюдь не потому только, что армия сражалась бездарно и вяло (хотя и это нельзя сбрасывать со счетов). Во Франции практически безнаказанно действовала чертова туча «оборотней». Вроде бывшего коммунистического лидера Дорио, после оккупации объявившегося в эсэсовской форме, вроде социалиста Дэа, ставшего одним из главных прогитлеровских деятелей. Вот что писал видный французский журналист Анри Симон: «Саботаж был не только делом рук гитлеровских агентов. В нем участвовала большая часть делового мира, а также высокопоставленные лица из числа гражданских и военных властей... Франция не была побеждена Гитлером. Она была разрушена изнутри „пятой колонной“, обладавшей самыми влиятельными связями в правительстве, в деловых кругах, в государственном аппарате и в армии».

А от себя рекомендую еще книгу А. Верта «Франция, 1940–1950». Там это описано не менее подробно...

Наших потенциальных предателей придушили в тридцать седьмом! Кое-кто, правда, уцелел – но об этом позже...

Мы же вернемся к Ежову. Деятельность которого с определенного момента стала не просто вызывать опасения – дело принимало крайне опасный оборот...

Власть, как давно подмечено, развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно. Сталин этой опасности избежал – ну, так то ж Сталин... Ежов *сломался!*

Не выдержал испытания абсолютной властью и полнейшей вседозволенностью. Тут примешивались еще и те качества характера, о которых поминал как-то прекрасно его знавший партиец Москвин («Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять, а быть уверенным – он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. Ежов – не останавливается. Иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить...»)

А если следить некогда? И некому?

Ежова *несло!*

Террор все более приобретал черты не разумной акции, а слепой вакханалии. Чекисты остервенело *знали показатели*. Они так привыкли. Так было проще и приятнее – да и выгода налицо... Вся несправедливость, все выбитые ложные признания, все договоры и неправедно пролитая кровь – это как раз вина не Сталина и его команды, а Ежова и доставшегося ему *механизма*. Сталину нужно было выявить и обезвредить *реальных* заговорщиков. К сожалению, в какой-то момент стало ясно, что всемогущий НКВД свернул категорически не туда.

Уже заведено дело на Молотова. Уже выбивают показания на Ворошилова. Уже пьяный Ежов на одном из ведомственных банкетов открытым текстом выдает: начальник областного НКВД должен царем и богом встать над местными партийцами и советскими работниками, потому что нет в стране другой власти, кроме НКВД!

А за спиной крошки-наркома одобрительно покачивают головами энергичные, сильные, кровавые *волчары* вроде Михаила Фриновского, Евдокимова, Дагина. Люди, не верящие ни в Бога, ни в черта, привычные к крови и вовсе не имеющие ничего против идеи стать *единственной* властью в стране. А собственно, зачем им *теперь* Сталин? Политбюро? И прочие Верховные Советы?

Тайная полиция, почуяв *волюшку*, готова сделать последний, логически вытекающий из всего предыдущего шаг. Зная *этих* людей, можно не сомневаться, что готовились они всерьез...

Над тем временем – непроницаемый *мрак*. Мы, быть может, никогда не узнаем подробностей – разве что все же сохранилось что-то в архивах. Молотов, и Каганович, порой хоть чуточку да откровенничавшие с журналистами и писателями, касаясь победы над Ежовым хранят совершеннейшее молчание. Хотя сомнению не подлежит: была предпринята некая *акция*...

В той ситуации одних бюрократических методов определенно не хватило бы для устранения очередной угрозы. Мало было просто *подмахнуть* приказ о снятии наркома Ежова, верхушки НКВД и назначении на эти места новых людей. Не тот расклад. Заговор НКВД, несомненно, существовал – и *эти* люди ни за что не позволили бы сожрать их просто так, посредством бюрократической процедуры, росчерка на бумаге...

Если о *планах* Ежова и его сообщников наверняка хранят память хоть какие-то бумаги в секретных архивах, то о той самой *акции* Сталина, которая просто обязана была быть, мы не узнаем уже ничего и никогда. Сталин в подобных случаях обходился без клочка бумаги.

Времени уже нет! Нет! Два начальника областных управлений НКВД, из Ярославля и Казахстана, обратились к Сталину с письмами, в которых сообщают, что Ежов откровенно намекал в беседах с ними на предстоящие аресты высшего руководства в канун Великого Октября...

И в НКВД появляется новый первый заместитель наркома – Лаврентий Павлович Берия, бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии, бывший чекист, талантливый управленец, никоим образом не партийный пустомеля, человек дела. Ежова давят *медленно* – Берия потихоньку забирает в свои руки управление наркоматом государственной безопасности, не спеша расставляет на ключевых постах верных людей, таких же молодых, энергичных, умных, деловых, ничуть не похожих на прежних зажавшихся баронов. Идет *новое* поколение – те, кто никогда уже не будут строить из себя капризных красных вельмож.

Черт побери, какие они все молодые! Редко-редко кому за сорок: Мильштейн, Меркулов, Павел Мешик (этому – двадцать девять!), Богдан и Амаяк Кобуловы, Влодзимирский...

И они *крушат* ежовцев. В пух и прах. Внесудебные «тройки» ликвидированы. Массовые аресты и высылки запрещены. Прокуратура проверяет обоснованность уже случившихся арестов. Две трети руководящих работников НКВД убраны. Из тюрем и лагерей возвращаются оклеветанные. Органы *в узде*...

Вот *теперь* только и можно говорить, что Сталин полностью контролирует партию, армию, госаппарат, страну.

Вот *теперь* он и в самом деле садится на Ледяной Трон. Весной тридцать девятого...

Увы, и сейчас, когда эти строки пишутся, попытки представить Тухачевского и его компанию в образе безвинных ягнят не просто предпринимаются вновь и вновь (свобода слова, что поделать), но обставляются такими, с позволения сказать, «аргументами», что диву даешься...

Вот, скажем, набравший размах буквально в последний год последовательный и заядлый «реабилитатор» Н. Черушев. Мимо его трудов праведных пройти просто невозможно – потому что он разработал целую систему «реабилитанса», стройную и громоздкую, заслуживающую самой вдумчивой критики...

Беда даже не в том, что означенный Черушев, как сплошь и рядом у «реабилитаторов» водится, привычно занимается прямыми подтасовками. Приводит, скажем, известное выступление Сталин на заседании Военного совета: «Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части».

И патетически восклицает: «Какой цинизм! Советовать командиру или политработнику готовить себе замену в ожидании ареста!»

Позвольте, а при чем тут *арест*?! Стенограмма этого совещания давным-давно опубликована полностью. И в ней черным по белому написано, что заместителей следует «выращивать» для того, чтобы они заменили командиров, когда те пойдут на *повышение*! Армия резко увеличивается, возникает множество новых полков и дивизий, эскадрилий и кораблей, возникает множество вакансий! Об этом и речь.

Далее Черушев с детским простодушием изумляется предположению, будто на СССР в союзе с Германией и Японией могла напасть Польша. Вариант этот кажется г-ну Черушеву совершенно диким и несуразным...

Тут и опровергать нечего. Читатели этой книги, думаю мне, уже узнали достаточно о предвоенных шапнях Польши с Германией и Японией. Не один год существовала вполне реальная угроза, что Польша нападет на нас как раз в союзе с означенными державами, что польские военные и не скрывали вовсе. Это *потом* ситуация резко изменилась.

Итак, «весомые аргументы» Черушева в пользу небытия военного заговора:

«Отсутствие достаточно четко выраженной организационной структуры и программных документов». (И далее многословно вспоминается, что вот у декабристов-де все это было...)

Что тут скажешь? Нелепо сравнивать заговор начала девятнадцатого века и почти середины двадцатого. *Толковому* заговору подобная бюрократия только вредит и ставит под угрозу планируемый успех.

«Не имеется ни одного письменного списка заговорщической организации, ни одного письма о делах заговора, ни одного перехваченного курьера или связного с секретной запиской, с прокламациями или обращением к народу. Как не было ни одной подпольной типографии или радиопередатчика».

Список членов заговорщической организации?! Да его, батенька, и у декабристов не было! Нужно быть вовсе уж совершеннейшим идиотом, чтобы подобные списки составлять. Между прочим, у заговора военных 1944 г. против Гитлера точно так же не было ни списка членов, ни секретных записок, ни перехваченных курьеров, ни прокламаций, ни даже «обращения к народу». И типографии подпольной не было. И радиопередатчика. Но заговор тем не менее существовал, мало того, однажды все же *грянул*...

Отсутствие обличительных материалов: «письма и телеграммы, дневниковые записи, образцы холодного и огнестрельного оружия, жалобы и заявления соседей, сослуживцев, подчиненных».

Это и вовсе ни в какие ворота не лезет! Какие такие «соседи» могли быть у жившего всю жизнь в барских особняках маршала Тухачевского? Или Уборевич обитал в коммунальной квартире, куда заговорщики сходились и орали так, что их могла подслушать любая тетька Маня?!

Какие такие телеграммы? «Москва Гамарнику тчк Завтра мочим Сталина зпт присоединяйся зпт наши соберутся у Примакова тчк Миша». Так, что ли? Что за неведомые «образцы холодного и огнестрельного оружия»? Зачем прятать под кроватью припасенную для Сталина блескучую шашку, если заговор затеян людьми, в распоряжении которых – полки, эскадрильи и танковые батальоны?

«Ни одна из жен арестованных командиров не показала против мужа. А это значит, что они ничего не знали о „преступной деятельности“ своих мужей. Не знали потому, что такой деятельности просто не было».

Ну, во-первых, жены все же давали интересные показания – хотя бы супруга маршала Егорова. А во-вторых... Как это себе Черушев представляет? Приличный заговорщик просто обязан делиться с женой планами и задумками?

Представляете? Приходит это домой маршал Тухачевский:

– Как дела, пупсик? – интересуется верная жена. – Что нового?

– Сталина вот на той неделе свергаем, – рассеянно отвечает маршал, уплетая пельмени. – Кремль займем танками. Узел связи захватит Дима Шмидт, он парень толковый, справится. Ворошилова повяжет Уншлихт с адъютантами, ну, и вообще...

– Котик! – в совершеннейшем восторге вопит супруга. – Ты же у меня прямо Бонапарт! Что в фас, что в профиль! А Молотов как?

– А Молотова Якир повяжет прямо в Совнаркоме, – солидно отвечает «котик». – Силами второго полка Московской Пролетарской стрелковой...

Тут ноги у женошки от восторга подкашиваются, и она, восхищенно визжа, отдается своему Бонапарту прямо на кухонном столе. А за пару кварталов от них Уборевич, собрав домашних на веранде, проникновенно повествует жене, детям, теще и племяннице, как он будет захватывать Генштаб и какими силами. А в Барвихе, на даче, Ян Борисович Гамарник вдохновенно чертит химическим карандашом прямо по белоснежной скатерти – это он любимой супруге план захвата ближней сталинской дачи объясняет во всех подробностях... Картина маслом!

А Черушев увлеченно *дуркует*: «Не было системы связи, явок, паролей, кодов, системы собственной безопасности и прочих атрибутов подпольной заговорщической деятельности».

Чушь это, а не атрибуты. Ни один серьезный заговорщик в такие «атрибуты» играть не станет...

«Так называемые „заговорщики“, в том числе освобожденные накануне Великой Отечественной войны, в один голос заявляют: никакого заговора в Красной Армии не было».

А что, могло быть *иначе*? Освободили перед Великой Отечественной кого-то из реальных заговорщиков – ну так вот ему *свезло*. Идет он, не медля, прямо на Лубянку и говорит Берии:

– Лаврентий Палыч, а зря ты меня выпустил! Заговор-то был!

Между прочим, *троцкизм* не был реабилитирован и на XX съезде. В хрущевские времена объявили безвинными, белыми и пушистыми исключительно Тухачевского с компанией и часть партийцев. Троцкизм по-прежнему оставался восьмым смертным грехом. В этих условиях тем, кто схватил срок за участие в ориентированном на Троцкого подполье, оставалось одно: невинно тараща глазенки, поддакивать Никите: не было заговора, не было, не было! Параноик Сталин, мол...

В общем, хотел бы я быть начальником тайной полиции в том государстве, где заговор возглавлял бы г-н Черушев. Уж он-то наверняка действовал бы в полном соответствии с вышеописанными им самим «системами». Для начала составил бы точный «Список членов заговора» с кличками, кодами. Потом развел бы полпуда бумаг: явки, пароли, секретная переписка... Потом разослал бы тридцать пять тысяч одних курьеров. Потом начал бы складывать в подвале тюки «прокламаций», заводить тайные типографии и подпольные радиостанции, сочинять «обращения к народу», складировать «образцы холодного и огнестрельного оружия», вести протоколы каждого тайного заседания с резолюциями и результатами поименного голосования. А попутно во всех деталях расписывал бы планы грядущего путча законной жене и всем трем любовницам.

То-то удовольствие было бы ловить *такого*! Палец о палец не ударив, ни малейших усилий не потратив! Этаким заговор очень быстро провалился бы сам собою – только складывай в мешок «путчистов» да получай ордена с парадными аксельбантами...

Между прочим, декабристы оттого и провалились, что составляли пухлые конституции и прочие меморандумы, курьеров гоняли по самым пустяковым поводам, «обращений к народу» сочинили ворох, а планы взятия власти обсуждали с таким шумством и многолюд-

ством, что подслушать их мог любой дворник. А потому еще до 14 декабря правительство знало о них едва ли не все.

Но, кстати, у декабристов не было ни единого склада с прокламациями, ни единой явки, никаких кодов и образцов оружия. Осмелится ли на этом основании г-н Черушев утверждать, что их заговор вымышлен царской тайной полицией? Ведь по его же логике так и выходит...

Ладно, посмеялись, а теперь давай похмурился.

То есть, вернемся к серьезным темам.

Любопытно бы знать, что говорили, что писали о «мнимом» заговоре Тухачевского за границей? Небось, высмеивали параноика Сталина?

Держите карман шире! Все обстояло как раз наоборот. Вот что писал о заговорщиках не самый глупый на свете писатель Л. Фейхтвангер: «Большинство этих обвиняемых были в первую очередь конспираторами, революционерами: всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота – в этом было их призвание... Они были в некоторой степени разжалованными... Но „никто не может быть опасней офицера, с которого сорвали погоны“, говорит Радек, которому это должно быть хорошо известно».

А я вам что доказываю?! Вообще, рекомендую книгу Фейхтвангера «Москва. 1937» для вдумчивого прочтения. Она того стоит.

Президент Чехословакии Бенеш понимал события тоже совершенно правильно: «... в этих процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщической деятельности с целью ниспровержения существующего строя. Он убежден, что Тухачевский, Якир и Путна (Бенеш все время почему-то называл только этих трех военачальников) не являлись шпионами, но что они являлись заговорщиками, он в том не сомневался» (доклад советского посла в Праге Александровского о беседе с Бенешем).

А дело все в том, что Бенеш к тому времени уже получил через своих разведчиков и дипломатов достаточно информации о *реальности* заговора. Те же самые сведения были и у французской разведки, у польской, у английской. В 1936 г. премьер-министр Франции Леон Блюм даже отказался подписать соглашение о военном союзе с СССР, поскольку по его данным (внимание!) «руководители советского Генштаба поддерживают подозрительные связи с Германией». Это он Уборевича имел в виду! Были некие шашни Уборевича с высшими чинами вермахта, которые крайне злили Гитлера, а Сталину дали материал для размышлений.

Вообще, по выражению историка А. Колпакиди, «вся Европа жужжала о грядущем перевороте, о малопонятных связях Красной Армии и рейхсвера». Конкретных примеров множество...

Американский посол в Москве Джозеф Дэвис: «Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935–1938 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявления истерии. Однако в настоящее время стало очевидно, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников... Сталин и его соратники убрали предательские элементы».

Через несколько дней после нападения Гитлера на СССР Дэвиса спросили:

– А что вы скажете относительно членов пятой колонны в России?

Дэвис спокойно ответил:

– У них таких нет, они их расстреляли...

Дэвис о процессе Пятакова и Радека:

«Порядок процесса разительно отличается от того, что принят в Америке, однако, учитывая то, что природа людей одинакова повсюду, и опираясь на собственный адвокатский опыт (! – А. Б.), можно сделать вывод, что обвиняемые говорят правду, признавая свою вину в совершении тяжких преступлений».

До сих пор, правда, можно услышать или прочитать, будто признания обвиняемых на этом самом процессе были вырваны если не пытками, то «гипнозом» или «химическими препаратами». А знаете, кто первым запустил эту *мульку*?

Герр Йозеф Геббельс, рейхсминистр пропаганды Третьего Рейха!

Вот записи из его дневника:

«26 января 1937 г. Обвиняемые сознаются во всем. Им дали какой-то тайный яд. Или они в гипнозе, иначе это просто невозможно понять...

27 января 1937 г. В России продолжается показательный процесс... там царит безумие. Они воздействуют на обвиняемых ядом или гипнозом.

10 июля 1937 г. Сталин психически болен, иначе невозможно объяснить его кровавый режим... (чья бы корова мычала! – А. Б.)

22 декабря 1937 г. Сталин и (пропуск в тексте) больны. Сумасшедший!»

И пошла писать губерния. Подчеркиваю: *здесь*, в дневниках Геббельса, и берет начало теория «сталинского безумия», которую впоследствии затрепали от неумеренного употребления. «Тайные яды» придумал Геббельс. И «гипноз» придумал Геббельс. А ведь даже Троцкий, самый лютей и последовательный ненавистник Сталина, написал о нем немало поношений и глупостей, но вот о «безумии» Сталина, я специально изучал, ни разу не упомянул ни словечком. Потому что, будучи сам во многом таким же знатоком политической интриги, сторонником самых жестких методов в политической борьбе, прекрасно понимал, что «безумием» происходящее не объяснить. Но кто бы втолковал это придурку-хромоножке в ранге рейхсминистра...

Что характерно, в сорок пятом они запели совершенно другие песни – и Геббельс, и сам Гитлер. Понадобилось четыре года, в течение которых господа генералы обрушивали на Гитлера потоки лжи и своевольничали самым фантастическим образом, чтобы он понял, что к чему. И взвыл, как кот, которому в дверях прищемили хвост: боже, как прав был Сталин! Как мудро он поступил, устроив генералам хорошую баню! Вот бы и нам...

Но было поздно. По Берлину уже лупила советская артиллерия. И начал Адольф Алоизович, не *прополошив* вовремя свою генеральскую вольницу, с тягостным вздохом примащивать к виску пистолетик...

Жесткие варианты решения тех или иных политических проблем, вообще сложных вопросов – принадлежность не одной лишь советской системы.

Американцы, как известно, в 1942 г. отправили в концлагерь примерно 112 тысяч своих граждан японского происхождения. Большинство из них, кстати, родились уже в Америке и в Японии не бывали отроду. Их тогда же обвиняли в том, что они отравляют фрукты и овощи, строят клумбы так, что те указывают на ближайшие аэродромы, подают сигналы японским подводным лодкам и стреляют в спину американским солдатам. Все эти люди просидели за колючкой до конца войны. Ни одно из обвинений не подтвердилось. Никто и не думает оправдываться, просто (внимание!) говорят, что такое уж тогда было время, тяжелое и сложное, требовавшее суровых решений...

Англичане в свое время точно так же загнали за колючку всех своих числившихся на учете нацистов – не за какие-то реальные дела, а за *убеждения*. В том числе тяжелобольных и даже психически ненормальных. Англия тогда, кстати, еще не находилась в состоянии войны с Германией. Тогда же одному благонамеренному обывателю, сдуру заявившему на улице, что «у Великобритании нет шансов победить в этой войне», вlepили месяц тюрьмы, чтобы впредь не умничал. А некоей леди, неосмотрительно брякнувшей, что Гитлер «хороший правитель, лучше, чем Черчилль», совершенно по-советски *навесили* пятерик. Не пять месяцев, а пять лет.

В апреле сорок пятого американцы вошли в Дахау, где обнаружили на путях полсотни вагонов, набитых трупами заключенных. Недолго думая, поставили к стенке 346 тамошних охранников и перестреляли всех (и правильно!)

Есть еще, если кто не знает, «пропавший миллион». Имеется в виду миллион немецких военнопленных, неведомо куда сгинувших после войны. Поначалу, как водится, грешили на Советы, но впоследствии выяснилось, что этот миллион человек отдал Богу душу из-за жестокого обращения в американских, английских и французских лагерях для пленных.

В общем, в тяжелые, критические моменты истории все без исключения страны, даже самые раздемократические, без малейших колебаний практикуют предельно жесткие методы решения проблем насущных. Вот только по какому-то двойному стандарту Запад всегда остается белым и пушистым, а мы с вами – варварами и дикарями...

Вот многозначительный пример, на первый взгляд, к теме нашего повествования не имеющий отношения. Вышла недавно в русском переводе книжка некоего немца о своих соотечественниках, взятых в плен и интернированных в СССР. Помимо прочего, наш колбасник проливает горючие слезы над печальной судьбой двадцатилетнего жителя Вены Герберта Киллиана, которому сталинские палачи дали три года колымских лагерей за «незначительный проступок»: он всего лишь... ударил «советского ребенка, жившего в оккупационной зоне Австрии».

Всего лишь... Я человек спокойный, но тут меня замутило от омерзения к неведомому мне автору сей книжонки. И сразу задал себе два вопроса. Первый: что сделали бы немцы с двадцатилетним советским парнем, который где-нибудь в оккупированном Киеве ударил немецкого ребенка? Второй: что присудила бы австрийская Фемида *сегодняшнему* молодому австрийцу, который на прошлой неделе в Вене ударил бы ребенка? Неужели напоили бы пивком с соленой рыбкой? Ох уж эти мне двойные стандарты...

И в завершение, чтобы закрыть тему – выдержки из книги довольно заметного немецкого историка Пауля Карелла, он же Шмидт (между прочим, участника Второй мировой). Означенный Карелл отчего-то не верит ни в сталинскую паранойю, ни в яды, ни в гипно-тизм. А пишет нечто совершенно иное: «В марте 1937 г. схватка между тайными агентами Тухачевского и Сталина приобрела особенно драматичный характер. На 1 мая 1937 г. был назначен переворот против Сталина, главным образом потому, что первомайские парады позволяют передвигать существенные контингенты войск в Москву, не вызвав подозрений. То ли по воле случая, то ли вследствие коварства Сталина, но произошла отсрочка планов. В Кремле было объявлено, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию, отправляющуюся в Лондон для участия в церемонии коронации короля Георга VI 12 мая 1937 г. Тухачевский успокоился. Он отложил переворот на три недели. Это было его роковой ошибкой».

В *тот* Первомай, кстати, Ворошилов появился на трибуне Мавзолея с револьвером в кобуре, чего за ним не замечалось ни прежде, ни потом. И многие, в том числе иностранцы, вспоминали, что этот Первомай отмечен был какой-то напряженной обстановкой крайней нервозности, ходили слухи, что вот-вот на Мавзолее раздастся взрыв. Члены Политбюро «нервно ухмылялись, неловко переминались с ноги на ногу».

Лишь выражение лица Сталина было «и снисходительным, и скучающе-непроницаемым».

Что ж, Сталин умел встречать опасность грудью и эмоциям поддавался крайне редко...

6. Человек с ледорубом, но не альпинист...

Чуть позже, когда Сталин навел порядок в стране, пришло время вдумчиво и обстоятельно заняться окопавшимся в жарких экзотических краях товарищем Троцким...

Эта история, как водится, тоже окутана скопищем самых глупых и примитивных мифов. До сих пор любят поминать, что советская разведка-де *подмогнула* умереть в парижской клинике Льву Седову, Троцкому-младшему.

Чушь фантастическая! Дело в том, что один из ближайших друзей Льва-младшего, которому Седов верил, как себе и с кем откровенничал до предела, был вовсе не беззаветным другом, а сотрудником советской разведки. И Лубянка, таким образом, всю качала важнейшую и секретнейшую информацию, которой Троцкий-папа делился с Троцким-чадом. Ликвидировать своими руками *такой канал* было бы несказанным идиотизмом, для любой спецслужбы, а сталинская разведка состояла из кого угодно, только не из бездарностей и не из дураков. Она просто обязана была пылинки сдувать с младшего Троцкого, убирать с дороги банановые шкурки, чтобы не поскользнулся ненароком, девок, с которыми Лева хороводился, заранее проверять на триппер... Так что Седов наверняка скончался от совершенно естественных причин, и чекисты тут ни при чем – они-то, ручаться можно, пережили эту смерть столь же тяжело, как Троцкий-папа...

А вот за *папу* с некоторых пор сталинские соколы взялись всерьез, чтобы, как глаголили российские старообрядцы, «записать его в книгу животну будущего века». Проще говоря, поступил четкий и недвусмысленный приказ: Троцкого ликвидировать!

Причины тут, конечно, отнюдь не те, про которые нам с умным видом бляели иные перестроенные публицисты. По их лапотному мнению, Сталин-де, дурак и посредственность, был, извольте ли видеть, настолько обозлен печатными выпадами против него язвительного, огромного, блистательного Троцкого, что в конце концов и приказал «писаку» пристукнуть.

Подобные примитивные объяснения годятся лишь для «мыльных опер». Прошу не забывать, что в долголетнем поединке Сталин – Троцкий победившей стороной был как раз Сталин: он стер соперника в порошок, выкинул его из страны, ликвидировал все устроенные троцкистами заговоры. В этих условиях пресловутые печатные нападки человека сильного и умного не особенно волнуют...

Суть не в писаниях Троцкого, а в его *деятельности*. Вот тут он был опасен, и всерьез!

Во-первых, Троцкий давно и успешно водил шашни с немцами. Еще в двадцатом году уже знакомый нам Энвер-паша сообщал из Москвы своему приятелю фон Секту, что в СССР существует вокруг Троцкого влиятельная группировка германофильского направления, выступающая за самое тесное сотрудничество с Германией и готовая даже признать восточные границы Германии по состоянию на 1914 г.

Сотрудничество немцев с этой группировкой благополучно продолжалось и позже. Все отношения Радека с германской элитой, все тренировочные центры рейхсвера на территории СССР – как раз в рамках этого сердечного согласия. Как уже говорилось, пятая графа немцам сплошь и рядом нисколько не мешала дружить с Троцким и Радеком – в большой политике серьезные люди внимания на такие пустяки не обращают. Такова жизнь. Если требуют интересы дела, любой чопорный джентльмен разделенется догола, напялит юбочку из пальмовых листьев, вденет кольцо в нос и будет плясать с папуасами у костра и лопать с ними жареных ящериц – если у этих папуасов есть что-то позарез ему необходимое, типа золотых месторождений на их земле или бухты, подходящей для военно-морской базы.

Вот с *нацистами* Троцкий и его люди общались без особой теплоты – но не со всеми и не со всякими. Нацисты, знаете ли, тоже не являли собою некую монолитную массу, спа-

янную полным единомыслием. В третьей главе мы подробно рассмотрим иные *загогулины* нацистско-троцкистских *амуров*...

Троцкий *действовал!* Оказавшись за границей, он, почти не промедлив, стал сколачивать из своих сторонников так называемый «Четвертый Интернационал» – из коего, как старый и прожженный политикан, планировал создать полновесную оппозицию *сталинскому* интернационалу. Уже в 1930 г. в Париже собрались сторонники Троцкого из США, Франции, Германии, Бельгии, Чехословакии, Испании, Венгрии... Формировался *блок!*

Там же, в Париже, через три года собралась та же публика, на сей раз уже из 11 стран. К тому времени документы «оппозиции Троцкого» издавались на 15 языках, на нее работали 32 печатных издания в 16 странах.

А в СССР, напоминая, всюю действовало неслабое троцкистское подполье, состоявшее не из прекраснотушных болтунов, а большей частью из людей решительных, с большим опытом по части пролитья кровушки...

Лев готовился к прыжку! IV Интернационал в конце концов был создан, и троцкисты во всех странах, где только имели возможность, начали всерьез *накостить* сталинистам. Какие, к черту, «язвительные печатные выпады»! На Сталина перла немалая сила.

Это ярче всего проявилось во время испанской войны. Чуть погодя я расскажу о том, что крутили там троцкисты и в чем это выражалось. А пока что – о Троцком, который выломился уже за всякие рамки...

Он начал *закладывать* людей Сталина! Согласно не так давно рассекреченным документам американского госдепартамента, 13 июля 1940 г. Троцкий *лично* передал сотруднику американского консульства в Мехико список мексиканских изданий, политических деятелей, профсоюзных активистов и государственных служащих, связанных с компартией сталинской ориентации, а также список известных Троцкому советских агентов в Мексике.

Всего пять дней спустя секретарь Троцкого передает в консульство новую записку, в которой подробно освещается деятельность в Мексике нью-йоркского резидента НКВД Энрике Мартинеса Рики. Троцкий готовит еще один список советских агентов, действующих в Мексике, США и Франции (который янки получили уже после его смерти).

Вот в *этом* и причина, а не в язвительных статейках! За подобные фокусы любая разведка мочит трепача, не раздумывая...

И за Троцкого взялись всерьез. Поначалу оплошали. Покушение было поручено подготовить известному художнику Сикейросу, по совместительству – заядлому марксисту-сталинцу.

Сикейрос дело провалил, устроив комедию в лучшем стиле голливудских вестернов. Во главе немаленькой компании горячих мексиканских парней он ворвался на виллу Троцкого, и эта братия от дурного усердия начала поливать из автоматов куда попало: раззудись, плечо, размахнись, рука!

Без толку перевели несколько сотен патронов, а они, между прочим, денег стоят. Коварный Троцкий, пока эта компания высаживала двери, применил не самую изощренную военную хитрость – нырнул под кровать и затаился там, как мышка.

Для горячих мексиканских парней эта головоломка оказалась не по мозгам. Не усмотрев Троцкого в спальне, они решили, что его там и нету – и, расстреляв все патроны, растворились в романтическом ночном мраке. Вылезший из-под кровати Троцкий, надо думать, посмеялся вволю...

Тогда Сталин вызвал профессионального разведчика Наума Эйтингона и поставил задачу перед ним. Эйтингон красками не малевал, но дело свое знал...

Вскоре к Троцкому пришел в гости приятный молодой человек и, переминаясь от смущения, положил на стол стопочку исписанной бумаги: он, дескать, начинающий троцкист и принес на суровый суд своего кумира первые публицистические опыты...

Польщенный Троцкий взялся читать бумаги. Тогда приятный молодой человек выхватил из-под пиджака альпинистский ледоруб и *жахнул* Льва Давидовича по темечку – отчего тот вскоре и преставился. Молодой человек охотно признал себя убийцем-одиночкой – но, отбывши двадцатилетний срок в мексиканской тюрьме, объявился в СССР, где ему за что-то вручили звезду Героя Советского Союза...

И не стало Льва Давидовича Троцкого – блестящего писателя и одного из творцов великой (без дураков!) революции, отличного оратора, организатора Красной Армии. Человека, способного горы сворачивать в экстремальной обстановке, но оказавшегося неспособным добиваться своих целей в более-менее спокойной жизни, постепенно проигравшего все и вся, потерявшего свое мастерски изничтоженное Сталиным воинство, загнанного на другую сторону глобуса и погибшего там нелепо не от пули из вороненого маузера, не от злодейского стилета, а от удара по башке мирным альпинистским приспособлением.

Так пусть же Красная сжимает властно
свой штык мозолистой рукой!
С отрядом флотским
товарищ Троцкий
нас поведет в последний бой!

А все-таки талантливая песня, что ни говорите! До души пробирает, признаюсь без малейшей иронии. Троцкий... Ну что же, и это все о нем.

Перейдем к Испании, как и было обещано. *Почему* Сталин проиграл испанскую кампанию, становится ясно из следственного дела Михаила Кольцова, еще одной «безвинной жертвы». Дело как выясняется, вовсе не в том, что испанская троцкистская организация ПОУМ (не менее сорока тысяч вооруженных до ушей головорезов) пакостила республиканскому правительству, как только могла, устраивая в тылу мятежи и путчи. Все гораздо сложнее...

Вот что на следствии поведал Кольцов о тайной организации, в которой состоял...

«Летом 1935 г. в Париже полпред Потемкин В. П. в разговоре по поводу конгресса писателей завел речь о том, что-де в Москве делаются всякого рода вещи и принимаются решения, за которые потом приходится испытывать смущение перед цивилизованной Европой – особенно, например, ему, как образованному человеку, дипломату и профессору. Что тем, „кому дорого достоинство России“ надо препятствовать разного рода „левацким“ поступкам со стороны правительства, хотя бы это даже грозило неприятностями. Он заявил далее, что мне, как литератору, следует помочь группе работников Наркоминдела, перебросившим мост между СССР и Европой... в дальнейшем он принялся резко критиковать правительство за отдельные перегибы и строгости... заявляя, что вообще методы и характер управления у нас отсталые, некультурные и еще не соответствуют демократической эпохе».

«Группа работников Наркоминдела», о которой говорил Потемкин, состояла из Литвинова, Сурица, Майского, Штейна, Уманского. К ней примыкали военные: Штерн и Павлов, литераторы Эренбург и Виктор Кин. Кольцов продолжал:

«В отношении международной политики Потемкин считал, что СССР необходимо поддерживать тесную связь с Германией и Италией, ибо это „в интересах России“. Он подчеркивал свои близко-дружественные отношения с Муссолини, которого хвалил, как великого государственного деятеля. Он указал, что Литвинов, Майский, Суриц – точно такого же мне-

ния, но что эти связи встречают противодействие со стороны Москвы. Тем не менее, он поддерживает связи с итальянскими фашистскими кругами на свой страх и риск через Кина».

А теперь – самое интересное!

«Он... указал, что на троцкистов и бухаринцев рассчитывать не приходится, ибо все эти люди конченные и связь с ними гибельна, но что в стране имеются новые кадры недвольных и жаждущих контактов с Западной Европой молодых интеллигентов, и что мне, как журналисту, должно быть лучше их видно. Он указал также, что готовящаяся новая конституция в корне изменит обстановку политической борьбы, очень многое упростит и легализует, так что будет гораздо безопаснее добиваться поставленных целей, используя для давления на правительство парламентские формы. Наркомы и целые составы правительств будут, сказал он, ниспровергаться и предлагаться с парламентской трибуны. С этой трибуны надо будет добиваться настоящей свободы печати в буржуазном смысле слова, отмены монополии внешней торговли, восстановления концессии, отмены религиозных преследований – того, чего требуют иностранные державы для дружного сожительства с СССР и в чем он, Литвинов, с ним согласен».

Интересно, верно? Цимес в том, что эти показания Кольцова года два как *опубликованы!* Но, как водится, тут же объявлены «выбитыми», продиктованными следователями НКВД.

Позвольте не согласиться! Сложновато, пожалуй, для следователя НКВД с двумя классами образования. Речь ведь, особо подчеркиваю, идет не о примитивной работе за деньги на иностранную разведку! Просто-напросто некоторое количество дипломатов, военных, литераторов и политиков выработало *свой* план дальнейшего развития страны, то самое «сползание к нормальной буржуазной демократии», избрало *свою* ориентацию на определенные иностранные державы. Что же здесь необычного, положила руку на сердце? Подобное в мировой истории встречается сплошь и рядом: в руководстве некой страны складываются несколько группировок с разными взглядами на внешнеполитическую ориентацию и внутренние перемены. Реалистично и жизненно до скуки. Благо народ подобрался отнюдь не из «старых» большевиков – Майский был в свое время министром самарского правительства при Комуче, Кольцов, прежде чем *осесть* у большевиков, в киевских антисоветских газетах немало статей опубликовал, отнюдь не марксизмом проникнутых, да и с прочими примерно так же обстоит – обратите внимание, от старых партийцев, троцкистов и бухаринцев, эта группа как раз дистанцируется! Так что – ничего необычного. Цели и задачи Кольцов формулирует вполне реалистично:

«Нас объединяла общность политических взглядов, которые заключались в том, что связь с Германией нужно сохранить и укрепить, а внутренний режим в СССР изменять в сторону капиталистического развития, внедрения буржуазно-демократических форм управления, привлечения иностранных капиталов и прихода к власти правых».

То есть – примерно то, что и было проделано в 1991 г. в нашем богоспасаемом Отечестве...

(Вообще-то в деле Кольцова содержатся и признания совершенно другого рода – о том, что он и вся его компания были платными агентами империалистических разведок. Вот *это*, как раз, вне всякого сомнения, *выбито*. Вот *это* ритуально-штампованное обвинение «для порядка». Зато все остальное, рубите мне голову, – отражение реальности...)

«Группа Литвинова», как показывает далее Кольцов, крайне отрицательно относилась к вмешательству Советского Союза в испанские дела – с ее точки зрения, это опять-таки портило репутацию СССР за границей, давая повод вновь заявлять, что в СССР «управляет не правительство, а Коминтерн». «Испанскую операцию» литвиновцы, таким образом, считали сугубо коминтерновским делом, неприемлемым для их собственных планов.

И они начали *вредить*! Благо имели к тому массу возможностей: генералы Павлов и Штерн были в Испании военными советниками, а Кольцов – чекистско-политическим резидентом, и многие из коллег-советников были *в деле*. Тем более, что в испанском руководстве царил бардак, интриги, подсиживания и склоки.

Подчеркиваю: вредили они не оттого, что были наняты иностранной разведкой! Исключительно потому, что считали испанскую кампанию неправильной, вредной как раз для интересов той *новой* страны, которую рассчитывали построить. Опять-таки в истории человечества подобное – отнюдь не уникам какой-то. Гитлеровские бонзы в схожих ситуациях циничнейшим образом саботировали те планы своего фюрера, которые их по каким-то причинам не устраивали, – и ничего, прокатывало как по маслу.

Детали несущественны. Тем более, что порой можно даже не творить какое-то конкретное *активное* вредительство, а просто-напросто сидеть сложа руки. *Не сделать* чего-то – это сплошь и рядом еще эффективнее, нежели *акции*...

Вот, скажем, в феврале 1937-го генерал Павлов вместе с группой испанских командиров закатил долгую попойку. Бытовуха, верно? Но в результате в нужный момент республиканские танки не приняли участия в бою на том участке фронта, где их присутствие было жизненно необходимо – и оказались утраченными важные стратегические позиции, захваченные франкистами.

Или, допустим, «литвиновец» Серебренников, работавший в военном комиссариате Испанской республики, вместо конкретных дел мастерски раздувал тамошний бюрократизм и канцелярщину, со всем пылом участвовал во внутренних склоках – и как-то так вышло, что работа означенного комиссариата оказалась совершенно парализованной.

Работник Особого отдела Болотин, даже не особенно и конспирируясь, хвастает коллегам, что шлепнул одного испанского командира, который чем-то не угодил Павлову.

А тот же Кольцов на встречах с испанской интеллигенцией требует полного и повсеместного уничтожения церквей и ликвидации всех священников – что, мягко скажем, ожесточает простых испанцев, в массе своей верующих.

И война в Испании была проиграна. Кольцова, правда, повязали – но генералы Павлов и Штерн пока что оставались при немалых ромбах и высоких постах. И поработали там на славу Отечества, ох, как поработали...

Именно генерал Павлов, начальник Главного автобронетанкового управления, расформировал перед войной механизированные корпуса. Он же всячески тормозил внедрение Т-34, мотивируя это тем, что танк должен быть в первую очередь быстроходным, а сильная броня и тяжелая пушка ему ни к чему. (И шелкали немцы эти быстроходные танки с тоненькой, как бумажка, броней, как семечки, и горели они, как спички...). Потеряв надежду пробиться сквозь заслон *военных*, главный конструктор «тридцатьчетверки» *угнал* танк с полигона, доехал на нем своим ходом до Москвы и сумел пробиться к Сталину и Ворошилову. Те оценили машину и дали «добро» на производство. Впоследствии, как известно, Т-34 был признан лучшим танком Второй мировой войны...

Вернемся к троцкистам. Что характерно, их карали за реальные дела, а не за *убеждения*. Парочка многозначительных примеров. В начале тридцатых годов одним из видных деятелей троцкистского подполья на Украине был Эммануил Казакевич – будущий автор великолепных повестей «Звезда» и «Двое в степи» (и автор гораздо менее талантливых пухлых, нудных романов). В свое время от троцкизма он отошел всерьез, и его так никто никогда и не тронул, войну он закончил помощником начальника армейской разведки, а после войны до самой смерти пребывал среди самых благополучных, обласканных властью литераторов. Точно так же искренне порвавший с троцкизмом поэт Иосиф Уткин репрессиям не подвергался никогда. И подобных примеров много.

В том, что троцкисты были злом насквозь реальным, убеждает приказ по МВД 1947 г., который предписывал вести чекистскую работу «по выявлению оставшихся на воле троцкистов». Слишком глубоко закопались иные *кроты*. Настолько, что один из них был возле Сталина до самой смерти вождя...

Но об этом – отдельный разговор. А мы поговорим о другом – о самой страшной войне в истории человечества. О расхожих мифах, до сих пор сопровождающих историю Великой Отечественной войны. О мрачных, до конца непроясненных загадках, ее сопровождавших...

Глава вторая Тайны великой войны

1. Кони и моторы

Давным-давно «всем известно», что Тухачевский и его сподвижники были певцами технического прогресса, зато Ворошилов и группировавшиеся вокруг него столь же тупые и невежественные лошадики технический прогресс отрицали вообще, с идиотским упорством делая ставку на архаическую конницу.

Как *на самом деле* обстояло с Тухачевским и его приближенными, мы уже рассмотрели подробно. Теперь самое время столь же пристально и обстоятельно изучить *реальную*, а не мифическую деятельность Ворошилова на посту наркома обороны.

Я уже рассказал, что в действительности именно трудами Ворошилова РККА получила, наконец, на вооружение реактивные установки залпового огня, в просторечии «Катюши», которых, несмотря на всю имитацию бурной деятельности, так и не смогли создать ни «великий стратег» Тухачевский, ни его «гениальные конструкторы». Теперь посмотрим, *как* на самом деле Ворошилов относился к техническому прогрессу, *что* собою представляла в реальности та самая многократно осмеянная и руганная красная кавалерия.

Январь 1931-го. Цитата из выступления: «Война в нынешних условиях требует огромного количества машин, причем машин различного назначения, разных названий и огромной технической сложности. Война механизуется, индустриализуется...»

Тухачевский, конечно? Да нет, знаете ли. Ворошилов...

Александр Бармин, в свое время занимавшийся поставками советской военной техники иностранным державам: «...Я получил от Тухачевского свою объемистую записку с многочисленными пометками на полях. Посвящена она была сугубо техническим аспектам поставки танков Турции. Оказалось, что заметки, замечания, рекомендации и указания по каждому параграфу были сделаны рукой Ворошилова!»

Игра приобретает интерес... Реальный Ворошилов что-то не особенно и похож на того придурка, каким его выставляют...

Буденный, кстати, тоже. В своем выступлении на XVI съезде партии (1930 г.) он говорит совершенно толковые вещи: трудами отдельных идиотов в стране уничтожается конское поголовье, а этого делать нельзя, потому что тракторов еще очень мало, и лошадь великолепно *дополняет* тракторный парк. Более того, «не везде рельеф нашей страны приспособлен исключительно для трактора... у нас есть такие районы, в которых тракторная и лошадиная обработка могут комбинироваться».

Что здесь невежественного, глупого, отсталого? Вполне здравые рассуждения.

Да, Буденный говорит, что «оборона страны без лошади немислима». Но на дворе, не забывайте, *тридцатый* год! В европейских армиях танки исчисляются десятками, и не более того. А потенциальный противник – Польша и Германия – самой природой приспособлены для успешных действий *конницы*: местность равнинная, сплошного позиционного фронта *в те* годы ожидать не приходится.

А дальше... Слушайте Буденного: «В современной войне, при наличии мотора в воздухе, а на земле – броневых сил, конница, опираясь на этот мотор, приобретает невиданную пробивную силу».

Всем понятно? Ни Буденный, ни Ворошилов никогда и не предлагали «заменить» конницей танки и броневики. Они, наоборот, *опираются* на мотор, а конница, по их разуме-

нию, должна *завершить* успех, достигнутый моторизованными силами. Согласитесь, это несколько отличается от той чуши, которую нам вдалбливали касаясь этих двух военачальников. Весьма даже отличается...

А вот что гласит Полевой устав 1936 г.: «Сила современного огня часто требует от конницы ведения пешего боя. Конница поэтому должна быть готова к действиям в пешем строю».

Полевой устав 1939 г. эти положения лишь развивает: «Наиболее целесообразно использование кавалерийских соединений совместно с танковыми соединениями, моторизованной пехотой и авиацией – впереди фронта (в случае отсутствия соприкосновения с противником), на заходящем фланге, в развитии прорыва в тылу противника, в рейдах и преследованиях. Кавалерийские подразделения способны закрепить свой успех и удержать местность. Однако при первой возможности их нужно освобождать от выполнения этой задачи, чтобы сохранить их для маневра. Действия кавалерийского соединения должны быть во всех случаях надежно прикрыты с воздуха».

Вам не кажется, что, словно дурной сон, на глазах улетучивается шизофреническая картинка придурковатых усачей, с клинками наголо скачущих навстречу артиллерийскому и пулеметному огню? А теперь давайте-ка посмотрим, чем была вооружена стандартная кавалерийская дивизия Красной Армии.

В составе каждой дивизии – четыре кавалерийских полка.

А также!

Конно-артиллерийский дивизион (восемь 76-мм и восемь 122-мм орудий).

Танковый полк (64 танка БТ).

Зенитный дивизион (восемь 76-мм орудий и две батареи зенитных пулеметов, то есть шесть счетверенных «Максимов»)

Впечатления? Подождите, хорошие мои! Все вышеперечисленное – *дивизионное* вооружение. А в *каждом* из четырех кавалерийских полков имеется еще:

Пулеметный эскадрон (шестнадцать «Максимов» и четыре 82-м миномета).

Полковая артиллерия (четыре 76-мм и четыре 45-мм орудия).

Зенитная батарея (три 37-мм орудия и три счетверенных «Максима»).

Как вам списочек? Это не прожекты – это перечисление *штатного* вооружения, имевшегося в каждой кавалерийской дивизии.

Такие дела. То, что существовало *в реальности*, нисколько не соответствует байкам о лихих придурках, с посвистом атаковавших танки в конном строю. В Красной Армии *была* конница – но совсем не такая, как нам ее описывали.

И воевать она должна была в *пешем* строю – как, замечу, в Отечественную и воевала. Танки идут в прорыв, артиллерия подавляет цели противника, зенитки прикрывают с воздуха, своя авиация бомбит вражеские позиции – и лишь потом успех закрепляют *пешие* солдаты в кубанках набекрень. А лошади оставлены коноводам на безопасном отдалении от места боя...

Между прочим, точно так же воевали и немцы, у которых за время войны кавалерийские части не только не исчезли, а, наоборот, их численность увеличилась в несколько раз по сравнению с 1939 г. Танки, артиллерия и авиация *прогрызают* оборону противника, а следом идут эсэсовские автоматчики из дивизий «Флориан Гейер», или «Марии-Терезии», или какой-то другой из примерно двух десятков кавалерийских...

Впрочем, возможны и действия в конном строю – там, где для этого есть условия. Например, при атаке на застигнутого врасплох противника, не располагающего пулеметами или артиллерией, не говоря уж о танках. Тут нам предстоит перенестись западнее – чтобы расчихвостить еще один миф: о польских уланах, якобы «скакавших на танки в конном строю».

И *этого* никогда не было!

Немецкая брехня.

Потому что польская кавалерия представляла собой опять-таки не просто орду усачей с одними лишь шаблоками.

Возьмем Десятую кавалерийскую бригаду. В ее составе были 10-й конно-стрелковый и 24-й уланский полк. А еще – танковые подразделения, броневики, противотанковая и зенитная артиллерия, саперные батальоны и эскадрилья штурмовиков огневой поддержки. Однако при описании боевых действий сплошь и рядом упоминалась просто «десятая кавалерийская бригада». Трудно ли решить, что это – *сплошь* усачи на коняшках?

В районе Мокра уланский полк польской Волынской кавалерийской бригады отразил удар 4-й танковой дивизии вермахта. На конях с пиками наперевес? Ничего подобного. Ведь не «отражал», а «отразил»! Это *артиллерия* означенного полка подбила 12 немецких танков...

Кто же первым запустил *бодягу* про идиотов-поляков, с пиками наперевес и саблями наголо кидавшихся в конном строю на немецкие танки?

А Уильям Ширер, известный американский журналист и историк Второй мировой, черным по белому написал во «Взлете и падении III рейха»: «На одном участке, когда танки неслись на восток через Польский коридор, они были контратакованы Поморской кавалерийской бригадой, и взору автора этих строк, посетившего несколько дней спустя участок, где разворачивалась контратака, предстала отвратительная картина кровавой мясорубки. Для скоротечной польской кампании это было символично. Лошади против танков! Длинные пики кавалеристов против длинных стволов танковых пушек!»

Ну, начнем с того, что стволы пушек *тогдашних* немецких танков были довольно-таки кургузенькими, малого калибра... Но не в том суть. Ширер не видел боя *своими глазами*. А там все было наоборот.

Уланский маневренный отряд под командованием полковника Маштелажа натолкнулся не на танки, а на расположившийся отдыхать в чистом поле, неподалеку от леса, немецкий *пехотный* батальон. И потому полковник без колебаний велел трубачу дать сигнал к атаке. Кавалеристы с клинками наголо кинулись на застигнутую врасплох пехоту...

И отвели душу! Можете себе представить: это жуткое зрелище – когда всадники с тяжелыми, наточенными клинками гоняют по полю пеших.

Вот только в том лесу, оказалось, расположились немецкие бронемашины и расчет с орудием. Они и открыли огонь по уланам, увлекшимся рубкой ополоумевших тевтонов. И положили более двадцати человек, прежде чем кавалеристы отступили.

Так было. А потом через несколько дней немцы любезно привезли на это поле, покрытое трупами людей и лошадей, нейтрального американского писачу (*своих* убитых, разрубленных от плеча до жопы, они наверняка давным-давно убрали). И с честными глазами объяснили ему: мол, на этой именно полянке тупые славянские недочеловеки кинулись на танки в конном строю. Американец так и записал. А чуть погодя шустрые ребята из ведомства Геббельса *смастрячили* якобы документальные кадры конных польских атак на танки – вот только мундиры на этих «кавалеристах» были отнюдь не кавалерийские, собранные с бору по сосенке. А еще позже про глупых поляков, дубасивших саблями по крупповской броне, написал в мемуарах генерал Гудериан – с тех пор и пошло-поехало...

Как я уже писал в одной из своих книг (опираясь на достовернейшие источники), единственная страна, бездарно погубившая свою конницу, раздавленную танками и забросанную бомбами с пикировщиков, – Франция. Но об этом как-то запомнили. «Весь мир знает», что на танки в конном строю скакали как раз придурковатые польские уланы и дебилы красные кавалеристы. Хотя в реальности все обстояло совсем не так...

А что до некоторого консерватизма, то это явление знакомо всем армиям мира. Куда ни ткни, отыщешь гораздо более выразительные примеры. Еще императорский генерал Драгомиров (к слову, не самый глупый генерал русской армии) категорически выступал против введения в русской армии пулеметов – очень уж много патронов потребляют, нерационально...

Вот только не надо видеть в этом нечто специфически российское. Английские адмиралы в свое время так яростно и страстно сопротивлялись принятию на вооружение подводных лодок, как не всякая благонравная девица сопротивляется пьяному гусарскому вахмистру, вознамерившемуся в темном переулке нарушить ее добродетель. Очень уж несерьезными игрушками виделись господам адмиралам эти «ныряющие банки». То ли дело привычный броненосец: здоровущий, черт, впечатляет! И пушки такие, что в дуло башку засунуть можно! Понадобился печальный опыт Первой мировой, когда одна-единственная германская «ныряющая банка» в четверть часа отправила на дно три британских крейсера.

В 1911 г. в военное министерство Австро-Венгерской империи представил свой проект танка поручик Бурштын (вероятнее всего, замечу в скобках, поляк. «Бурштын» по-польски – «янтарь»). На его проекте чья-то недогнувшая рука начертала: «Человек сошел с ума». Трудно сказать, о чем *далее* думали австро-венгерские генералы, но танки в их армии так и не появились на всем протяжении Первой мировой.

Хваленые германские генералы тоже, следует уточнить, были не такими уж светочами военно-технического прогресса, какими их пытаются представить в противовес «безграмотному Ворошилову и его лошадиникам». Тухачевский, вернувшись из командировки в Германию, несмотря на все свое германофильство, написал отчет отнюдь не хвалебный: «Руководящий состав рейхсвера мыслит себе войну примерно в формах последнего маневренного периода империалистической войны. Он не способен представить себе новые формы боя, вытекающие из нового вооружения: авиации, танков, автоматической винтовки и пр... Хаммерштейн мне прямо заявил, что он не признает механизированных соединений, а допускает лишь частичную моторизацию. Да и к этой последней он относится подозрительно. Не признает он и автоматической винтовки. Таких же взглядов придерживается и большинство руководящих генералов и офицеров рейхсвера... Над всеми этими генералами довлеет опыт империалистической войны и слава былой организации и тактики германской армии».

Вот *здесь* Тухачевский оказался кругом прав. Поскольку его наблюдения блестяще подтвердились во время французской кампании вермахта. Давно и подробно описано, как генерал Гудериан мастерски оперировал танковыми «клиньями». Значительно реже упоминается, что своими дерзкими рейдами он нарушал прямые приказы вышестоящих командиров, как раз и требовавших от молодого танкиста воевать помедленнее, потихонечку, полуголочку, как деды-прадеды воевали... В конце концов дошло до того, что старые пердуны в генеральских погонах издали приказ о немедленном аресте Гудериана за злостное неисполнение приказов начальства. Но тут выяснилось, что Гудериан, собственно говоря, своими «новомодными» ударами уже практически сокрушил французов, и Берлин от этого в восторге. Ну, тут уж арестовывать стало как-то неудобно, и приказ потихоньку порвали...

А вы говорите, Ворошилов...

2. Рамзай в последний раз предупреждает...

Еще один устойчивый миф, призванный доказать тупость и маниакальную подозрительность Сталина, – миф о бесценных «предупреждениях», которые присылала из-за рубежа разведка. Сталину якобы называли точные сроки германского нападения, а он в силу врожденного идиотизма не верил.

Ну, что тут скажешь? Еще несколько лет назад, во время «круглого стола» в редакции газеты «Красная звезда» полковник Службы внешней разведки В. Карпов окончательно и бесповоротно расставил все точки над «i» касаясь «радиограмм Рихарда Зорге, сообщавших точную дату немецкого вторжения». Дословно: «К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена». Во времена, добавлю от себя, богатейшие на фальшивки.

А вот *реальные* радиограммы Рихарда Зорге, поступившие в Москву.

30 мая 1941 г.: «Берлин информировал Отта (германского посла в Японии. – А. Б.), что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня».

«Точная» дата, ничего не скажешь...

1 июня 1941 г.: «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда он выехал 3 мая».

Еще точнее, прямо-таки в яблочко...

15 июня 1941 г.: «Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня».

Что делали бы вы на месте Сталина, получая подобные депеши? То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет... А если добавить к этому еще и более раннее «предупреждение» Зорге от 19 мая 1941 г.: «Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени».

Есть еще несколько радиограмм Зорге с вовсе уж туманными «сроками»: «Время окончания сева в СССР»... «В случае, если СССР начнет развивать активность против интересов Германии». Тут уж открывается широкое поле для безудержного полета фантазии. И кто-то еще упрекает Сталина, что он не верил этому потоку сознания?!

Поклонники «Рамзая», даже признавая скрепя сердце, что на основании подобных «предупреждений» и в самом деле нельзя принимать какие бы то ни было военные решения, все же цепляются за последнюю линию укреплений: да, соглашаются они, насчет Германии Рамзай маленько того... пальцем в небо... Зато он силен в другом: четко и недвусмысленно предупредил, что Япония воевать против СССР ни за что не будет!

Увы, и в этом случае Зорге отправил в Москву такую лавину радиограмм, противоречивших одна другой...

11 августа 1941 г.: «Прошу вас быть тщательно бдительными, потому что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца».

12 августа 1941 г.: «Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток... Подготовка к операции закончится между 20-м числом и концом августа месяца, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение о выступлении японцев еще не принято...»

14 сентября 1941 г.: «Источник Инвест выехал в Маньчжурию. Он сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году...»

И так далее... Подобный разнобой в любом разведцентре вызовет вполне понятное недоверие к отправителю.

Сталина, кстати, порой упрекают еще и в том, что «он не выручил Зорге». Мол, можно было как-то обменять...

Но и здесь есть свои серьезнейшие нюансы. Во-первых, нет ни единого достоверного свидетельства о том, что кто-то из руководства разведки Сталину такое предлагал, а ходатайствовать о «вытаскивании» провалившегося как раз – обязанность шефов спецслужб. Ни один глава государства не станет самостоятельно, по своему почину, озабочиваться таким мероприятием – разве что это его *личный* агент. Но личным агентом Сталина Зорге, безусловно, не был (а кто был, нам неизвестно, хотя таковые просто обязаны были существовать).

Во-вторых, Зорге *«запел»*. То есть, признал свою принадлежность к советской разведке – и отнюдь не в результате вдумчивого битья. Его вообще пальцем не тронули. Курировавший следствие японский прокурор Ёсикава утверждал: «Для получения признания насилия к Зорге не применяли. Ему были предъявлены вещественные доказательства и потребовали их объяснения. Таким образом, в конце первой недели он признался...»

Один из асов тайной войны Павел Судоплатов оценивал ситуацию так: «Зорге НАРУШИЛ ПРАВИЛА, он начал давать показания, рассказывать о своей работе на СССР».

Вот именно. Разведка, знаете ли, не кружок филателистов и не игра в «Зарницу». *Правильный* шпион просто обязан, несмотря на железнейшие улики и самые изобличительные показания, *включать дурку* и твердить, как попугай: трагическое совпадение, интриги-провокации! Рацию подкинули, «сообщников» вижу впервые в жизни, почерк подделали, и вообще у меня белая горячка! Профессия такая, что поделаться...

Два самых знаменитых, наверное, провала советских разведчиков: Маневича – «Этьена» в Италии до войны и Рудольфа Абеля в Штатах, имели совершенно другое течение. Маневича засадили как шпиона «неустановленного государства», и не более того. Советской разведке попросту не удалось его вытащить, а вот Абеля (как и Молодого-Лонсдейла), в конце концов *выдернули*. Абель как раз и «включал дурку», несмотря на улики и словоохотливого свидетеля...

Вообще с Зорге кое-что до конца не ясно. Есть версия, что он работал *не только* на СССР. Авторы ее в обоснование своего мнения приводят следующие доказательства: к смертной казни в Японии приговаривали только разоблаченных разведчиков тех стран, что находились с Японией в состоянии войны, а все прочие отделялись лишением свободы. После войны офицеры американских оккупационных войск зачем-то старательно искали могилу Зорге – с какой такой лирики им стараться ради *советского* агента?

У меня по недостатку компетентности нет своего отношения к этой версии. Она просто существует, вот и все...

Что касается европейских источников, то и здесь царил тот самый «поток сознания» – девятый вал донесений, где назывались самые разные сроки.

29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор Тупиков доложил: «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г.»

Начальник Разведуправления докладывал Сталину 20 марта 1941 г.: Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая.

И подобных рапортов – *ворох*...

Словом, донесений было столько, что в той тяжелейшей, головоломной ситуации из длиннющего перечня «совершенно достоверных дат» Сталин так и не смог выбрать одну, реальную. В конце концов он не был Господом Богом...

А вот провокации имел все основания опасаться. До сих пор принято иронизировать над абсолютно здравым и логичным указанием Сталина «не поддаваться на провокации». Как будто провокация не является обычной принадлежностью военно-политических игр большого масштаба. И вовсе уж идиотскими выглядят упреки в том, что ни Сталин, ни Генштаб не поверили «ефрейтору-перебежчику». А почему они должны были верить? Вот уж ценнейший источник – цельный ефрейтор! Немцы в свое время (как это случилось в Бельгии) не то что ефрейтора, а самого настоящего майора послали дезинформации ради с полной сумкой «совершенно достоверных» планов... С тех самых пор, как существует шпионаж, существуют и *подставы*...

А главное – та самая концентрация войск на советской границе все же, по большому счету, могла оказаться провокацией немецких генералов. В особенности если учесть, что в последнее время все более доказательно пишут о том, что заговор Тухачевского был *двойным* – генералы на той и другой стороне договаривались сообща прижать каждый свое политическое руководство, чтобы потом, объединившись, показать Европе кузькину мать. Альянс на принципах *кастовости* – предположение не столь уж невероятное. В своеволии *своих* маршалов Сталин имел случай убедиться. А немецкие генералы были не лучше. Напоминаю: к 1941 г. они успели составить два или три заговора с целью ареста или ликвидации Гитлера в случае неблагоприятного для Германии оборота дел. Эти планы так никогда и не были претворены в жизнь, но они всерьез разрабатывались – и Сталин, скорее всего, о них знал. А хорошая, *качественная* провокация сродни произведению искусства. Вот, скажем, убийство сербскими террористами австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, послужившее формальным поводом для Первой мировой. Девяносто лет минуло, а *полной* ясности нет. То есть, достоверно известно, что сербская разведка этих самых террористов подготовила, вооружила и благословила – но в то же время Франц-Фердинанд *всерьез* мешал и кое-каким влиятельным венгерским кругам в Вене (поскольку собирался превратить «двойственную» монархию в «тройственную», из Австро-Венгрии – в Австро-Венгро-Славию), и «ястребам» в российской генеральном штабе...

Короче говоря, Сталин *промахнулся*. Но я и не утверждал никогда, что считаю его непогрешимым сверхчеловеком, принимавшим только правильные решения и предвидевшим все на свете...

А может, он *сам* хотел ударить по вермахту? Первым?

3. Призрачная «Гроза»

Речь, как явствует из заглавия, пойдет о трудах Виктора Суворова – тех из них, что посвящены зловещему сталинскому плану «Гроза», массивному удару по Европе с полным и окончательным захватом оной.

Увы, увы... Суворов со своим «Ледоколом» красиво смотрелся *поначалу*. Пока у него не было *серьезных* оппонентов: сварливая ругань в адрес «предателя» и «супостата» полужения не меняла (Суворов и в самом деле предатель, но не в его личности дело), а критики вроде Г. Городецкого сами недалеко ушли от объекта хулы...

Положение изменилось, когда вышли несколько объемистых, аргументированных книг, кропотливо и методично поверивших суворовскую «гармонию» сухой «алгеброй» (А. Исаев, А. Помогайбо, А. Лоханин и М. Нуждин). Не стоит их пересказывать, достаточно просто констатировать факт: после *этих* книг к версии Суворова серьезно относиться нельзя. «Нэ так все это было, – как выразился по другому, правда, поводу, товарищ Сталин. – Савсэм не так...»

Практически единственное *реальное* доказательство якобы планировавшегося Сталиным блицкрига, пресловутые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» – в принципе, никакое не доказательство. Дело даже не в том, что это – всего лишь написанный кем-то (предположительно, А. М. Василевским) от руки текст, не носящий абсолютно никаких признаков официального документа, одобренного кем бы то ни было.

Нюанс совершенно в другом. Любое государство, хоть что-то собой представляющее в военном отношении, загодя разрабатывает планы войны с соседями. Вовсе не потому, что *твердо* намерено эту войну развязать. Просто-напросто – на всякий случай. Мало ли что в хозяйстве понадобится. Мало ли как обернется ситуация. Мало ли кем окажется сегодняшний добрый сосед или союзник...

У Польши, например, к 1939 г. были проработанные планы и войны с СССР, и занятия Литвы, и даже военных действий против Германии (что, в общем, не выглядело вовсе уж фантазмагоричной утопией: от польских границ до Берлина было всего 150 км, а германская армия тогда особым мастерством похвастать не могла, не наработала еще должного опыта). А у Англии и Франции, кстати, имелись планы бомбежки нефтепромыслов в Баку и действий «ограниченных контингентов» обеих стран на стороне Финляндии против СССР.

Директор Национального архивного центра Администрации США Дж. Тэйлор, придя в 1945 г. работать в этот самый архив, был нешуточно удивлен, обнаружив, что «США имели планы войны практически со всеми странами мира. Каждый план имел свой цвет. Черный для Германии, красный для Великобритании, белый для Кубы... Никто не думал в тот момент, что Соединенные Штаты могли начать войну против Великобритании, но у Пентагона имелся хорошо разработанный план такой войны».

Такие вот пикантности. Особенно умиляет наличие в этом списке Великобритании, родной матушки Соединенных Штатов – хотя последний раз США и Британия воевали аж в 1813 г. Кстати, в свое время де Голль во Франции делал практически то же самое, провозгласив принцип «обороны по всем азимутам», а потому французские ядерные ракеты были нацелены как на советские военно-стратегические объекты, так и на итальянские, английские, испанские... Это называется – «предусмотрительность», а не «агрессивные планы». А потому лично я, например, уверен, что где-то в особо засекреченных недрах военных архивов который десяток лет пылится подробнейший план военных действий против Турции. Никаких конкретных сведений у меня нет. Просто такой план *обязан* был существовать, детально проработанный еще году в сороковом. Потому что в сороковом ни одна живая душа

не могла предсказать, останется Турция нейтральной, выступит на стороне англичан или сольется в боевом братстве с вермахтом.

А в общем, все суворовское многообразие на тему «Ледокола» и «Грозы», словно куриное яйцо – кирпичом, побивается одним-единственным фактом.

Одной-единственной строчкой: «Весной 1941 г. на аэродромах военно-воздушных сил Красной Армии было развернуто строительство бетонных взлетно-посадочных полос».

Все, тушите свет! Этой фразы достаточно. Взлетно-посадочные полосы бетонируют для того, чтобы не зависеть от капризов неблагоприятной природы. Чтобы самолеты могли взлетать без помех даже тогда, когда земля раскиснет после осенних затяжных ливней. Раз полосы бетонировали – значит, советские ВВС намеревались на этих аэродромах оставаться, как минимум, до зимы сорок первого. Значит, никакого наступления на Германию летней порой не планировалось – какое же наступление без авиации?

Вот так один-единственный факт изничтожает напрочь все пухлые суворовские тома.

Попутно следует отметить и еще одно притянутое за уши обвинение в адрес Сталина – что он, якобы, «вооружал Гитлера». Речь идет о тех самых военных школах на территории СССР, где тренировались немецкие танкисты, летчики, военные химики.

Школы эти существовали аж десять лет. Но при чем тут, простите, помощь *Гитлеру*?

Ю. Дьяков и Т. Бушуева назвали свою книгу об этих школах, нарушая все законы логики: «Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933».

Какой такой фашистский меч на означенном временном промежутке?! В 1922 г. партия Гитлера была, конечно, немного посильнее, чем армия Монако, но правящей не являлась. Власть она взяла аккурат в 1933 г. – и после этого Сталин военное сотрудничество быстро свернул. Благо и начинал его не он, а Троцкий со своими германофилами – Тухачевским, Уборевичем и цетера...

Но это цветочки по сравнению с тем, что по своему милому обыкновению ухитрился отмочить упрямо именуемый себя «выпускником МГУ» Л. Млечин...

«Когда немецкие танкисты и летчики летом 1941-го обрушились на Красную Армию, отступающие советские командиры не подозревали, что оружие, которым немцы воевали против России, создавали для немцев сами русские».

Интересно, в канцелярии МГУ не пропадали чистые, незаполненные бланки дипломов?

Трудно сходу найти цензурные слова, чтобы прокомментировать столь сенсационное заявление. Это какое же такое оружие, с которым вермахт попер на Россию, по недомыслию сделали сами русские?! Автоматы «МП-40»? Грузовики «Опель-блиц»? Бронетранспортеры «Ганомег»? Танки? Пикировщики «Штука», истребители «Мессершмидт» и бомбардировщики «Юнкерс»? Пистолеты «Вальтер» и «Парабеллум»? Карабины «Маузер»? Бред потрясающий! Немцы испытывали и обкатывали на территории СССР исключительно все, что придумали и произвели *сами*!

Кстати, если вновь обратиться к любезной моему сердцу статистике, окажется, что за эти годы на территории СССР было подготовлено всего три процента от общего числа немецких танкистов. Три процента летчиков. И всего-то 280 пехотных офицеров из многотысячного кадрового корпуса. А известные немецкие военачальники вроде Гудериана, Моделя, Браухича, Кейтеля и Манштейна, не для «обучения» к нам приезжали – либо были наблюдателями на маневрах, либо инспектировали те самые учебные объекты.

Исторической точности ради: «фашистский меч» прямо-таки стахановскими темпами ковался, помимо СССР, еще в доброй полудюжине европейских государств. Наибольший вклад в это увлекательное предприятие внесли как раз не фашистская Италия и не хортистская Венгрия, а добрые старые нейтралы – Швеция со Швейцарией. В Швеции, подальше от

наблюдателей Антанты, обосновались немецкие конструкторы танков и совместно с гостеприимными хозяевами мастерили перспективные образцы. Там же, на заводах «Бофорс», шведы приютили и немецких пушкарей. Специалисты «Фоккера» невозбранно проектировали свои самолеты в Голландии, а Швейцария, как миленькая, поставляла вермахту (уже позже) 88-мм зенитные орудия – кошмар любого танка Второй мировой. Швеция, кстати, чуть ли не до капитуляции Германии снабжала последнюю высококачественной рудой и прочими стратегическими материалами, а наши подводники лишь поскрипывали в бессильной злости зубами, глядя, как все это добро плывет в рейх на «нейтральных» шведских кораблях, которые топить никто не имел права.

В общем, вокруг наковальни «фашистского меча» кузнецов толпилось столько, что не сразу и протолкнешься. А посему тем зарубежным крикунам, кто начнет обвинять в сотрудничестве с немцами исключительно Советский Союз, следует отвечать словами дона Руматы: не воротите рыло, ваши собственные предки были не лучше...

4. Нежная невинность по имени Польша

Если уж речь зашла о мифах Второй мировой, никак нельзя обойти один из главных: о злодейски растерзанной Сталиным мирной, душевной, невинной, беленькой и пушистенькой Польше. Давным-давно уже впечатана в умы достойная голливудского ужасика жуткая картина: вдрызг пьяный, зверообразный советский политрук с ножом в зубах прижал в темном переулке непорочную паненку в белоснежном платье, хрупкую, как цветик лилейный, враз сомлевшую от страха.

Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и с непорочностью у паненки обстоит не лучшим образом, и мордашка у нее отнюдь не гимназическая, и табачищем со спиртом от нее шибает не слабее, чем от политрука, а под подолом мастерски припрятаны пистолетик с кастетиком, которыми паненка весьма даже умеет пользоваться...

Вообще-то поляков я люблю. Чисто этнографически, как большой ценитель антиквариата и поклонник старых романтических времен – за экзотические кунтуши, за холодное обаяние костелов, за красоту женщин и неповторимый изгиб сабель-карабел. Отличный человек – поляк. В отдельности, каждый сам по себе. Но когда они все вместе, собравшись, образуют государство под названием «Польша», возникают совсем иные чувства.

Второго такого государства на свете не было! Монархия, где короля выбирали – и достаточно было одному голопузому шляхтичу пискнуть против, чтобы дело расстраивалось. Питомник дичайших амбиций, не подкрепленных реальными возможностями, сюрреалистическая земля, где «пан шляхтич», по внешнему виду неотличимый от крепостных «хлопов», точно так же пахал землю на ледащей лошадке, но, чтобы обозначить свое высокое звание, вешал на бок вырезанное из жести подобие сабли (на настоящую денег не было). Государство, в котором, как нигде более, чуть ли не все мало-мальски заметные свершения обеспечивали *инородцы* – в то время как титульная нация прожигала жизнь в пошлом винопитии и безделье...

Дело все в том, что моя «польская» кровь на самом деле – *литовская*. Под словом «Литва» я, понятное дело, имею в виду не нынешнюю крошку-державу, где «коренными» считаются люди с оскорбляющими музыкальный слух фамилиями вроде Бурокаравичюс, а Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, славянскую страну, до определенного времени сплошь православную. Страну, которая в соединении с Польшей и образовала Речь Посполитую.

Этой страны давно уже нет. Но когда-то она существовала во всем своем блеске и величии. И слово «литвин» как раз и означает того окатоличившегося впоследствии славянина, который приложил немало трудов, чтобы процветал его беспутный двоюродный братец по имени «лях». Литвин и *волок* на себе объединенную державу.

Собственно говоря, история Польши на протяжении семисот лет служит лишь подтверждением нехитрого тезиса: жизнь в Польше идет нормально и кое-какие успехи достигаются исключительно в том случае, если державой правят *инородцы*.

Едва только было покончено с классической феодальной раздробленностью и из полунезависимых уделов образовалась единая монархия, *ляхи* с трона исчезли надолго. В 1380 г. основателями правившей без малого триста лет династии Ягеллонов стала семейная пара без капелюшечки польской крови в жилах: король Владислав Ягелло, на три четверти русский, а на оставшуюся четвертушку жемайт, королева Ядвига – венгерская принцесса. При правлении Ягеллонов Польша, в общем, ничем особенно не отличалась ни в лучшую, ни в худшую сторону от прочих европейских монархий. Но в 1572 г. династия естественным образом пресеклась, не дотянув восьми лет до солидного юбилея, и вот тут-то началась печальная двухсотлетняя комедия с «электоральными» (т. е. выборными) королями на троне.

Первым сомнительной чести открыть этот список удостоился французский принц Генрих Валуа. Не великого ума был юноша, но, прибыв на рабочее место, очень быстро раскусил, что за шатия-братия досталась ему в качестве подданных – и при первой же возможности, вытерпев на троне неполный год, украдкой сбежал домой. Случай, по-моему, уникальный: нет ничего обычного в том, что люди бегут из лагерей и тюрем, но вот чтобы монарх сорвался в побег со своего золотого трона...

Но процедура катилась по накатанной. Зрелище было, чего уж там, шизофреническое: республика («Речь посполитая» – буквальный перевод с латинского «республика», т. е. «общее дело») с выборным королем, начисто лишенным права влиять на государственные дела, не говоря уж о том, чтобы «повелевать».

Дворянство, по сути своей – не более чем передовой отряд государства, обязанный служить как на бранном поле, так и на гражданке. За что и обладает немалыми привилегиями. Поскольку человеческая природа везде одинакова, во всех без исключения странах, где только дворянство имелось, оно пыталось устроить дело так, чтобы служить поменьше, а получать побольше. Но, опять-таки во всех странах, благородное сословие со временем отучали бунтовать и непокорствовать и худо-бедно заставляли служить государству.

Во всех, за исключением Польши, где очень быстро было сформулировано правило, в переводе звучащее предельно просто: «шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе». Польское дворянство – это уникальнейшее сочетание ненасытной жажды вольностей, благ и привилегий с полнейшим нежеланием взвалить на себя хоть какие-то обязанности.

В семнадцатом веке только двух польских королей можно назвать настоящими серьезными властителями, добившимися немалых успехов. Первый, Стефан Баторий – на самом деле мадьярский магнат Штефан Батори. Второй, Ян Собеский, знаменит еще более – поскольку именно он в 1682 г. с войском, состоявшим в значительной части из славян, разбил турок под Веной, навсегда остановив их экспансию в Европу (нужно отметить, что славяне эти были представлены в основном не поляками, а литвинами, украинскими казаками и чехами).

Но именно то, что Собеский добился столь нешуточных успехов, заставляет подозревать его в литовском или русском происхождении. Я пока что не предпринимал генеалогических изысканий, но ничуть не удивлюсь, если они подтвердят первоначальную версию.

В течение того же семнадцатого века прослеживается четкая закономерность. Видный военачальник – либо литвин вроде Любомирского, либо русский вроде Иеремии Вишневецкого (потомок православного украинского рода, принявший католичество только в девятнадцать лет). Видный «цивильный» деятель – опять-таки не из ляхов, а либо литвин Потоцкий, либо русский Адам Кисель...

Чистокровные ляхи в это время обычно либо поднимают мятеж против королевской власти (какое право им предоставлено законом), либо друг с другом воюют, либо посылают гайдуков выпороть какого-нибудь коронного судью, чтобы не докучал благородным панам нытьем насчет того, что законы вообще-то для всех без исключения писаны. Между прочим, согласно тем же писаным законам, *любой* благородный шляхтич, когда ему надоест воеводствовать у себя в огороде, имеет право, словно король, посылать собственное посольство к любому европейскому двору (правда, трудно было бы обязать иностранных монархов относиться всерьез к подобным посольствам, так что случаев применения этого права на практике что-то не отмечено...).

Восемнадцатый век – то же шутовство. Саксонский курфюрст Август Сильный ввел два неглупых установления – во-первых, канцлером назначил опять-таки инородца, хитрющего и умного саксонца Брюля, во-вторых, всю сознательную жизнь проходил в шестерках у Петра I, благодаря чему провел на троне, с небольшими перерывами, тридцать шесть лет и мог без помех претворять в жизнь заветную мечту. Была у него такая мечта – переспать со

всеми красотками королевства. Нереальная, конечно, но Август усердно к ней стремился, не покладая... гм, рук. И стал безусловным чемпионом среди коронованных особ Европы по количеству внебрачных детей – историки их насчитали не менее трехсот.

А перерывы в восседании Августа на троне проистекали оттого, что буйное панство то и дело провозглашало *своего* короля, Станислава Лещинского. И два монарха весело гонялись друг за другом по прекрасной Польше во главе вооруженных ватаг, выметавших подчистую всю домашнюю живность в округе и задиравших подолаы девкам. Петр I со Стасиком Лещинским так и не справился, но суровая Анна Иоанновна приказала своим генералам выгнать *лишнего* короля из Польши к чертовой матери, что они и выполнили без особых сантиментов.

Потом на троне восседали опять-таки совершенно бесцветные личности. Еще позже на престоле объявился чистокровный поляк Станислав Понятовский, окончательно разваливший все, что не успели до него. Тут только до шляхты дошло, что страну, собственно, полагается спасать. Группа заговорщиков перехватила королевскую карету, его величеству набили морду (в прямом смысле), объявили низложенным и устроили превеликое шумство: ввели конституцию, затараторили о свободах для прочих сословий...

Увы, к тому времени Россия, Пруссия и Австрия, успевшие провести два раздела Польши (после чего от нее осталось сущее непотребство), решили, что такой географический курьез, как независимая Польша, следует отменить вообще. И отменили. Какое-то время бушевало национально-освободительное восстание – возглавлявшееся, как легко догадаться, не поляком, а литвином Тадеушем Костюшко. Отбушевало. Понятие «Польша» на сто двадцать лет исчезло с географических карт.

Поляки, разумеется, пару раз поднимались на бунты – уже в течение девятнадцатого столетия. Не какой-то злой колонизатор, а идеолог польского Просвещения, философ, историк и писатель Гуго Коллонтай (чистокровнейший литвин, пся крив!) говорил не без иронии: «Воевать поляки не умеют. Но бунтовать!»

С бунтами, правда, царское правительство справилось особо циничным образом. Оба раза, и в 1831-м, и в 1863-м. Соль в том, что основную ударную силу составляла опять-таки благородная шляхта. Так вот, зловерные москали просто-напросто наделили крестьян панской землей и вывели из крепостного состояния – после чего «хлопы» (не только украинские и белорусские, но и польские) принялись мятежников ловить, вязать и в таком виде предьявлять по начальству.

И всегда, везде, куда ни плюнь, попадешь в инородца. Великий «польский» поэт Адам Мицкевич, между прочим, был литвин (что с гордостью подчеркивал)...

Есть такая историческая трилогия Генрика Сенкевича – «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». Трудно объяснить иностранцу, с каким почитанием и трепетом к ней относятся в Польше. Идет сразу после Библии, одним словом. В обиходе именуется она попросту Трилогия (без всяких кавычек), каждый грамотный поляк и без объяснений понимает, о чем идет речь. Восемьдесят лет уже поколения польских школьников проходят ее так, как у нас, скажем, «Войну и мир», сочинения пишут, абзацы наизусть зубрят: «Вот уже по всей Речи Посполитой народ седлал коней, а шведский король все не мог уйти из Пруссии...»

Эта действительно увлекательная трилогия повествует о славных польских витязях семнадцатого столетия, живота своего не щадивших в битвах со шведами, татарами и Хмельницким. И описания ожесточенных схваток там наличествуют, и романтическая любовь, и приключения спаянных крепкой мужской дружбой героев благородных шляхтичей...

Вот только среди этих блистательных витязей, олицетворения польского рыцарства... *нет* поляков! Понимаете? *Нет*!

Честь Польши защищают одни *инородцы*: литовские чудо-богатыри Кмициц и Подбиятка, «русская шляхта», как они сами себя именуют, славный пан Володыевский сотова-

рищи (окатоличенные украинские дворяне). Этнический поляк среди них только один, пан Заглоба, но это второстепенный персонаж, откровенно комический герой, славный в основном пьянством и совершенно мюнхаузенским враньем...

Десять лет прошло, а у меня до сих пор стоят перед глазами ошарашенные лица моих добрых знакомых, польских писателей, с которыми я однажды поделился этим литературоведческим открытием. Будь панство при саблях, не уйти бы мне невредимым – рубанули бы сгоряча. А потом, после того, как вслед за мной перечисляли героев и погибали пальцы, пришлось моим польским друзьям признать: и в самом деле, они как-то совершенно не замечали, что витязи Сенкевича – сплошь инородцы... Уда-ар!

Ситуация будет понятнее, если уточнить, что великий польский писатель Генрик Сенкевич польской кровью совершенно не обременен. Мать у него литвинка, а отец – из татар, в старые времена осевших в Польше. А впрочем, краса и гордость польской литературы минувшего столетия Станислав Лем – опять-таки не лях, а еврей из украинского Львова.

Но вернемся из времен полузабытых и легендарных в начало двадцатого столетия...

В полном соответствии с базисной теорией, создателем польского государства стал не поляк, а литовский шляхтич Пилсудский. Он это государство создал, он выиграл войну с Советской Россией – и скромненько отошел в сторону. Вот тогда независимые поляки и развернулись вовсю...

Бардак, как водится, настал такой, что хоть святых вон выноси. Сто двенадцать партий бузят в парламенте, экстремист застрелил насмерть законно избранного президента, коррупция фантастическая... Пришлось Пилсудскому свистнуть в два пальца старым сподвижникам и разогнать всю эту шоблу, установив некое подобие порядка.

Лучше всего характеризуют довоенную Польшу строки самого Пилсудского: «...Я же постоянно вынужден был следить за тем, чтобы не произошло предательство. Такая угроза существовала и в Генеральном штабе, и среди генералов, и в Сейме, и в Министерстве иностранных дел... Я победил вопреки полякам – с такими полячишками я вынужден был постоянно бороться... Правительству я доверять не мог, потому что оно крало еще беззастенчивее. У меня не было никакого доверия к Сейму и правительству... В Генеральном штабе каждый иностранец мог читать все, что хотел, военные тайны проникали к немцам и большевикам. Никаких секретов, по существу, не было... В Верховном командовании творились огромные злоупотребления. Вероятно, и многие депутаты Сейма были в них замешаны: не одно депутатское состояние было сколочено в результате злоупотреблений в военном хозяйстве, особенно грязным было дело о разворованных трофеях, взятых у немцев... Я одерживал победы тогда, когда бросал к черту другие дела, брался за главное – командование и побеждал. Победы одерживались с помощью моего кнута».

И после войны Пилсудский выражался о своих подданных ничуть не мягче. «Я выдумал много красивых слов и определений, которые будут жить и после моей смерти и которые заносят польский народ в разряд идиотов». Адъютант маршала услышал от него однажды: «Дурость, абсолютная дурость. Где это видано – руководить таким народом, двадцать лет мучиться с вами». А премьер-министр вспоминал потом, что за два года до смерти у сидевшего со «страдальческим и усталым лицом» Пилсудского вырвалось: «Ах, уж эти мои генералы, что они сделают с Польшей после моей смерти?» И добавил о генералах нечто такое, что Анджеевич, сам признавался, в жизни никому не мог повторить.

Вообще, бессмысленно искать как в событиях того же 1920 г., так и во всей многовековой истории польско-русских конфликтов правых и виноватых. Как бессмысленно пытаться установить, кто первым кинул каменюку, положив начало англо-шотландским войнам – британец или скотт. Как невозможно уже установить виноватых в многосотлетней франко-испанской грызне. У меня есть сильные подозрения, что в подобных ситуациях попросту нет правых и виноватых. У обеих сторон рыльце в пушку, по самые уши...

Новорожденная Польша, между прочим, едва оформившись в нечто официальное, браво отхватила у пребывавшей в совершеннейшем раздрызге бывшей российской империи немалые куски территории, населенной вовсе не этническими поляками, а украинцами с белорусами. А уж *потом* на Варшаву двинулась конница Буденного.

В межвоенное двадцатилетие, как я уже писал в первом томе, в игре азартно участвовали *двое*. ГПУ посылало в Польшу «партизан» вроде Ваупшасова и Хмары, а поляки, со своей стороны, отправляли на территорию СССР бандюков вроде Палияд и Булак-Балаховича. Потому что такая уж у Польши была национальная мечта: создать великую державу от Балтийского моря до Черного. И к середине тридцатых польские военные теоретики эти планы подробно расписывали в капитальных трудах.

Некоторые отечественные авторы именуют Пилсудского «германофилом», что истине несколько не соответствует. Просто-напросто маршал, как де Голль впоследствии, проводил политику «равноудаленности» – старался держаться подальше и от Германии, и от Советского Союза. А вот взявшие штурвал после его смерти господа генералы подобной осторожностью похвастаться не могли. Пилсудский, как к нему ни относись, был фигурой крупной (и Геббельс в своих дневниках отзывался о нем с почтительным уважением, называя «великим человеком», и Сталин, когда Пилсудский умер, объявил в СССР траур). А преемники его, вроде Бека и маршала Рыдз-Смиглы, оказались личностями *мелкими*. И принялись недвусмысленно *флиртовать* с Германией – авось удастся что-нибудь урвать и для себя в надвигающемся европейском хаосе. Германский министр иностранных дел Риббентроп в своем личном дневнике, для посторонних глаз не предназначенном, записал после бесед с Бекком: «Г-н Бек не скрывает, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». А ведь добиться этого Польша могла исключительно в случае войны с СССР – не рассчитывали же в Варшаве всерьез, что Москва им вдруг возьмет да и подарит Украину?!

В 1938 г., когда Германия отхватила у Чехословакии Судетскую область, Польша с превеликим удовольствием заняла чехословацкий Тешинский край (правда, точности ради, следует упомянуть, что этот район чехи самочинно захватили еще в 1918 г., до подписания Версальского договора и официального *кромсания* Германии державами Антанты – просто-напросто у чехов оказалась под ружьем парочка боеготовных полков, а помешать им в тогдашней неразберихе было некому...)

Одним словом, в 1939 г. советские войска вступили не на территорию прославленной многовековым нейтралитетом страны, а воспользовались случаем, чтобы посчитаться со своим старым и заклятым *соперником*. Согласитесь, есть некоторая разница. Точно так же в *наши* смутные времена польские «хоругви» как-то ненароком обосновались в Москве, откуда их пришлось долго и старательно вышибать. В поступке Сталина нет ничего подлого или демонического. Старый, как мир, политико-хозяйственный цинизм – когда у соседа дела особенно хреновы, его не грешно немного *пощипать*...

Особо следует подчеркнуть, что Красная Армия, собственно говоря, вступала на территории, где никакой законной власти не имелось. К 17 сентября польское правительство уже благополучно драпануло в Румынию, куда слинял и главнокомандующий польской армией маршал Рыдз-Смиглы.

Армия, конечно, еще дралась. Польско-германская война, продолжавшаяся неполный месяц, – это как раз печальное сочетание самого беззаветного героизма рядовых и офицеров в невысоких чинах и генеральской трусости и тупости. Именно эти расшитые галунами красавцы не сумели вовремя мобилизовать армию и наладить толковую оборону. Примеров этому столько, что приводить их ради экономии места не стоит. Сошлюсь лишь на одно свидетельство очевидца. Станислав Лем, призванный в свое время в армию, вспоминал: «За три года военной подготовки нам ни разу не говорили о том, что существует что-либо похожее

на танки. Как будто их не было... Все это выглядело – теперь я это вижу – так, словно нас готовили на случай войны вроде франко-прусской 1870 г.».

А ведь польская армия первой (о чем редко вспоминают) приняла на вооружение танки с дизельными двигателями! И выпускала бомбардировщики с истребителями собственного производства – что опять-таки не каждому государству доступно.

Конструкторы были способными, солдаты – отважными... но на самом вершине сидели бездарь, чванливые болваны, знавшие толк лишь в сладких фантазиях о «великой Польше от моря до моря». Они и прогадали все, деликатно выражаясь.

Да, еще один немаловажный штришок. В сентябре 1939 г., называя вещи своими именами, Красная Армия вошла в колониальную страну. Роль колоний выполняли западноукраинские и западнобелорусские земли, к населению которых ляхи относились примерно так, как бельгийцы к конголезским неграм или англичане к индусам. Что вызывало многочисленные восстания и мятежи, отнюдь не советской разведкой инспирированные. Тот же Лем, наблюдатель внимательный, отмечал «жуткую нищету» гуцулов. При всем моем неприязненным отношении к молодчикам пана Бандеры следует признать, что в основе развернутого им против Варшавы террора – не только немецкие денежки и усилия абвера, но и в первую очередь деятельность самих поляков, восстановивших против себя население восточных областей давно и прочно. Так что наши войска там встречали с искренней радостью, а пленные польские офицеры требовали усиленной охраны, боясь проходить мимо толпы украинцев, которые могли и порвать, как тряпку, за все прошлое...

Вот многозначительный пример: 19 сентября моторизованная группа комбрига Розанова, продвигаясь по территории Польши, «столкнулась с польским отрядом (около 200 человек), подавлявшим антипольское выступление местного населения (белорусов. – А. Б.). В этом карательном рейде были убиты 17 местных жителей, из них 2 подростка 13 и 16 лет».

Как видим, польские жолнежи не Родину защищают на фронте, а с привычной сноровкой палат по своим «неграм». Итог? Мотогруппа развернулась и атаковала карателей на всем ходу. Лично мне упрекать их как-то не хочется – опять-таки оттого, что среди тех белорусов, по которым весело палили «чортовы ляхи», могли быть и мои дальние родственники.

В качестве сталинского зверства в свое время поминался варварский расстрел советскими солдатами польского генерала Ольшины-Вильчинского. Однако на самом деле все обстояло несколько иначе...

22 сентября советские танкисты под командованием майора Чувакина схлестнулись с польскими солдатами под командованием означенного генерала. Экипаж одного из подожженных поляками танков (три человека) выбрался из горящей машины благополучно и сдался в плен. Поляки их расстреляли. Всех трех.

Знаменитая Женевская конвенция именуется подобные штучки военными преступлениями. И совершенно не имеет значения, вторглись красные танкисты в Польшу с объявлением войны или без такового. Принцип незыблем: во время боев между вооруженными силами двух государств пленных военнослужащих расстреливать запрещено. После Нюрнберга немало храбрых немецких вояк отправилось на виселицу как раз за подобные прегрешения.

Ну вот, а чуть позже подчиненные Чувакина как раз и захватили автомашину, на которой драпал в Литву означенный генерал, прихватив адъютанта, супружницу и кучу барахла. Шофера, супружницу и барахло отправили восвояси, а вот генерала с адъютантом шлепнули в полном соответствии с Женевской конвенцией – как лицо, всецело ответственное за преступные действия своих подчиненных.

Ну, и в завершение стоит непременно напомнить, что СССР занял в 1939 г. не «исконно польские» земли, а именно ту часть Западной Украины и Западной Белоруссии, которую еще в том самом бурном двадцатом не кто иной, как Антанта, признала частью Советской

России. И наши танки остановились примерно на той линии, что опять-таки определяла в двадцатом Антанта. Многозначительное уточнение, верно?

Пилсудский был политиком жестким, излишней добротой не страдал и Россию, прямо скажем, недолго любил (а почему, кстати, он был *обязан* ее любить?!), но он отличался сугубым реализмом и *дури* в его характере не было. А вот его незадачливые наследники как раз и отличались крайней степенью дури (что Пилсудский, как нам уже известно, давно видел). И вполне могли бы сказать, чуточку перефразируя известное сталинское высказывание: «Пилсудский нам оставил нормальное государство, а мы его просрали». Увы, у них и на это не хватило мозгов. А литовцев на сей раз поблизости не оказалось...

Вообще о состоянии польского ума дает прекрасное представление цитата из тамошней газеты «АБЦ»: «Польша является подлинным другом и защитником балтийских государств от притязаний Запада и Востока... Политическая миссия Польши – защита слабых государств от агрессоров. Это вытекает не из каких-то мистических общенародных побуждений, а из роли польского государства как фактора равновесия в Средней и Восточной Европе».

Это было написано всего за два месяца до того, как «фактор равновесия» в очередной раз исчез с географической карты.

И, разумеется, невозможно обойти молчанием Катынь. Где сталинские палачи якобы самым злодейским образом перестреляли десять тысяч польских офицеров – почему-то исключительно из немецких пистолетов, а не из привычных наганов, как будто с нечеловеческой прозорливостью предвидели, что через год эти места захватят немцы и нужно заранее позаботиться о заметании следов.

Как и в случае с суворовской «теорией ледокола», миф об уничтожении поляков расстрельщиками из НКВД процветал, пока игра шла в одни ворота, и перестроечные горлопаны с неснятыми диагнозами попросту не имели ни оппонентов, ни толковых возражений. Когда появились оппоненты и возражения, дело поплохело буквально на глазах.

Я имею в виду прежде всего Ю. Мухина с его объемной и логически непротиворечивой книгой «Антироссийская подлость», после которой *старую* версию может защищать разве что Новодворская со всем пылом нерастроченной невинности.

Ну да, я прекрасно знаю, что многие Мухина не любят. Неправильный человек, неуживчивый. К тому же порой увлекается тем самым поиском жидомасонов под кроватью.

Но это еще не повод охаивать *все*, что Мухин делает. Его война с рогатыми и хвостатыми сионистами – одна тема, а исследование катынского расстрела – совершенно другая. До сих пор, насколько мне известно, никто еще внятно и логически убедительно не опроверг ни одно из мухинских положений, ни один приводимый им факт. Наоборот. Один, но крайне многозначительный пример. Поначалу орали, что поляков-де приговорило к расстрелу Особое совещание НКВД. Но тут объявился злоредный Мухин и с документами в руках доказал, что помянутое Особое совещание имело право приговаривать исключительно к тюремной и лагерной отсидке, и то на срок не свыше восьми лет. Пришлось срочно выдумывать некую «специальную тройку НКВД», документальные следы которой не обнаружены до сих пор.

Не любят вспоминать «обличители» и о пенсионере Супруненко – который уже в преклонных годах, будучи старым и дряхлым, тем не менее сохранил ясность ума и немалое чувство юмора. Это была песня... «Перестроечные комиссары», нагрянувшие к бывшему ответственному сотруднику НКВД Супруненко, потребовали от него подробных показаний о том, как он, злыдень, в своем управлении расстреливал поляков. Старичок не подвел: выдал леденящую душу историю с точным описанием интерьеров своего управления и немалым количеством жертв. И вскорости помер – без сомнения, напоследок злорадно ухмыляясь. «Комиссары» его показания раззвонили на всю страну, а потом кинулись с телекамерами

в сохранившееся здание означенного управления, чтобы снять убойной силы документальный фильм...

Тут-то и грянул вселенский конфуз. Всем пришлось наглядно, своими глазами убедиться, что в *этом* здании просто технически невозможно было расстреливать по триста человек за ночь, как о том с непроницаемым лицом вещал Супруненко. И отродясь там не было этой самой двери, через которую «выволакивали казненных», и красный уголок не способен вместить триста трупов. Тут-то и поняли «обличители», как мастерски их *кинул* престарелый энкаведешник – но он уже пребывал там, откуда его не способны достать никакие перестройщики...

А посему гораздо больше прав на существование имеет другая версия – что польские офицеры при наступлении немцев *сами* отказались эвакуироваться по той самой дури, полагая, что тевтоны, освободив их из советского узилища, накормят пряниками и напоят старкой. Вот только у немцев были чуточку другие планы...

Есть еще книга французского исследователя Алена Деко (с которой Мухин, как я убедился, к сожалению, не знаком, а зря). За двадцать лет до Мухина Деко столь же логично и убедительно доказал, что катынский расстрел – дело рук немцев. Он отыскал следы конкретной воинской части, которая и осуществляла расстрелы. Он отыскал очевидцев, видевших, как немцы впоследствии возили на грузовиках полусгнившие трупы к тому месту, где с такой помпой обнаружили потом «следы советских зверств». Он отыскал даже неопровержимые свидетельства, что кое-кто из числившихся расстрелянными польских офицеров впоследствии обнаружился живехоньким и здоровехоньким. Книга Деко давным-давно издана в России и раритетом не является...

Катынский расстрел, между прочим – вполне в русле немецкой политики по обезглавливанию польского народа, которую гитлеровцы не особенно и скрывали. Сразу после оккупации Польши они начали массовые расстрелы всех, кто подходил под определение «национальная элита» – военных, ученых, просто людей интеллигентных профессий. Задача была простая и людоедская: превратить «славянских недочеловеков» в тупое быдло, лишенное образованного слоя. Когда гитлеровцы летом сорок первого заняли Львов, там были убиты десятки не успевших эвакуироваться представителей польской интеллектуальной элиты – сплошь и рядом люди с европейскими именами. Прделано это было, правда, руками бандеровцев из батальона «Нахтигаль». А культурные тевтоны потом с притворной скорбью разводили руками: сами они мол, ничего подобного не хотели, но кто же уследит за зверообразными хохлами...

Советские «соответствующие органы», наоборот, сплошь и рядом проявляли неприкрытый гуманизм. Вот, скажем, «дело Окулицкого». Бригадный генерал Леопольд Окулицкий после поражения Польши организовал вооруженное подполье, которое боролось на два фронта – как с немцами, так и с Советами. В январе 1941 г. НКВД отловил его во Львове. Но отчего-то не расстрелял – наоборот, в августе того же года выпустил, чтобы он принял участие в формировании польской армии генерала Андерса. С означенной армией Окулицкий, ее начальник штаба, и убыл благополучно на Ближний Восток.

А вообще-то... Ладно, предположим на миг, что в Катynie и в самом деле потрудились *наши*. Даже при этом раскладе, нравится кому-то это или нет, подобные действия были бы не более чем чуточку запоздалым *ответом* на события двадцатого года. Дело в том, что поляки до сих пор не могут внятно объяснить: куда подевались шестьдесят тысяч советских военнопленных, захваченных в двадцатом и так никогда более не объявившихся среди живых...

Ясно, куда. Сохранилось достаточно свидетельств о том, как поступали с пленными господа в конфедератках. Санинструкторшу насильовали скопом. Артистку военного театра подвесили за ноги к потолку и били плетью. Пленному красноармейцу распороли живот и зашили внутрь живого кота – посмотреть, «кто раньше сдохнет».

Так что претензии – штука обоюдная, господа мои...

И напоследок – еще об одном «сталинском проступке», по поводу которого до сих пор из Польши доносится возмущенное фыркание. Сталин, злодей вселенский, виноват еще и в том, что не помог в 1944 г. организаторам Варшавского восстания, не послал на помощь войска, спокойно смотрел, как немцы с помощью артиллерии и авиации стирают город с лица земли.

Вот тут уже польская дурная наивность взмывает до космических высот...

А почему Сталин должен был помогать руководителям Варшавского восстания? Которое, уточню, было затеяно исключительно для того, чтобы под носом у Сталина захватить Варшаву раньше него и передать ее под юрисдикцию эмигрантского лондонского правительства.

Чутьочку повернем ситуацию. Представим, что летом сорок четвертого, когда союзные войска высадились в Нормандии и продвигаются к Парижу, там вдруг вспыхивает восстание, организованное ориентирующимися на Москву французскими коммунистами. И целей своих коммунисты ничуть не скрывают: провозгласить Париж столицей Французской Советской Республики, просталинской Коммуны, с самого начала нацеленной на противостояние как Вашингтону с Лондоном, так и эмигрантскому правительству генерала де Голля.

Как по-вашему, стали бы в *этих* условиях хоть чем-то помогать Парижскому восстанию и Рузвельт, и Черчилль, и де Голль? Да черта лысого! Наоборот, приостановили бы войска и подождали, пока немцы покончат с такими вот бунтарями. Но то, что у поляков именуется логикой, делает другие выводы: Сталин плох еще и потому, что ничем не помог субъектам, пытавшимся у него под носом передать Варшаву его политическим противникам.

Похоже, они всерьез считают Сталина идиотом, клоуны...

5. Хорошая старая Англия

В книгах Суворова есть еще одна *поганая* подоплека: доказать, будто виновником Второй мировой являлся исключительно Сталин, а вот благородные европейские демократии, наоборот, изо всех своих скудных силенок пытались Гитлера остановить.

Дело, как легко догадаться, обстояло с точностью до наоборот. Именно хорошая старая Англия и несет на себе основной груз вины за многолетнюю бойню под названием «Вторая мировая». Как давно подмечено (и признано самими британцами), у Англии нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов – одни постоянные интересы. Которые, в частности, заключаются еще и в том, чтобы ни в коем случае не допускать появления в Европе какой бы то ни было *силы*, способной всерьез противостоять Англии. А потому англичане не одну сотню лет мастерски и умело стравливали европейские государства, зорко следя, чтобы те истощали друг друга, насколько возможно. Так было еще в Семилетнюю войну, когда не в последнюю очередь благодаря английским интригам схлестнулись Россия и Пруссия, попросту не имевшие противоречий, которые следовало бы разрешать военным путем. Так было и в первую мировую: и Германия, и Австро-Венгрия (о том сохранилось достаточно свидетельств) не перли бы так на рожон, знай они точно, что Англия *неприменно* примет участие в войне. Однако Лондон вилял, крутил, с невинным видом уверял, что останется нейтральным при любом обороте событий – и ободренные тевтоны с австрияками браво двинули войска через границы. После чего в Лондоне сбросили маску и принялись орать на весь мир, что кровожадных гуннов следует немедленно остановить, что Англия с самого начала это провозглашала. И начали воевать по полной программе...

И Англия, и Франция имели полную возможность прямо-таки *прихлопнуть* Гитлера, когда он был слаб и убог. Однако обе державы в самонадеянности своей полагали, что Адольф Алоизович попросту в первую очередь против Советского Союза – следовательно, бить его по темечку не следует, наоборот, нужно рейхсканцлеру пособлять.

Они и пособляли, как могли. Начиная с истории с Рейнской областью. Эта территория, в свое время отторгнутая от побежденной Германии, находилась под управлением союзных держав. В качестве первой пробы мускулов Гитлер вознамерился ввести туда войска – еще не грозные «панцердивизии» вермахта, а слабенькие батальоны полудохлого рейхсвера. Своего рода разведка боем. Предприятие выглядело безнадежным настолько, что германские генералы всерьез договаривались арестовать любимого фюрера, если Англия с Францией *нахмурятся*. Сам Гитлер дал войскам директиву: немедленно отступать, если только навстречу выйдет один-единственный английский капрал или французский фельдфебель и, грозно насупившись, рявкнет: «Брысь отсюда, мать вашу!»

Однако западные державы это *проглотили* и смиренхонько очистили Рейнскую область. Герр Гитлер, хитро щурясь, сделал выводы, как любой неглупый человек на его месте. И потихоньку принялся изничтожать те статьи Версальских соглашений, что превращали армию Германии в нечто опереточное.

Англия с Францией безмолвствовали, как народ в известной трагедии. Историки всего мира до сих пор честно признаются, что не в силах дать убедительное объяснение поступку англичан, подписавших с Гитлером соглашение, по которому Германия вправе была отныне иметь подводных лодок столько же, сколько Великобритания. Я тоже не в силах. С позиций здравого рассудка поведению англичан объяснения нет – особенно если вспомнить, как лихо в Первую мировую германские субмарины терроризировали Британские острова.

Потом Гитлер, воссоединяя братские германский и австрийский народы, присоединил к рейху независимую допрежь Австрию. По-немецки это называлось красиво – «аншлюс».

Англия с Францией одобрительно промолчали. Гитлер уже понимал, что их можно гнуть через колено...

И потребовал от Чехословакии передать ему Судетскую область – изрядный кусок страны с могучими укреплениями и прочим добром. Англия и Франция, вызвав чехословацких руководителей в Мюнхен, принялись выкручивать им руки, объясняя, что воевать с милейшим человеком Гитлером ни за что не станут, а потому панове чехи обязаны немецкий ультиматум принять. Чехам пришлось капитулировать. Английский премьер-министр Чемберлен, вернувшись из Мюнхена в Лондон, громогласно заявил, придурок, встречающим: «Я привез мир для целого поколения!» Того самого поколения, которому совсем скоро пришлось шесть лет бить вшей в окопах. Уинстон Черчилль, надо отдать ему должное, настойчиво протестовал против такой политики, но джентльмены вроде Чемберлена, взирая со снисходительной улыбкой на буяна, покачивали головами: молод наш Уинни, горяч, высокой политики не понимает...

Французы тем временем увлеченно разрабатывали план войны против Советского Союза – авиация в союзе с английской громит бакинские нефтепромыслы, танки и пехота вторгаются с территории Турции и Финляндии.

Захватив Францию, немцы быстренько отыскивали целый чемодан этих планов – и немедленно их опубликовали, цинично посмеиваясь в кулак. Для Франции, как в том анекдоте, получилось как-то неудобно...

Ну, а потом Англия и Франция преспокойно оставили Польшу один на один с вермахтом. А когда одному из высокопоставленных британских деятелей генералы предложили малость побомбить германские леса и заводы, тот, выпучив глаза, словно кот, который гадит на солому (по выражению бравого солдата Швейка), воскликнул прямо-таки в ужасе: «Господа, вы мне предлагаете уничтожить чужую частную собственность?!» Ручаться можно, его даже в дурдом не отправили: ни тогда, ни потом, когда немецкая авиация спалила в Англии чертову уйму частной собственности и поубивала массу народу...

А когда СССР предложил Англии и Франции заключить реальный союзный договор, они прислали в Москву каких-то старых пердунов, военных пенсионеров, которые не имели права ничего подписывать.

Вот и пришлось Сталину заключать с Германией договор о ненападении...

6. Самая короткая ночь, самый длинный день...

Вопреки распространенному убеждению, советские генералы отнюдь не были тупыми солдафонами. Порой они отличались прямо-таки изощренной фантазией и раскованностью ума. Взять хотя бы случившуюся еще до Большого Террора историю, когда знаменитый командир Кутяков предложил Сталину гениальный, с его точки зрения, план ликвидации белой эмиграции (1933 г.). Пройти мимо этой истории никак нельзя (очень уж наглядно иллюстрирует умственные способности «гениальных жертв сталинизма»), а потому, не размениваясь на собственные комментарии и оценки, попросту приведу оба документа, письмо Кутякова и ответ Сталина, благо они короткие, но любопытнейшие.

Вдохновенно пишет Кутяков:

«Дорогой тов. Сталин!

Не моего ума дело, но эта мысль меня беспокоит много времени. Я считаю, что бело-гвардейцев, живущих за границей, нужно всех амнистировать.

Мы теперь настолько сильны, что нам их бояться нечего.

Разрешите им жить в Дальне-Восточном крае.

Этим мероприятием, мне кажется, мы достигнем:

1) Дезорганизуем все белое движение, которое стремится с оружием в руках завоевать себе отечество, т. е. возвратиться в Россию. 2) Оставим всех генералов и вождей без солдат. 3) Заселим Дальне-Восточный край. 4) Заставим – да они сами с охотой, чтобы искупить прошлые преступления, будут зверски драться с японцами. 5) Нам легче и дешевле обойдется их перевоспитать в советском и колхозном духе – в Сибири, чем во время войны драться с ними.

В общем, если бы нам удалось молодых здоровых 100 тысяч перетянуть в Сибирь, этим самым мы окончательно убили бы всякое желание остальных мечтать с оружием в руках завоевывать себе Родину, т. к. без оружия мы даем им право честно трудиться и жить в Сов. России.

Кроме того, японцам это было бы неприятно.

Конечно, тогда нужно организовать в Сибири сильное Г.П.У.

Хорошо было бы это провести XVII съездом партии.

Тов. Сталин, Вы любимый и мудрый вождь нашей партии. Может быть я написал глупость. Прости, что беспокою».

Ответ Сталина:

«И все же я не согласен с Вами, что „белогвардейцев, живущих за границей, нужно все же амнистировать“. Единой и сплошной белогвардейско-эмигрантской массы нет в природе. Милюков, Струве, Керенский, Дан, Гучков, Рябушинский и тому подобное – тоже белогвардейцы. Вы, конечно, согласны, что их не стоит амнистировать. Генералов, вождей всяких и руководящих людей из офицеров, как правильно говорите, тоже, конечно, не следует амнистировать. Не стоит также амнистировать белогвардейцев, несущих службу в полиции, охранки, контрразведки, диверсии и шпионажа у японцев в Маньчжурии, у поляков и финнов на нашей западной границе. Это – люди отпетые. Есть еще одна группа эмигрантов – русские специалисты, инженеры, техники (по промышленности), уже устроившиеся на службе в Германии, во Франции, в Америке, в Балканских государствах. Мы их приглашали в СССР. Но они не хотят возвращаться к нам и не интересуются вопросом об амнистии. Эти люди, видимо, потеряли чувство Родины.

Вот Вам картина.

Остается рядовая и средняя масса эмигрантов, боровшаяся в свое время против нас в армиях Деникина, Врангеля, Краснова, а ныне работой добывающая себе кусок хлеба во

Франции – в городах, в Балканских странах и Бразилии – на полях. Часть этих людей (не все!) не прочь бы, пожалуй, вернуться в СССР. Но они уже не вояки, они воевать не хотят, и если вернуться в СССР, то не для того, чтобы проливать кровь на Дальнем Востоке. Конечно, все бывает на свете, и вполне возможно, что часть из этой группы охотно поедет на Дальвост. Я знаю, например, что в Синецзяне имеется 2000 белогвардейцев, которые ведут себя не плохо и которых мы, вполне возможно, амнистируем не в далеком будущем – все равно – согласятся они пойти на Дальвост или нет. Но такие вещи надо делать не через трибуну XVII съезда партии, в порядке амнифестации, а без шума, в порядке тщательного отбора и кропотливой работы по проверке людей. Предлагаемая Вами манифестация (XVII съезд партии и пр.) нецелесообразна и опасна. Во-первых, овчинка не стоит выделки (соберем 5–10 тысяч людей, а это – мелочь). Во-вторых, такая манифестация может быть понята, как призыв Соввласти к белым придти на помощь, т. е. проявление слабости, что нежелательно для нас. В-третьих, могут подумать, что мы твердо решили воевать с японцами и открыто собираем для этого армию, несмотря ни на что, несмотря на то, что не исчерпаны еще все средства мирного разрешения конфликта, несмотря на то, что японцы, быть может, пошли бы под конец на уступки. Выходит, что мы выглядели бы, как зачинщики войны – не японцы, а мы! Понятно, что нельзя нам лезть в эту штуку, которая, как видите, очень похожа на ловушку...»

Читателю предоставляется самому оценить уровень интеллекта двух дискутирующих сторон.

Я лишь добавлю от себя, что Кутяков не унялся. Ему определенно хотелось быть не просто военным, а *мыслителем*. С идеей амнистии белогвардейцев он еще несколько лет носился, как дурень с писаной торбой, выдвигая столь же авантюрные прожекты, сочинял брошюры касаясь советско-польской войны. Его «теоретические» поползновения встречали без всякого энтузиазма – да вдобавок преждеостоко обидели, не назначив командующим тем округом, который он желал возглавлять. И рассердился товарищ Кутяков, видный мыслитель, и пошел к Тухачевскому в известное предприятие. Ну, шлепнули...

Но особенно пышным цветом фантазия иных генералов расцвела после XX съезда, когда, получив недвусмысленную отмашку от Хрущева, лампасники принялись сочинять всевозможные небылицы о покойном Верховном Главнокомандующем. Тон задавал чурбан номер один Советской Армии Георгий Жуков, а вслед за «сказками дедушки Жоры» и чины поменьше вносили свой вклад в дурную легенду. Сталин, по их уверениям, руководил военными операциями по глобусу, в армейских делах не разбирался вовсе. А главное, стал единственным виновником разгрома Красной Армии в июне сорок первого – поскольку парализовал всякую деятельность высших командиров тем, что строго-настрога запретил ориентировать войска на оборону и приводить их в боевую готовность. По-настоящему талантливые полководцы, вроде Рокоссовского, от этого баснотворчества брезгливо уклонялись, а вот бездарную мелкоту *несло*...

Давайте посмотрим, как обстояло дела в июне сорок первого – согласно не басням, а точным и подробным свидетельствам.

То, что Сталин, согласно укоренившемуся давно и прочно мифу, запугал своих генералов настолько, что они оцепенели, будто кролик перед удавом, и боялись отдать войскам приказ хотя бы поглядывать по сторонам, истине нисколько не соответствует. В действительности все происходило как раз наоборот.

Вот, скажем, нарком Военно-морского флота Кузнецов. Отчего-то грозные сталинские приказы о полнейшей неподвижности до него, полное впечатление, не дошли – и он задолго до рокового часа как раз и приказал своим морякам бдить недреманно и быть готовым к любым поганым сюрпризам. И, как только в три часа утра самого длинного дня года немецкие самолеты пересекли советские границы, уже парой минут позже дружно загрохотала вся зенитная артиллерия Балтийского и Черноморского флотов.

Ни один советский военный корабль не был немцами потоплен, потому что никого не удалось застать врасплох. Зато флотские комендоры отправили на дно не один самолет с черными крестами на крыльях. Между прочим, знаменитые бомбежки Берлина летом сорок первого провели как раз не армейская, а флотская авиация...

Печальная истина в другом: *сухопутчики* оказались настолько бездарными и тупыми, что едва не просрали все дело.

Еще в начале пятидесятых Генштаб Советской Армии, по каким-то своим надобностям, провел широкомасштабный опрос оставшихся в живых генералов, в июне сорок первого как раз и начинавших воевать у западных границ СССР: когда они получили приказ на приведение войск в готовность для отражения возможного немецкого удара? Когда вывели свои войска на рубежи обороны?

И что же выяснилось?

Генерал Полубояров (командовавший автобронетанковыми частями Прибалтийского военного округа): командование подчиненных ему механизированных частей получило директиву о приведении соединений в боевую готовность *шестнадцатого* июня!

Генерал Собенников (бывший командующий 8-й армией): ему приказали развернуть части для обороны *девятнадцатого*!

Генералу Шумилу, бывшему командиру корпуса той самой 8-й армии, велели занимать оборону даже раньше – *восемнадцатого*!

Генералу Пуркаеву (в 1941-м – начальник штаба Киевского военного округа) военный совет округа разрешил, согласно предложению самого Пуркаева, разворачивать для обороны стрелковые дивизии еще *четырнадцатого*!

Генерал Баграмян вспоминал, что войска того же округа, точнее, их оперативные резервы, начали развертывание еще за *пять* дней до войны. Для обороны, обороны, обороны!

Таких свидетельств много. Во-первых, еще за неделю до войны войскам приказали разворачиваться, занимать позиции, выводить технику, окапываться. Во-вторых, их тогда же ориентировали не на «внезапный удар», а на *оборону*!

Что же случилось? А случилось то, что иные военачальники вели себя то ли как тупицы, то ли как предатели. Западный военный округ (бывший Белорусский) под командованием уже знакомого нам генерала Павлова (того, что в Испании саботировал то, ради чего его туда послали), просто-напросто *не выполнил* директивы Генерального штаба о развертывании войск и подготовке их к обороне. Павлов вовсе не был «парализован страхом» и требованиями «не поддаваться на провокации». Недвусмысленный, ясный приказ вышестоящих инстанций разворачивать войска для обороны *был*. А Павлов его не выполнил!

Когда после сокрушительного разгрома Западного военного округа Павлова повязали вместе с его непосредственными подчиненными, на следствии выяснилась масса любопытнейших вещей – в довесок к тому материалу, что лежал на Павлове еще со времен Испании.

Павлов признался, что в свое время вел с Уборевичем и Мерецковым весьма примечательные разговоры: «Уборевич и Мерецков всему командному составу прививали германофильские настроения, говорили, что нам надо быть в союзе с Германией, так как германскую армию они очень высоко ценят... Мерецков всегда внушал мне, что Германия в ближайшее время воевать с Советским Союзом не будет, что она глубоко завязла в своих военных делах на западном фронте и в Африке...»

Потом Мерецков выражался еще откровеннее: мол, в случае нападения германской армии на СССР ни ему, ни Павлову, «хуже не будет».

Можно, конечно, привычно прокричать, что показания эти «выбитые». Но, во-первых, речь опять-таки (в который уж раз!) идет не о шпионстве за деньги, а о прогерманской ори-

ентации. О германофильстве, которое от шпионажа весьма существенно отличается. А во-вторых, отчего же Павлов еще до ареста вел себя, как предатель?

Поначалу он ныл, что в полном соответствии с директивами Генштаба еще пятнадцатого приказал вывести войска из Бреста на позиции, но не проконтролировал исполнение своего приказа, и командующий 4-й армией Коробков его не выполнил. В результате чего подчиненные Павлову две стрелковых дивизии и одна танковая понесли такие потери, что «более, по сути дела, как соединения не существовали».

Однако помянутый Коробков, мгновенно сообразив, что из него делают крайнего, в голос от этой сомнительной чести отказался. Со всем пылом. Он заявил, что приказа, о котором говорит Павлов, тот *не давал вообще!* Начальник связи округа генерал Григорьев эти показания Коробкова тут же подтвердил, рассказав, что Павлов и его начштаба Климовских даже после телеграммы начальника Генштаба так и не предприняли каких бы то ни было действий по развертыванию войск. Григорьев деликатно назвал этот поступок «благодушием».

Хорошие мои, когда командующий военным округом откровенно саботирует приказы Генштаба, это именуется *изменой!* И показания предателя с генеральскими звездами после его *действий* уже не выглядят «выбитыми»!

А если добавить, что Павлов, как опять-таки деликатно выражается историк, «не угадал» направления главного танкового удара немцев, оборачивается и вовсе недвусмысленно. Не угадал, бедняжка. Раскинул на кофейной гуще, но не угадал – и прикрыл противотанковой бригадой людское направление. А немецкие танки ударили не по Лиде – по Минску... Точно так же Павлов *угробил* конно-механизированную группу Болдина, бросив ее на Гродно, где советские войска были встречены не танками, как рассчитывал Павлов, а пехотой – и разгромлены...

Героическая оборона Брестской крепости известна всем. Гораздо менее известно, почему в крепости, как в ловушке, оказалось заперто немало войск и техники. Именно потому, что Павлов, получивший приказ вывести войска, его не выполнил. И крепость стала западной. Все погибшие там советские солдаты – на совести Павлова.

В общем, из всех тогдашних фронтов Западный под командованием Павлова оказался самым бездарно управляемым. Именно на том направлении немцы достигли наибольших успехов и вышли на оперативный простор. Хотя Белоруссию сам Бог создал как идеальный плацдарм для обороны – леса, реки, болота...

Павлова с его компанией прислонили к стенке, но это уже мало что могло спасти.

Да, вот что еще... Нужно раскрошить в пыль еще один укоренившийся миф: якобы все беды и поражения начального периода войны произошли оттого, что войсками, за отсутствием вырезанных в роковом 1937-м талантливых маршалов и генералов, командовали скороспелые выдвиженцы из низов. Что якобы «полками командовали лейтенанты».

Посмотрим, как обстояли дела на Северо-Западном направлении. Кто там у нас командует Северо-Западным фронтом, созданным на основе Прибалтийского военного округа? Поди, свежесыпанный из майоров невежа со сверкающими свежим военторговским блеском генеральскими звездами, полученными по счастливому случаю? Вчерашний капитан, выдвинувшийся благодаря доносам?

А вот и не угадали! Фронтом командует генерал Федор Исидорович Кузнецов, кадровый, из *ранешних*, не затронутый репрессиями! Тот самый, что много-много лет преподавал тактику, и не в захолустном пехотном училище ускоренного выпуска, а в престижнейшей Военной академии имени М. В. Фрунзе. Штаб у него состоит опять-таки не из скороспелых выдвиженцев, а из преподавателей той же академии и Академии Генштаба. Почти поголовно – *старые* военные деятели, те самые «птенцы Тухачевского», «соколы Уборевича»!

И эти кадровые (слово это отчего-то положено произносить с почтительным придыханием) почти моментально все просрали... Простите на грубом слове, но именно так и

обстояло. Очень быстро Северо-Западный фронт был немцами разгромлен. Как ни пытался выправить положение срочно отправленный туда генерал с прогремевшей впоследствии фамилией Ватутин – поздно было, поздно...

Будем и дальше верить сказочкам о «скороспелых командирах полков» и «истребленных кадровых военачальниках»? «Кадровые» как раз и стали виновниками разгрома.

Что характерно, многократно руганные и охаянные Буденный с Ворошиловым проявили себя в июньских боях совершенно иначе!

Пусть и не военными гениями, но как раз на тех направлениях, которыми командовали Ворошилов (Северо-Западное) и Буденный (Юго-Западное) вермахту так ни разу и не удалось устроить ни одного «котла». В противоположность тому, что творилось на других фронтах. Ворошилов и Буденный отступали, конечно, огрызаясь, насколько могли, но ни одной дивизии из тех, которыми командовали эти два «невежды» и «лошадника», немцам так и не удалось окружить. У нас как-то не принято вспоминать, что деятельность Ворошилова тем летом довольно высоко оценивал человек заинтересованный и сведущий – начальник штаба вермахта генерал Гальдер (которого, легко догадаться, исторические решения XX съезда ни к чему не обязывали, а от Хрущева с Жуковым он тем более не зависел и мог писать правду...)

Иными словами, генералы свалили на Сталина собственные ошибки и бездарное руководство войсками – благо это было выгодно со всех точек зрения и прямо поощрялось как партийным, так и военным руководством.

Странно вели себя иные лампасники, предельно странно! До войны – да и в ходе ее – отчего-то упрямо не принимали на вооружение перспективные образцы оружия. 57-мм противотанковую пушку *тормозили* не Сталин с Куликом, а деятели из Главного артиллерийского управления РККА: мол, чересчур мощная, и подходящих целей для нее нет. Рации советских истребителей за год до войны сняли и свалили на склады не по воле Сталина, а приказом Смушкевича и Рычагова, очередных «безвинных жертв». О всех странностях, связанных с Мерецковым, – чуть погодя. Поговорим о тех, кто сражался храбро, но был забыт опять-таки из-за политической конъюнктуры...

Поскольку после смерти Сталина был убит Берия, которого отныне повелено было считать олицетворением мирового зла, поскольку застрелился его зам по войскам генерал Масленников (герой обороны Кавказа), заодно в массовое сознание успешно *воткнули* очередную ложь – якобы войска НКВД занимались исключительно охраной лагерей, а в свободное время в составе заградотрядов расстреливали безвинных армейцев и выискивали по войскам мнимых шпионов.

На деле войска НКВД *воевали*. И воевали выше всяких похвал.

Уже в июле оборона Москвы была поручена не армейцу, а генералу войск НКВД – пограничнику Богданову. Из шести армий его фронта четверть командовали генералы НКВД, и неплохо, знаете ли, командовали, поскольку враг в столицу так и не вошел.

Первые гвардейские дивизии Красной Армии – это четыре дивизии войск НКВД!

Кавказ от немцев отстояла опять-таки не армия, а войска НКВД под командованием Масленникова.

И наконец, среди козлов в генеральских званиях, пошедших на службу Власову, не было старших командиров НКВД. Представители всех прочих родов войск наличествовали, а вот генералов НКВД в РОА не было. Кроме одного-единственного урода, о котором – позже.

Вот, кстати, о заградительных отрядах, опять-таки демонизированных до высшей степени ужаса и омерзения...

Их существование было оправдано жесткими законами войны. Нельзя иначе, когда предатели вроде Павлова разваливают все, до чего смогут дотянуться, «кадровые» бегут, как

бараны, срывая офицерские петлицы и выбрасывая партбилеты, а на фронте немало еще клинических идиотов, которые отказываются стрелять в немецких «братьев по классу» (были такие, были, документов сохранилось достаточно!). Вообще, заградотряды придумал даже не Троцкий в восемнадцатом году, а французские генералы несколькими годами ранее. Столкнувшись с расплодившимися беглецами и паникерами, французы не стали чирикать о правах человека и прочей лирике, а выставили *в заслон* сенегальцев с пулеметами. И, знаете ли, подействовало...

Штрафные батальоны, опять-таки – придумка не Сталина, а Гитлера. Вот строки из знаменитого приказа номер 227 от 28 июля 1942 г.: «После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасных участках фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражения.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует».

После этого приказа и появились штрафники...

Вернемся к заградотрядам. Наша старая знакомая, беспристрастная дама по имени Суровая Статистика и здесь не подкачала – вопреки мифам о поголовном расстреле или, как минимум, заключении в лагерь бедолаг, попавших в лапы «заградителям» или Смершу, процент расстрелянных, в общем, ничтожен и вполне согласуется с суровыми реалиями войны.

Что до Смерша, якобы безбожно терроризировавшего армию в поисках мнимых шпионов – у нас сплошь и рядом не отдают себе отчета, что в начале войны превеликое множество людей с превеликой охотой *сами* объявляли себя немецкими шпионами, прямо-таки из кожи вон лезли, чтобы их признали именно шпионами.

И ничего необычного в этом нет. Потому что так поступали *дезертиры*.

Дезертиров тогда либо без всяких церемоний шлепали перед строем (на что имел право практически каждый командир), либо, что случалось гораздо чаще, отправляли в *особые* штрафбаты, исключительно для дезертиров и самострелов, так сказать, штрафбат внутри штрафбата.

А вот разоблаченного немецкого шпиона полагалось отправлять в тыл, в распоряжение уже не военных, а контрразведки, и вдумчиво, по всем правилам *разрабатывать*. Шпиону как раз расстрел почти не грозил. Лагерный срок – да. Немаленький – да. Но срок, а не передовая или расстрел у первой подходящей березки.

Дальше объяснять? Подумайте сами, что выгоднее трусу и шкурнику – лежать с полученной за дезертирство пулей в башке, оказаться в штрафбате, в самом пекле, или вместо этого отправляться в лагерь?

Вот то-то и оно... И *наверху* эти нюансы вскоре просекли. Слишком часто мне приходилось слышать от ветеранов Смерша, вообще от военных, что существовал некий приказ Берии, датированный то ли летом, то ли осенью сорок первого. Его содержание все, не сговариваясь, пересказывают одинаково: в связи с большим количеством лиц, прикрывающих свое дезертирство вымыслами о якобы вербовке их немцами, чисто словесные заявления в расчет не принимать. В разработку брать только тех, кто сможет дать какие-то *реальные* доказательства вербовки, поддающиеся проверке. Всех прочих, не мудрствуя, считать дезертирами и поступать соответственно...

Это похоже на Берию, реалиста и прагматика. И я не удивлюсь, если однажды окажется, что этот приказ существует.

К вопросу о пленных, якобы после своего возвращения в разлюбленное Отечество опять-таки поголовно отправляемых за колючую проволоку.

Очередная чушь. Статистика публиковалась столько раз, и она настолько противоречит мифам, что я и не буду в сотый раз приводить сухие цифры. Я вместо этого возьму под критическую лупу снятый во время «угара перестройки» фильм «Холодное лето 53-го».

Тогда он, как говорится, проканал. Сегодня, увы, к нему следует относиться так, как он того заслуживает – как к брехне чистой воды. Актеры великолепные, но...

Во-первых, бериевская амнистия просто-напросто не предусматривала освобождения столь явных и закоренелых рецидивистов, какие в фильме показаны. Во-вторых, что гораздо существеннее, главный положительный герой фильма, капитан Лузгин, прототипов в реальной жизни иметь попросту не мог.

Если кто помнит, в фильме вся вина означенного капитана состояла в том, что он где-то в Австрии угодил к немцам в плен и, проведя там всего несколько часов, бежал – но зловещие сталинские сатрапы за эти несколько часов вlepили ему восемь лет колымских лагерей.

Я не стану тратить эмоции и матерные слова, характеризуя этот бред так, как он того заслуживает. Я просто расскажу историю не киношного, а всамделишного пленного советского офицера, отсидевшего в немецком «шталаге» не пару часов, а два года.

Итак, С. П. Лисин, капитан 3-го ранга, командир подводной лодки Балтийского флота «С-7». Во время очередного боевого похода «С-7» была торпедирована финской субмариной, и несколько членов экипажа вместе с командиром (они во время взрыва стояли на мостике и потому уцелели) попали в плен. Немцы их забрали у финнов и отвезли в Германию. Потом Лисина перевезли обратно в Финляндию, а после выхода ее из войны, вместе с другими пленными, передали Советскому Союзу. В плену, как я уже говорил, Лисин пробыл два года...

И что же, расстреляли? Посадили? Да ничего подобного! Разумеется, последовала проверка. Выяснилось, что в плену Лисин вел себя достойно – на допросах молчал, несколько раз пытался бежать, отказался даже работать в руднике.

Лисину (которого, кстати, на время проверки вовсе даже не сажали под арест) вручили звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. К высокому званию он был представлен еще до плена – и, что интересно, представление утвердили уже тогда, когда Лисин пребывал в плену (о чем он узнал от сбитого советского летчика, узнавшего Лисина по фотографии в газете)! А потом он был назначен командиром дивизиона подводных лодок Тихоокеанского флота. И долго еще оставался на флоте на строевых и преподавательских должностях.

Вот это – *реальная* судьба. Не содержащая, кстати, ничего уникального. Подобных случаев – множество...

Я уже собрался перейти от наших военнопленных к другой теме, но тут подвернулся очередной пухлый опус Леонида Млечина. На сей раз выпускник главного вуза страны, рассказав о трагической судьбе Якова Джугашвили, по своему обыкновению начал *дурковать*: «Отец мог спасти сына, обменяв на пленных немцев, и в этом не было бы ничего дурного.

Но не захотел. Мало кто думал о том, что в этом человеке умерли даже отцовские чувства. Похоже, своего первенца он просто не любил».

Господи ты Боже мой... Ну что тут скажешь? Сталин – это Сталин, а Млечин – это Млечин, и пишется «Млечин»...

В обмене Якова Джугашвили на пленных немцев не было ничего дурного?! Мать вашу, да через пять минут после удачно проведенного обмена вся немахонькая машина германской пропаганды загрохотала бы по полной! Легко представить, *какие* листовки запорхали бы над советскими окопами. «Ага! – злорадно орали бы немецкие пропагандисты. – *Своего* сыночка ваш вождь выручил, порадел родному человечку, а вот ваши детки, братья и папаши так и будут томиться за проволокой!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.